

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ДЕПАРТАМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ПГУ)
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. В. Г. БЕЛИНСКОГО

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

*Сборник научных статей
III Международной
научно-практической конференции*

г. Пенза, 24–26 сентября 2015 г.

П о д р е д а к ц и е й
доцента Е. К. Рева

Пенза
Издательство ПГУ
2015

УДК 002.703.0(063)
ББК 83(2Росс-Русс)
Ц37

Ценностные ориентиры современной журналистики : сб.
Ц37 науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–26 сентября 2015 г.) / под ред. доц. Е. К. Рева. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – 136 с.

ISBN 978-5-906831-08-8

В предлагаемом читателю сборнике представлены статьи, отражающие значимые ориентиры современной журналистики и показывающие актуальность научных аспектов, связанных с публицистикой и литературной критикой (XIX–XX вв.). Каждый материал данного издания вносит свое содержание в понятие «ценность», применительное к журналистике.

Сборник рассчитан на специалистов, работающих в СМИ, представителей академической и научной среды, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития журналистики.

УДК 002.703.0(063)
ББК 83(2Росс-Русс)

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *Е. К. Рева*
(ответственный редактор),
доктор филологических наук, профессор *Е. Н. Сердобинцева*,
кандидат филологических наук, профессор *И. Ф. Шувалов*

ISBN 978-5-906831-08-8

© Пензенский государственный
университет, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя предлагается 3-й выпуск научного сборника, собранного по материалам проведенной кафедрой журналистики историко-филологического факультета ПГУ научно-практической конференции «Ценностные ориентиры современной журналистики». За три года конференции с таким названием объединили авторитетных ученых, практикующих журналистов, аспирантов, студентов не только из России, но и из других стран. В 2015 г. география участников пополнилась такими городами, как Архангельск, Санкт-Петербург, Саранск, Челябинск, Улан-Батор (Монголия), Токио, Хамада (Япония). В предлагаемом читателю сборнике опубликованы статьи ученых крупных российских и зарубежных вузов: профессора А. А. Грабельникова, профессора А. А. Демченко, профессора А. И. Иванова, профессора Т. Баасансурэна, профессора Д. В. Петросяна, профессора П. Ф. Потапова, а также материалы начинающих исследователей: студентов И. С. Кузнецова, А. А. Лысюк, О. С. Морозовой, Х. С. Трусовой. Вклад в работу конференции молодых ученых очень важен – это взгляд нового поколения на журналистику, попытка определения ценностных ориентиров института СМИ, их исследования открывают новые перспективы научного знания.

Конференция и сборники, изданные по итогам ее работы, не только пополняются новыми именами (а среди них Р. П. Баканов, А. Н. Гришанина, Т. В. Дубровская, Е. И. Замотина, Ю. Накано, Т. Н. Островская, Я. В. Солдаткина, О. В. Третьякова, Г. Н. Щетинина), но и сохраняют постоянных авторов (Н. В. Вакурова, Е. А. Зверева, Л. И. Московкин, Е. Н. Сердобинцева, И. А. Хамзах, И. Ф. Шувалов, К. Ямамото и др.).

Современное состояние средств массовой информации побуждает теоретиков и практиков искать ценностные ориентиры, по которым, возможно, предстоит развиваться журналистике. Этот аспект обуславливает необходимость глубокого изучения вопросов, связанных с историей журналистики и публицистики, привлечения опыта ученых из других стран, разработки новых подходов к рассмотрению национальных и региональных аспектов журналистики, выстраивания методологии, основанной на выявлении новых возможностей средств массовой информации и коммуникации. В силу этих причин материалы данного сборника могут служить своеобразным учебным пособием для студентов, магистрантов и аспирантов.

ОБРАЗ ТУРЦИИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ «GEO», «TRAVELER»

В 2015 г. главной темой сразу двух географических изданий стала Турция. Номера за июль-август журналов «Geo» и «Traveler» были посвящены этой стране. Владимир Есипов в своей редакционной статье следующим образом объясняет выбор доминирующей темы: «Некоторые мои знакомые при слове Анталя брезгливо морщатся. Наверное, их можно понять – в сознании многих средиземноморское побережье Турции ассоциируется с бетонными коробками отелей, переполненными бассейнами, пьяными отпускниками и их неугомонными детьми. <...> Но есть и другая Турция, которую мы представляем в этом номере – край романтических бухт, уютных ресторанчиков у моря и массы интересных мест, от древних городов до национальных парков» [6, 4]. То есть цель данного выпуска – развеять устоявшиеся стереотипы в отношении типичных турецких курортов.

Реализуется эта цель в пяти журналистских материалах. Первый из них, «Эгейские жемчужины», представлен справочной информацией о бухтах, расположенных на западе Турции, где, как пишут авторы, «царит ностальгическая атмосфера традиционного средиземноморского отдыха» [3, 68]. Каждая информационная справка сопровождается заголовком, характеризующим достоинства конкретной туристической зоны, а в тексте затем дается расшифровка этой характеристики: например, Ассос – «Божественный дизайн» («В порту лепятся друг к другу неоштукатуренные дома из дикого камня. В открытых ресторанах благоухают на тарелках тушеные окуни и креветки. У берега покачиваются на волнах рыбацкие лодки и яхты. <...> идиллический ландшафт, идеально подходящий для ужина с бокалом вина и видом на греческий остров Лесбос» [3, 69]), Каздаги – «Зеленее не бывает» («Высокие сосны, буки и дубы, шумные водопады, журчащие ручьи и залитые солнцем горные луга» [3, 69]), Эфес – «Античный шик» («Ворота Геракла, библиотека Цельсия, античный амфитеатр – местные достопримечательности привлекают миллионы туристов» [3, 72]), Тире – «Панорамы в ассортименте» («Тихие улочки старого города с домами, тонущими в палитре ярких цветов: желтые лимоны, зеленые липы, кобальтовая синь неба» [3, 73]). Кроме колоритных описаний (а журналисты, действительно, прибегают к выбору эпитетов, передающих все краски изображаемых мест) и сопровождающих текст ярких фотографий, справочная информация располагает практическими сведениями (время и способы передвижения, стоимость билетов).

«Камень с душой» Ксении Головановой – материал другого плана. По жанровой природе это репортаж, по тематической направленности – познавательный репортаж. К. Голованова, предлагая читателю информацию о турецком курорте Бодрум, вводит в текст и сведения о климатических особенностях города («В одну и ту же неделю октября, из года в год, зацветает османтус, поручитель мягкой и теплой зимы – других в Бодруме не бывает. Исключительно пунктуальны и сами сезоны: лето всегда приходит в начале мая, когда сонная рябь Эгейского моря зажигается синим странного, почти химического оттенка – такой бывает у вывесок круглосуточных кафе и редких африканских минералов» [4, 75], «В апрельской программе три небольших шторма, а в начале мая запланирована последняя буря сезона, так называемый рожковый вор – ураганный ветер, который срывает стручки с бодрумских рожковых деревьев и роняет их уже в Стамбуле» [4, 76]) и подробную историческую справку о развитии города как курорта (например, «считается, что моду на Бодрум ввел писатель Джеват Шакир Кабаагачлы, сын богатого паши и выпускник Оксфорда, сосланный сюда в 1920-х за вольнодумство. Когда срок ссылки истек, Кабаагачлы никуда не поехал, а вместо этого взял звучный турецкому уху псевдоним Халикарнас Балычкысы – «рыбак из Галикарнаса» – и принялся сочинять малую прозу о ныряльщиках за губками, рыбаках, капитанах шхун и тюленях» [4, 75]). При этом журналист погружает читателя в атмосферу, царящую в Бодруме, например, во время пятничного базара. Эта часть публикации является очень яркой в описательном плане, создавая «эффект присутствия». К. Голованова, с намеком на гастрономические предпочтения жителей, богатство и особенности местных продуктов, пишет, что на бодрумском базаре продают «каштаны, маленькие, с мизинец, баклажаны и дикий шалфей, который хранится годами, не теряя своих душистых свойств» [4, 76], предлагают покупателю «десятки видов оливок», «дают попробовать мед из сосновых иголок и мед из душицы, без которых невозможен классический бодрумский бутерброд – с молодым сыром, оливковым маслом и мятой» [4, 76]. Из приводимых в этой части публикации описаний в определенной степени представляется и гастрономический образ жителя этого города: «Рыночный маршрут любого бодрумца рассчитан до сантиметра. У них иммунитет к дешевой зире, поддельному шафрану и перцу, что выдохнется через месяц – они охотятся за настоящими сокровищами рыбных рядов: морские трюфели, которые едят холодными и сырыми, морские финики, изъятые из трещин в подводных камнях, маленькие, но сладкие крабы и морской черт, чья жуткого вида голова идет на суп, а щеки на соус» [4, 76]. Представлен и «портрет» продавцов, которым за прилавками «ассистируют сыновья, невестки и бойкие внуки: иначе говоря, почтеннейшие семейства слаженно работают над тем, чтобы каждый посетитель базара – главного бодрумского музея – получил свою долю прекрасного» [4, 76].

Гастрономическую тему К. Голованова продолжает в другом материале «Мидийный портал». Название дает читателю ориентир на тот продукт, на котором журналист делает акцент. А из лида («Измирские каникулы – это изматывающая охота на мидий, когда голодной толпой тебя три раза в день притирает к тележке с уличной снедью» [5, 83]) понятно, что мидиями славится Измир. В районе Измира, как пишет журналист, ловлей моллюсков занимаются вручную, и этот промысел популярен в десятках деревень: «На рассвете мужчины, к которым в этой части Турции относят всех мальчиков старше двенадцати, выходят к морю, а уже через пару часов спустя их матери, сестры и жены вскрывают раковины ножом, промывают под струей воды и начиняют моллюсков пряным рисом с изюмом и кедровыми орешками. Так получается измирская долма – фаршированные мидии, которые потом ящиками грузятся на тележки уличных торговцев» [5, 83]. Как бы давая совет будущим туристам, К. Голованова пишет: «Долму можно покупать хоть поштучно, но это порицается – достойная уважения порция начинается с десятка» [5, 83]. Характеризуя современные тенденции в турецкой гастрономии, журналист указывает на то, что ракушки стали типичным турецким фаст-фудом, при этом вытеснив классические блюда, такие как кебаб, денер, балык-экмек (бутерброд с мелкой жареной рыбой) и кокорец (рубленые и крепко перченые бараньи потроха в хлебе, которые продают почти на каждой улице).

К. Голованова, характеризуя рецепт фаршированных мидий как идеальный («в нем любовно сожительствуют соленый, кислый и сладкий вкусы»), оговаривается, что «к специфическому запаху, который сопровождает тележки с мидиями, нужно привыкнуть: в его присутствии бледнеет даже тяжелый аромат жасмина и пасуют портовые запахи» [5, 83]. Материал К. Головановой отличает образность языка, что способствует максимальной передаче читателю вкусов и запахов национальных блюд. Например: «Где-то между сладким и соленым лежит тонкой прослойкой морской воздух и еще более тонкой, острой – понимание того, что в этот час местные кафе начали разливать раки» [5, 83].

Не лишен гастрономического компонента и материал Майка Бранденбурга «Тишь, гладь...», посвященный Ликийскому побережью Турции. Но он здесь второстепенен, включается в текст для придания описываемым местам дополнительного колорита («Айнур Курт сервирует завтрак: свежее испеченный хлеб, джем из гранатов с розмарином, яйца из под соседских куриц, сыр с фермы, расположенной высоко в горах» [2, 81]). Предваряет журналистский материал справочная информация о районах побережья (Саклыкент (национальный парк), Эльмалы, Сагаласос, Бейчик и Улупинар, Оваджик-Кею), подобная той, о которой мы писали выше. В основном же тексте представлены сведения о других территориях, представляющих интерес для путешественников (деревень-

ка Хойран и Чиралы, Патара, знаменитая античным наследием, остров Кекова). Особенностью этой публикации является то, что автор знакомит читателя с конкретными жителями этих мест, приводит их слова: «Мехмет Боялы с женой Эмине сидят под фиговыми деревьями у своего дома. Он продает огурцы, она колет миндаль. <...> «Жаль никто не останавливается, – говорит Мехмет. – Я бы с радостью принял гостей». У него две коровы и две козы. Дом построен по старинке: стены из соломы, коры пробкового дерева и глины. Мехмет сам замешивал строительный раствор из толченого конского волоса, яичного желтка и красной глины» [2, 81], «Айнур звонит в колокольчик, призывая всех на ужин к шведскому столу. Потом стулья сдвигают в сторону, и ресторан превращается в концертный зал. Главная артистка тут Айше. Утром она убирает кровати, а вечером чарует всех танцев живота» [2, 82], «Настоящий защитник Патары – совсем не небожитель. Фахри Ишик известен в округе как "каменный человек. Сохранение античного наследия Патары для усатого 6 8-летнего археолога – дело жизни"» [2, 82].

Прибегает автор публикации и к пейзажным зарисовкам. Этот прием обусловлен географической направленностью материала. Пейзажи также придают дополнительный колорит изображаемой картине: «Грандиозный пейзаж. Особенно на закате, когда солнце, словно драгоценный камень в оправе из Таврских гор, медленно погружается в бирюзовое море», «С прибрежной дороги между Кемером и Даламаном открывается вид на незастроенные бухты, безлюдные пляжи и море, похожее на мерцающий сапфир. Цветут каменные дубы и раскидистые сосны, горные склоны покрыты шубой из шалфея и тимьяна. В воздухе стоит аромат сена и яблок» [2, 82].

Еще один материал «Эгейское и Ликийское побережья», ориентированный на потенциальных туристов, посвящен характеристике турецких отелей. Он сопровождается колонкой «Гид», где представлена информация о рейсах, визовом режиме для россиян, советы, какие достопримечательности стоит посмотреть [9].

В журнале «Traveler» тема Турции реализуется двумя публикациями, но основным выступает репортаж Александра Железняка «Под парусами по древней Карию». Цель репортажа, как и публикациях журнала «Geo», – показать неизвестную Турцию. Журналист локализирует свое путешествие окрестностями Бодрума. Но по сравнению с репортажем К. Головановой, в этом материале акцент делается на географический компонент («Сначала кажется, что это совсем небольшой грот, но постепенно взгляду открывается целая система карстовых полостей» [7, 73], «На северной стороне острова есть несколько бухт, и местные дайверы обещают показать нам нечто очень красивое...» [7, 73], «В глубине залива Гекова много изрезанных бухт и диких пляжей и почти нет цивилизации. Сосны спускаются прямо к воде...» [7, 75]). При характеристике то-

го или иного места автор публикации прибегает и к легендам, например описывая остров Клеопатры или Черный остров. Обращается внимание на то, что в окрестностях Бодрума нет туристов («... только один долго-вязый англичанин, увидев незнакомцев, подходит к нам в надежде пообщаться» [7, 74]). Завершает основной текст справочная информация о городах, поселках, архипелагах провинции Мугла (Бодрум, Гекова, Додеканес, Мармарис, Гомюшлюк, Эфес, Датча). Следующий материал А. Железняк также справочный, здесь представлена информация для туристов. При этом автор поясняет: «Регион Бодрум очень популярен среди жителей Турции, но о нем почти ничего не знают за рубежом. Русские оккупировали Анталию, немцы – Мармарис, а в соседнем Бодруме до недавнего времени даже меню в ресторанах было только на турецком. Хитрые продавцы до сих пор не могут отличить в тебе жителя России, чего не скажешь об их коллегах из Анталии. Но все меняется: новый аэропорт, интересные проекты, привлекающие туристов, возможность получить греческую визу прямо на месте и потом не думать о границах – все это делает Бодрум более привлекательным» [8, 82]. Также рассматриваемый номер журнала имеет тематическую вкладку, полезную в туристическом плане.

Рассмотренный журнальный материал продолжает тему, затронутую ранее в нашей публикации «Образ Турции в российских печатных СМИ: историко-культурный диалог (газеты "Известия" и "Комсомольская правда")» [1].

Список литературы

1. Акти, А. Образ Турции в российских печатных СМИ: историко-культурный диалог (газеты «Известия» и «Комсомольская правда») / А. Акти // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (5 ноября 2014 г.). – М. : РУДН, 2014. – С. 221–226.
2. Бранденбург, М. Тишь, гладь... / М. Бранденбург // Geo. – 2015. – Июнь–август. – С. 78–82.
3. Виммер, М. Эгейские жемчужины Geo / М. Виммер, М. Буссман, Г. Трегер. – 2015. – Июнь–август. – С. 68–73.
4. Голованова, К. Камень с душой / К. Голованова // Geo. – 2015. – Июнь–август. – С. 75–76.
5. Голованова, К. Мидийный портал / К. Голованова // Geo. – 2015. – Июнь–август. – С. 83.
6. Есипов, В. Страна по системе «все включено» / В. Есипов // Geo. – 2015. – Июнь–август. – С. 4.
7. Железняк, А. Под парусами по Древней Карию / А. Железняк // Traveler. – 2015 – Июнь–август. – С. 70–81.
8. Железняк, А. Бодрый Бодрум / А. Железняк // Traveler. – 2015 – Июнь–август. – С. 82.
9. Эгейское и Ликийское побережья // Geo. – 2015. – Июнь–август. – С. 84–85.

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ КАК ПРИЕМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ МАЛЫХ НАРОДОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «РЕДКИЕ ЛЮДИ»)¹

Композиция журналистского произведения является одним из основных элементов, позволяющих сопоставить и соединить между собой разнообразные части материала. Композиционное решение телевизионных программ отличается полифункциональностью: с одной стороны, необходимо соблюдение законов монтажа, с другой – подчиненность структуры телепередачи идее автора, «соединение различных содержательных компонентов, которое способствовало бы созданию целостного произведения» [2, 287–288].

При анализе выпусков телепрограммы «Редкие люди» (телеканал «Моя планета»), посвященной культуре многочисленных этносов России, в том числе коренных малочисленных народов, было обнаружено, что одним из продуктивных способов организации композиционного пространства является принцип параллелизма.

Параллельная композиция, отличающаяся дополнительными отношениями сопоставляемых фактов, событий [1, 30], позволяет репрезентировать многочисленные компоненты этнической культуры.

В выпуске «Бесермяне. По дороге к зеленым холмам» [3] подобное структурное решение дает возможность представить два варианта бытования этнической культуры малого народа и рассмотреть идею преемственности с противоположных позиций.

В некоторых программах цикла проводится мысль о негативном влиянии урбанизации на культуру малых этносов. Так, в программе, посвященной бесермянам, авторы ставят своей целью проанализировать, какова вероятность сохранения культуры в условиях оторванности народа от исторически обусловленного способа жизнедеятельности. По принципу параллелизма показаны две семьи бесермян: Дюкиных, проживающих в сельской местности, в деревне Ворца Ярского района Республики Удмуртия, и Антугановых, живущих в городе Глазове. Обратим также внимание, что герои выбраны неслучайно, поскольку тот факт, что в семье Дюкиных воспитываются три дочери, а в семье Антугановых – три сына, подчеркивает параллелизм и объективность сравнительного способа представления культуры.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

Герой Рафаил Дюкин является типичным представителем бесермян, ведущих традиционный образ жизни. Подчеркивается генетическая связь Рафаила с родной местностью и невозможность изменения существующего уклада: *«Память Радика хранит яркое детское впечатление: мама, в красивом национальном костюме, поет затяжные бесермянские песни – крeжи. Перед смертью мама много говорила с Радиком, спешила, боялась не успеть рассказать все, что знает о родном народе. Этой весной мамы не стало. Перед Корбаном Радик собирается на кладбище – к могилке, от которой он никогда не уедет, потому что уехать из Ворцы – значит вырвать себя с корнем из родной земли»* [3].

Кроме того, Рафаил Дюкин являет собой образ созидателя. В этом аспекте примечателен фрагмент подготовки семьи Дюкиных к празднику урожая и плодородия Корбан. Демонстрируется, как супруга выпекает традиционные бесермянские лепешки, а Рафаил занимается видеосъемкой: *«Потом это видео попадет на страничку в соцсети. Радик фиксирует жизнь села, чтобы быт, напевы и обряды, которые еще помнят бабушки, не были преданы забвению. Бесермяне в разных уголках страны благодаря Радiku вспоминают нехорошо забытые старые рецепты и традиции, вспоминают, откуда они родом»* [3].

Валерий Антуганов, также родом из Ворцы, представляет тип городского бесермянина. Впрочем, принцип параллелизма не нарушается и не трансформируется в принцип антитезы, поскольку особо выделяется приверженность героя к традиционному бесермянскому ремеслу – кладке печей. Показано, как Валерий Антуганов занимается этим трудом: *«Бесермянин без большого дома, без поля, без сенокоса, без домашней скотины – дерево, вырванное из земли. Бесермянин – это хозяин. Поэтому, хоть и живет Валерий в городе, гены тянут его к истокам, к корневым крестьянским ремеслам»* [3].

Мы отмечаем отсутствие идеализации образа Валерия Антуганова в аспекте его глубокой осведомленности о культуре бесермянского народа. Напротив, авторы программы не скрывают тот факт, что Валерий, как горожанин, не может быть полностью погружен в этническую культуру в силу объективных причин. Однако этот момент несколько не снижает уровень положительного зрительского впечатления о семье Антугановых как представителей бесермян, поскольку подчеркивается их духовная связь с корнями: *«Городские дети Валерия Антуганова об этих красивых традициях еще не знают. Глава семейства и сам признается: ему о культуре предков тоже известно вдвое меньше, чем его родителям. Но даже в городе бесермянин старается сберечь то немногое, что осталось от предков. Ведь неважно, где ты живешь. Важно, кем ты себя ощущаешь и что делаешь для сохранения своего народа»* [3].

Параллелизм линий семей Дюкиных и Антугановых выражается в подготовке к празднику Корбан. Подчеркивается деревенская и городская

специфика этого культурного процесса. Если Дюкины, как было отмечено выше, пекут бесермянские лепешки в традиционной печи, то Антугановы отдают свою дань празднику с помощью выпекания хлеба в условиях городской квартиры.

Логичным продолжением обеих линий становится встреча героев-бесермян в Ворце на праздновании традиционного праздника Корбан. Демонстрируются все аспекты праздника: обряд жертвоприношения быка, приготовление блюда в котлах и всеобщее веселье, выражающееся в песнях и танцах. Более того, выделяется идея объединения: *«И неважно, кто пришел на праздник: русские, татары, удмурты, бесермяне – простора на зеленых холмах хватит всем»* [3].

Рафаил Дюкин и Валерий Антуганов воплощают эту идею объединения. Интересно операторское решение: герои идут по полю, разговаривают на бесермянском языке, причем Рафаил одет в национальную красную рубаху, Валерий – как городской житель. Параллельные прямые сюжета и образов героев собираются в единую линию, являющую собой мысль о всеобщей тождественности и духовной близости не только представителей бесермянского, но и российского народа в целом.

Параллелизм также наблюдается в программе «Сету. Разделенное королевство». Такой способ репрезентации обусловлен историей этого малого народа: часть сету проживает в Псковской области, часть – в Эстонии, вследствие политических изменений, произошедших в двадцатом веке. Параллелизм находит отражение в сопоставлении двух сетусских семей, живущих по разным сторонам от границы [4].

Героиня Ыйе Сарв, проживающая на эстонском хуторе, делится с журналистами своими наблюдениями относительно развития культуры: *«Я думаю, что сетусская культура во многом самобытна. Мы не эстонцы, мы не русские, хотя исповедуем православную веру. Мы – сету, народ со своей трагической историей. В этом, наверное, и есть казус нашей культуры, что мы живем как бы на два дома и земля наша разделена как бы надвое»* [4].

Обратим внимание на журналистский прием создания образа-символа, выраженный с помощью визуального ряда. Говоря о последствиях разделения народа на две части и используя метафорический образ яблока и яблони, героиня занимается сбором плодов в корзину: *«Так получилось, что сейчас наша земля, Сетумаа, оказалась разделена так называемой контрольной линией. Граница оторвала нас друг от друга, от корней, понимаете, то есть, образно говоря, яблоки от яблони раньше недалеко падали, а теперь оказались как бы сами по себе, без возможности припасть к родной земле, откуда вся семья наша, где я когда-то росла и, может быть, и осталась бы, если бы знала, что станем жить мы врозь»* [4]. Символическая картина позволяет зрителю прочувствовать трагизм и неопределенность ситуации.

Подобно встрече Рафаила Дюкина и Валерия Антуганова на празднике Корбан, две сетусские семьи встречаются в России на празднике Кирмаш (Яблочный Спас). Собственно праздничные мероприятия предваряет подготовка: Ыйе Сарв выпекает пирог из яблок, а ее супруг топит баню по-черному. Акцентируется внимание на ритуале замешивания теста для пирога: для родных людей тесто мешается руками, для чужих – ложкой.

Репрезентируя сетусскую культуру, авторы программы утверждают семейные ценности малого народа, проводя мысль о его единении, несмотря на государственные границы.

Таким образом, параллельная композиция телепередачи является эффективным приемом репрезентации этнической культуры малых народов России, содействуя более полному и образному восприятию телепередачи зрителем. При сохранении смысловых узлов, она может быть наполнена разнообразным этническим материалом, а кроме того – нести созидательную функцию.

Список литературы

1. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста : Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2011. – 108 с.
2. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 320 с.
3. Телепрограмма «Редкие люди». Выпуск «Бесермяне. По дороге к зеленым холмам». [Видео]. – URL: <http://www.zoomby.ru/watch/203274-redkie-lyudi?source=watchpage>.
4. Телепрограмма «Редкие люди». Выпуск «Сету. Разделенное королевство». [Видео]. – URL: <http://www.zoomby.ru/watch/537872-redkie-lyudi?source=ajax>.

Т. Баасансурэн

(г. Улан-Батор, Монголия)

ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ»)

Основы современной монгольской журналистики были заложены более ста лет назад, еще 1913 г. Этот процесс начался изданием газеты «Новое зеркало» прогрессивными национальными интеллигентами 6 марта 1913 г. Хотя до этого царская Россия выпускала для монголов газету «Дорнод хязгаарын амьдрал» («Жизнь на восточной окраине»), а

Маньчжурский Китай – «Дневной журнал Шо Фана» на монгольском языке. Именно вышеназванная газета являлась первой самостоятельной публикацией наших национальных журналистов. Из этого можно заключить, что монгольская современная журналистика в классическом понимании этого слова стала развиваться сравнительно недавно. На это повлияли многочисленные внутренние и внешние факторы, что само по себе представляет отдельную тему для исследований.

Литературное же наследие Монголии, особенно устное народное творчество, насчитывает несколько тысячелетий. При определении вклада кочевой цивилизации в развитие мировой литературы пришлось бы перечислить несколько литературных памятников Монголии. Это объективная, историческая истина. Несколько столетий, даже тысячу лет назад кочевники монголы создали и передали своим потомкам такие жемчужины литературы, как «Жангар», «Гэсэр», «Сокровенное сказание монголов», «Алтан товч» и др. В своем знаменитом труде «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Лен. изд-во, 1938), опубликованном в 1938 г., великий русский ученый, академик В. Я. Владимирцов оставил глубокий анализ монгольского общества того времени, отмечая, что «ни один кочевой народ не оставил памятника, подобного «Сокровенному сказанию», так образно и детально рисующего подлинную жизнь».

Великий монгольский ученый, академик Цэндийн Дамдинсурэн называл «Сокровенное сказание монголов», «Жангар» и «Гэсэр» тремя вершинами старой монгольской литературы. И это мнение разделяется многими учеными. Исследователи всего мира сопоставляют значимость завершенного в 1240 г. «Сокровенного сказания монголов» с такими произведениями, как русское «Слово о полку Игореве» X в., грузинское «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели XII в., французское «Сказание о Роланде», повествующем о битвах короля Карла. «Сокровенное сказание монголов» – это уникальное, выдающееся творение, истинно монгольская «Илиада» и «Одиссея».

Последние 10 лет я посвятил изучению «Сокровенного сказания монголов» и в декабре 2014 г. опубликовал «Сокровенное сказание монголов как памятник публицистики». Данная книга состоит из пяти глав, и первую главу я посвящаю анализу реальных людей, мест и исторических памятников, городов, а также документов, связанных с военным искусством и дипломатической политикой Чингисхана. Во второй главе я сравниваю недостатки и преимущества переводов «Сокровенного сказания монголов» с древнемонгольского на современный монгольский язык, осуществленные академиком Цэндийн Дамдинсурэн и группой во главе с академиком Д. Цэрэнсодном.

В третьей главе я провожу сравнительный анализ вышеназванных переводов с переводом графа Цэнда 1917-го г., а также обновленным

переводом с детальными объяснениями доктора профессора Ш. Чоймаа 2011 г.

Анализ в четвертой главе я бы назвал своеобразным. Дело в том, что в 2005 г. ООН издала постановление с призывом отметить по всему миру 800-летие основания Великого Монгольского государства. Хотел бы с благодарностью отметить, что одним из соавторов постановления ООН выступила Россия. В 2006 г. монголы, как и все человечество, отметили эту дату, и Гендиректор ЮНЕСКО господин Койчиро Мацура особо отметил, что «Принятие в ноябре 2005 г. Генеральной Ассамблеей ООН постановления о 800-летию основания Великого Монгольского государства имеет историческое значение и свидетельствует о признании со стороны международного сообщества богатого наследия кочевой цивилизации и ее вклада в межкультурные отношения». По случаю этого знаменательного события руководители более 50 государств прислали поздравительные телеграммы, письма Президенту Монголии, отмечая роль Монгольской империи и «Человека тысячелетия» Чингисхана в развитии человечества, с оценкой места Чингисхана в мировой истории. Среди них можно найти и послания Римского папы Бенедикта XIV и 14-го Далай-ламы. Тщательное ознакомление и обобщение с посланиями привело меня к любопытному заключению. Я рад, что мне удалось творчески подойти к анализу посланий применительно к содержанию «Сокровенного сказания монголов».

В последней пятой главе я анализирую письменную форму «Сокровенного сказания монголов» и прихожу к выводу, что данное произведение не столько литературное, сколько публицистическое. До сих пор исследователи относили «Сокровенное сказание монголов» исключительно к форме литературного произведения. Обобщая вышесказанное, можно сказать следующее:

1. В переводе «Сокровенного сказания монголов» Ц. Дамдинсурэна 3257 раз встречаются имена (дублированные) реальных людей с их фамилиями, родом и местом происхождения. В то время как в переводе Д. Цэрэнсоднома это число составляет 3035. Разница объясняется тем, что академик Ц. Дамдинсурэн обогатил и восполнил свой перевод «Сокровенного сказания монголов» фактами и событиями из «Алтан товч», «Чингисийн цэдэг» («Повествование о Чингисе»), истории монголов Рашид Эддина, которые могли быть пропущены или же могли «перекочевать» из первоначального варианта «Сокровенного сказания монголов» в другие произведения. При ближайшем рассмотрении можно заметить имена 383 человек, встречающихся один или несколько раз. Все они реальные исторические люди. В «Сокровенном сказании монголов» вы не найдете ни одного вымышленного героя или имени.

2. Это подтверждается названиями местностей, гор и рек Монгольской империи, названиями зарубежных государств и городов. Всего в «Сокровенном сказании монголов» встречаются названия 673 местно-

стей, гор, стран и городов. Все они реальные, более того – большинство названий сохранилось до наших дней. С течением времени названия или произношения некоторые мест изменились.

3. Битвы и сражения, упоминаемые в «Сокровенном сказании монголов», произошли на самом деле. Только в 1179–1206 г. состоялось 19 крупных битв на территории тогдашней Монголии, в 12-ти из них Чингисхан одержал верх над врагами, а в 7-ми нанес сокрушительное поражение. Этот факт установлен военными историками.

4. В ходе военных кампаний на территории Монголии и за ее пределами произошло становление главного героя «Сокровенного сказания монголов» Чингисхана как лидера мирового масштаба, изменившего ход мировой истории, установившего мир и совершенно новый тип международных отношений. Взгляд историков на Монгольскую империю и завоевания Чингисхана претерпел значительные изменения за последние годы. Самым ярким проявлением этого служат послания руководителей более 50 государств Президенту Монголии по случаю празднования 800-летия основания Великого Монгольского государства. Можно не сомневаться, что в этих посланиях и письмах отражены оценки научно-исследовательских институтов, мнения ученых тех стран.

5. Состоящее из 12 тетрадей и 282 статей «Сокровенное сказание монголов» – это энциклопедия, реальная история Монгольской империи и жизни монголов конца XII – начала XIII в. В «Сокровенном сказании монголов» нет ничего вымышленного, только реальные лица и факты, посему данное произведение с полным правом можно отнести к жанру публицистики, нежели литературы. В этом случае можно заключить, что основы монгольской журналистики были заложены не сто лет назад, а восемь столетий назад, а то и больше.

6. Обращает на себя внимание то, что форма и содержание «Сокровенного сказания монголов» более соответствуют публицистике, нежели литературному жанру, а языку повествования свойственны правдивость и краткость. В «Сокровенном сказании монголов» можно найти элементы жанра информации, репортажа, путевых заметок, интервью, воспоминаний, присущих журналистике. И это подтверждает мою мысль о том, что «Сокровенное сказание монголов» – это бесспорный памятник монгольской публицистики.

Все вышесказанное позволяет заключить, что **«Сокровенное сказание монголов» – это выдающийся памятник публицистики, охватывающий важнейшие события того времени: создание Монгольской империи в конце 12-го, начале 13-го вв. и ее расцвет, историю завоеваний Чингисхана и его сыновей. «Сокровенное сказание монголов» следует рассматривать как шедевр документальной публицистики.** В 3-х жемчужинах старой монгольской литературы («Сокровенное сказание монголов», «Жангар» и «Гэсэр») есть одно, можно сказать, принципиальное отличие. Так, если в «Жангар» и «Гэсэр» есть вымышленные литературные

герои, выражающие надежды и чаяния народа, то в «Сокровенном сказании монголов» отражены реальные военные походы Чингисхана, исторические события, герои, места, города и государства.

Данное интересное явление я не рассматриваю как исключительное для Монголии, но как тенденцию, характерную в развитии литературы и журналистики всех других стран. Устная и письменная литература народов мира возникла как отражение надежд и чаяний человечества. Сложно переоценить роль, которую играет классическая литература в развитии и формировании общества, определении моральных и нравственных принципов, ценностей его членов. Пока существует человеческое сообщество, будет существовать и литература. Но невозможно не отметить, что с развитием и прогрессом человечества, особенно начиная с XX в., значимость факта, правды в литературе резко возросла. Это особенно чувствуется и ощущается человечеством в сегодняшнем прагматичном XXI в. Я уверен, что эта тенденция будет и впредь определять дальнейшее развитие литературы и по-моему, в этом преимущество журналистики. Это будет наиболее ярким проявлением взаимосвязи, взаимодействия современной журналистики и литературы. Я постарался рассказать об этом на примере «Сокровенного сказания монголов», неповторимого письменного памятника, созданного кочевниками монголами. При изучении «Сокровенного сказания монголов» невольно начинаешь думать, что влияние журналистики и литературы друг на друга началось не сегодня или вчера, а уходит корнями в глубокое прошлое. Красочное описание, выразительный и сочный язык литературы напрямую влияли на развитие публицистики. В то же время такие принципы публицистики, как объективность, правдивость, краткость описания, т.е. точность фактов, нашли отражение в литературе и повысили ее практическую значимость. Это взаимодействие приносит только благо. В широком смысле это понятие имеет прямое отношение к эффективности и действенности как литературы, так и публицистики.

Список литературы

1. Ала-ад-Дин Ата-Мелик Жувейни. История завоевателя мира / Ала-ад-Дин Ата-Мелик Жувейни. – Улан-Батор, 2006.
2. Баасансурэн, Т. «Сокровенное сказание монголов» – письменный памятник публицистики / Т. Баасансурэн. – Улан-Батор, 2014.
3. Баасансурэн, Т. Становление свободной демократической прессы в Монголии / Т. Баасансурэн. – Улан-Батор, 2009, 2010. – Т. I, II, III, IV, V.
4. Баасансурэн, Т. Девственная природа Монголии Чингиса / Т. Баасансурэн, О. Амархуу, А. Батсуурь. – Улан-Батор, 1995.
5. Баяр. Сокровенное сказание монголов : 3 тетради. – Внутренняя Монголия, КНР.
6. Болдбаатар, Ж. Чингисхан. Книга царей / Ж. Болдбаатар. – Улан-Батор, 1999. – Т. III.
7. Бор, Ж. Прозорливый дипломат Чингис / Ж. Бор. – Улан-Батор, 1994.

8. Великое Монгольское Государство. – Улан-Батор, 2007.
9. Владимирцов, В. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / В. Я. Владимирцов. – Л., 1938.
10. Гаадамба, Ш. Сокровенное сказание монголов (Старомонгольская письменность, перевод и объяснения для смыслового изучения) / Ш. Гаадамба. – Улан-Батор, 1990.
11. Гонгор, Д. Илжгэн халх мину (Илжгэн халх) / Д. Гонгор. – УБ., 1993.
12. Гонгор, Д. История халха-монголов I / Д. Гонгор. – Улан-Батор, 1970.
13. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М., 1989.
14. Далай, Ч. Монгольская империя / Ч. Далай – Улан-Батор, 2002.
15. Дамдинсурэн, Ц. 100 избранных томов монгольской литературы / Ц. Дамдинсурэн. – Улан-Батор, 1959.
16. Дамдинсурэн, Ц. Сокровенное сказание монголов / Ц. Дамдинсурэн. – Улан-Батор : Госиздательство, 1976.
17. Зулькафиль, М. Введение в теорию журналистики / М. Зулькафиль. – Улан-Батор, 2004.
18. Зулькафиль, М. Глоссарий журналистики / М. Зулькафиль. – Улан-Батор, 2005.
19. Ишжамц, Н. Чингисхан (Книга царей) / Н. Ишжамц. – Улан-Батор, 1999. – Т. II.
20. Лувсанданзан. Алтан товч / Лувсанданзан. – Улан-Батор : Госиздательство, 1990.
21. Менчер, Мелвен. Введение в журналистику / Менчер Мелвен. – Улан-Батор, 2002.
22. Молькольмф, Меллит. Как готовятся публикации и программы? / Молькольмф Меллит. – Улан-Батор, 1998.
23. Нарангэрэл, С. Величие и сила Чингисхана / С. Нарангэрэл. – Улан-Батор, 2013.
24. Нацагдорж, Ш. История Халхы / Ш. Нацагдорж. – Улан-Батор, 1963.
25. Норовсурэн, Л. Жанры журналистики / Л. Норовсурэн. – Улан-Батор, 2008.
26. Норовсурэн, Л. Исторический обзор Монгольской журналистики / Л. Норовсурэн. – Улан-Батор, 2004, 2005, 2007. – Т. I, II.
27. Норовсурэн, Л. Публикации Монголии / Л. Норовсурэн. – Улан-Батор, 2004. – Т. I, II, III.
28. Норовсурэн, Л. Теоретические и исторические вопросы журналистики / Л. Норовсурэн. – Улан-Батор, 2013.
29. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. для студентов вузов / Е. П. Прохоров. – М., 2003.
30. Пурэвдорж, Д. Новый перевод, объяснения «Сокровенного сказания монголов» / Д. Пурэвдорж. – Улан-Батор, 2006.
31. Пурэвдорж, Д. Сравнительный анализ источников Монгольской империи и ее повелителей / Д. Пурэвдорж. – Улан-Батор, 2010.
32. Пэрлээ, Х. Поиск и нахождение названий мест, упоминаемых в «Сокровенном сказании монголов» / Х. Пэрлээ. – Улан-Батор, 1958.
33. Равдан, Э. 1000 легенд, связанных с названиями мест Монголии / Э. Равдан, Т. Тумэндэмбэрэл. – Улан-Батор, 2012.
34. Сайшаалт. Чингисхан : I, II тетради / Сайшаалт. – Улан-Батор : Народное изд-во Внутренней Монголии Китая, 1985, 1987.

35. Сокровенное сказание монголов / Д. Цэрэнсодном [и др.]. – Улан-Батор : Болор судар. 2004.
36. Сумьяабаатар, Б. Сокровенное сказание монголов (Фонетика букв) / Б. Сумьяабаатар. – 2005.
37. Уэтерфорд, Ж. Создатель современного мира Чингисхан / Ж. Уэтерфорд. – Улан-Батор, 2009.
38. Уэтерфорд, Ж. Сокровенное сказание монгольских цариц / Ж. Уэтерфорд. – Улан-Батор, 2009.
39. Хандсурэн, Цэндийн. Граф Цэнд и Сокровенное сказание монголов-2 / Хандсурэн Цэндийн. – Улан-Батор, 2002.
40. Цэвлээ, Х. Лучшие публикации Монголии / Х. Цэвлээ. – Улан-Батор, 2010. – Т. 59.
41. Цэвэл, Я. Краткий толковый словарь монгольского языка / Я. Цэвэл. – Улан-Батор, 1966.
42. Цэвээн, Ж. Лучшие публикации Монголии / Ж. Цэвээн. – Улан-Батор, 2010. – Т. I.
43. Цэен-Ойдов, Ш. Сокровенное сказание монголов – история 383 человек / Ш. Цэен-Ойдов, Ц. Сарангэрэл. – Улан-Батор, 2005.
44. Цэрэнсодном, Д. Сокровенное сказание монголов (Научный перевод, объяснения) / Д. Цэрэнсодном. – Пекин, 1993 ; Улан-Батор, 2000.
45. Чоймаа, Ш. Сокровенное сказание монголов (Новый перевод с объяснениями старых слов и словосочетаний) / Ш. Чоймаа. – Улан-Батор, 2011.
46. Чорос Бавуу Өөлдийн. Некоторые исторические места из «Сокровенного сказания монголов» / Чорос Бавуу Өөлдийн. – Улан-Батор, 2005.

Р. П. Баканов

(г. Казань, Россия)

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ КРИТИКА В ПЕРЕДАЧАХ РАДИО

В дни проведения настоящей конференции отечественной телевизионной критике исполняется 55 лет. 25 сентября 1960 г. главный редактор журнала «Новый мир» А. Т. Твардовский подписал очередной, октябрьский, выпуск журнала, содержащего статью В. Саппака «Телевидение, 1960: Из первых наблюдений». Произведение данного автора о телевидении (кстати, единственное опубликованное при его жизни) считается теоретиками журналистики первой серьезной работой, под критическим углом зрения рассматривающей и анализирующей содержание телеэфира того времени. В том тексте многое было впервые: отсутствие идеологических штампов в авторском повествовании; попытка Саппака посмотреть на то, в чем выигрывают / теряют люди, которые предпочли прямую трансляцию спектакля по ТВ походу в театр; оценка качества телеэфира с точки зрения обычного зрителя, по принципам «верю / не верю» и «нравится – не нравится» с обязательным обоснованием своей позиции. «Для телевидения характерен абсолютный слух на правду», – такую характеристику дал новому в те годы виду СМИ В. Саппак [3, 203].

Спустя пять с половиной десятков лет телевизионная критика постепенно стала частью медийной критики – относительно новой для российской журналистики области, призванной «помочь обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призвано отражать «блеск и нищету» средств массовой информации, оказавшихся в рыночной среде» [2]. Мы полагаем, что именно медиакритика или телекритика должны усилить свою роль в качестве формы публичной и объективной экспертизы качества практической деятельности журналиста (включая современные понимания стандартов его поведения на мероприятиях, редакциях и эфирных студиях) и распространяемой им информации.

В настоящее время медийная критика в отечественных СМИ представлена лишь критикой телевизионной. Рецензирование текстов печатных изданий и радиопередач предпринимается очень редко, да и то лишь от случая к случаю в профессиональных журналах («Журналист» и «Журналистика и медиарынок») и «Литературной газете». Обратив внимание на небольшие тиражи указанных изданий, спросим себя: многим ли людям посчастливится держать их в руках? Если да, то сколько народу дойдет до колонки телекритики и адекватно воспримет написанное?

Разговор о качестве телекритики в передачах радио необходимо начать с проблемы преобладания развлекательного контента над информационно-познавательным. Для «грузящей» аудиторию телекритики в радиоэфире сейчас почти нет места: разговорных радиостанций в России можно пересчитать по пальцам. На региональном уровне их еще меньше, почти всегда они представлены федеральными сетями с небольшими местными вставками.

Сейчас в федеральном радиоэфире телекритика представлена в сетке вещания только двух радиостанций: «Эха Москвы» и «Свободы». Творческие возможности первой из указанных радиостанций позволяют еженедельно представлять такие передачи, как «Программное обеспечение», «Человек из телевизора» и «Телехранитель». На радио «Свобода» в полдень буднего дня выходит в эфир передача «Час прессы», в рамках которой примерно один раз в неделю бывает обсуждение качества телевизионного «репертуара» и вывление тенденций современного телевидения.

Каждая из указанных передач подготовлена в разных жанрах. «Программное обеспечение» – комментарий-монолог телекритика Арины Бородиной, которая представляет рейтинги телепроектов уходящей недели. Пятиминутное выступление (эфир каждую пятницу в 21.05 с повтором на следующее утро) структурировано по рубрикам: «Взлет и падение недели», «Передача недели», «Персона недели». А. Бородина успевает

дать оценку 3–4 передачам трех ведущих телеканалов страны (Первого, «России 1» и НТВ), поверхностно обозначить тенденции развития современного федерального телевидения. По факту данный проект является радиоверсией рубрики «Телелидеры», от которой редакция газеты «Коммерсантъ» отказалась полтора года назад. О других каналах речь шла редко и только в случае заметного успеха отдельных передач (например, говорилось о проекте «Белая студия» канала «Культура» или сериале «Даешь молодежь!» (СТС)). Мнение телезрителей в рамках данной передачи не учитывается.

«Человек из телевизора» – одна из старейших программ «Эха Москвы». Выходит в прямой эфир каждую субботу в 11.08. По жанру представляет собой интервью одной соведущей передачи, К. Лариной, с ее коллегой И. Петровской. По сути – дискуссию между ними о качестве телепередач или нарушениях профессиональной этики со стороны известных тележурналистов или ведущих телепередач. Формат передачи также понятен нам: общение двух телезрительниц субботним утром представляет собой как бы кухонный неспешный разговор двух подруг за чашечкой кофе, во время которой есть возможность «перемыть косточки» популярным медийным персонам. Собеседники разговаривают о личных творческих достижениях журналистов и авторах передач, выявляют успехи и разочарования недели, пытаются сформулировать новые тренды, по которым развивается современное федеральное телевидение. Далеко не всегда они положительные. К сожалению, все меньше в хронометраже передачи ведущие оставляют места для мнений телезрителей, а у них, как показывают эфиры, впечатления часто расходятся с мнениями соведущих о достойном и недостойном. Еще два-три года назад Ларина и Петровская по ходу всей передачи включали телефон и читали редакционный пейджер, на который поступал «глас народа», то сейчас под это отведено максимум минут десять в конце общения. У нас, как у радиослушателя, постепенно складывается мнение о том, что аудитория стала чужой на этой радиийной «кухне». Оппонирования своему мнению радиослушатели, как правило, не получают, а если это случается, то в основном тогда, когда позиция аудитории не совпадает со взглядами соведущих передачи. Таким образом, передача из дискуссионной постепенно превратилась в своего рода треп двух подруг возле микрофона, их нечастые споры между собой, обсуждения поступков известных журналистов в эфире и не только с этической точки зрения. А вот радиослушателей в передаче, на наш взгляд, мало: как правило, в последние десять минут принимаются телефонные звонки, также во время эфира Ксения Ларина иногда читает пришедшие на редакционный пейджер наиболее интересные, по ее мнению, реплики от зрителей.

Вот что пишет о передаче «Человек из телевизора» исследователь О. Скачкова: «Анализ любого телеявления... рождается в диалоге двух

журналистов. Стил ь И. Петровской, ее манера и приемы анализа узнаваемы и в радиоэфире. При этом диалогическая форма обсуждения дает возможность увидеть новые стороны обсуждаемых телеявлений (хотя, как правило, соведущие сходны в своих мнениях и пристрастиях). Можно сказать, что К. Ларина (соведущая передачи «Человек из телевизора». – Р. Б.) своими комментариями иногда оттеняет, иногда дополняет рассуждения И. Петровской, что создает особую полифоничность звучания темы» [1; 497]. Критический текст создается не в закрытой творческой лаборатории критика, а публично. Слушатели имеют возможность следить за мыслью обозревателя, а также своими звонками в эфир или репликами студийный на sms-портал корректировать ее.

«Человек из телевизора» – одна из самых рейтинговых передач «Эха Москвы», несмотря на субботний позднеутренний эфир. Чем же она привлекает внимание слушателей? Думается, что прежде всего авторитетом телекритика И. Петровской, которая в общении со своей эмоциональной коллегой создает образ вдумчивого аналитика, не поддающегося импульсам сразу после простотра телепередачи. В рамках ограниченного времени телекритик успевает только вскользь поговорить о заложенной автором в программу творческой идее и включенность ее (передачи) в ту или иную тенденцию современного федерального телеэфира.

Итак, в современном федеральном радиоэфире телевизионная критика занимает очень незначительное место. Рецензирование передач центральных телеканалов проводится в эфире радиостанций «Эхо Москвы» и «Свобода», а вот о творческих удачах или недостатках регионального ТВ речь не идет. Десять лет назад таких передач было больше. Снижение численности передач с критикой телепроектов связано с изменением концепций радиостанций «Русская служба новостей» и «Свобода». Однако в отличие от выступлений телекритиков в газетах, в радиопередачах присутствует критика деятельности редакций печатных СМИ: таковы программы «Обложка» и «Обложка 1» в вечернем эфире «Эха Москвы». Поверхностность анализа творческой деятельности коллег из-за ограниченного хронометража – вот, на наш взгляд, основная проблема критики в радиопередачах. Помимо этого, рецензенты часто субъективны в своих оценках, которые зачастую бывают основаны на эмоциях первого просмотра. От этого надо отходить в пользу открытости критериев анализа, постоянной аргументации каждого из своих выводов, а также регулярного обращения к впечатлениям аудитории.

Список литературы

1. Скачкова, О. Передачи «Телехранитель» и «Человек из телевизора» как явление медиакритики на современном радио / О. Скачкова // Журналістыка-2008: стан, проблеми і перспективи : матеріали 10-й Міжнар. навук.-практ. канф. / С. В. Рэдкал, Дубовік. – Мінск : БДУ, 2008. – Вып. 10. – С. 496–498.

2. Короченский, А. П. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – URL: <http://old.kpfu.ru/fl3/rbakanov/index.php?id=5&idm=0&num=23> (режим доступа – свободный).
3. Саппак, В. Телевидение, 1960: из первых наблюдений / В. Саппак // Новый мир. – 1960. – № 10. – С. 177–203.

Н. В. Вакурова, Л. И. Московкин

(г. Москва, Россия)

РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА: ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Изучение особенностей волны кризиса 2014–2015 гг. выявило возможности расширения информационного потенциала общества за счет незадействованных ресурсов медиасистемы.

Системные явления допускают различные паритетно независимые и несовместимые модели их описания. Мы исходим из того, что моральные или правовые оценки несовместимы с адекватным отражением системных явлений. В частности, в понимании генетической инженерии *in ropli*, когда направленные на причинение вреда факторы вынуждают искать новые пути развития в связи с особым состоянием системы в режиме катастрофы. Исследователь сталкивается с феноменом отсутствия прямой связи между мотивами или причинами принятия решений и их системными последствиями. В целом происходящее является естественной для человечества попыткой выживания через геополитическую конкуренцию в условиях природной турбулентности в структуре динамического хаоса [3].

Текущий кризис выявил значительный потенциал медиа-ресурсов страны по ряду незадействованных направлений, хронически недоступных или вновь открывшихся. Запрос на их использование определяется актуальной потребностью на суверенную национализацию повестки дня.

В 2014–2015 гг. пресса России претерпела очередную волну преобразований. Наблюдались системные попытки повернуть журналистику «лицом к народу». В ответ произошло новое повышение цен на бумагу в целом на 60 %, значительное удорожание аренды помещений для размещения редакций, резкое снижение поступлений от рекламы, реформирование сложившейся схемы дистрибуции. Ряд крупнейших СМИ были проведены через ротацию кадров и на рынке труда появились сотни высвободившихся журналистов. Достигнутые изменения редакционной политики были незначительными относительно ожиданий.

По данным экспертного опроса, сохранившиеся журналистские коллективы отреагировали на кризис признаками консолидации и мобилизации [2].

Основной потенциал незадействованного ресурса связан с изначально заложенным в Законе о СМИ 1991 г. освобождением журналистики от выполнения информирующей и воспитательной функций, как это было в советской модели СМИ. Опыт четверти века показал, что воспитательная функция и зависимость от административно-командного управления имманентны для журналистики. Их реализация в теневой форме является инструментом внешнего управления через погружение журналистики в PR и рекламу.

Перемены поставили официальные СМИ перед фактом конкуренции за аудиторию новым для них способом, для названия которого не вполне корректно использовали термин «конвергентная журналистика». Идеи редакционной конвергенции возникли в 70-х гг. и относятся к соединению СМИ номинально разных форматов, поскольку газеты обзаводятся радио- и телеканалами, практически все печатные издания имеют сетевые версии и обязывают своих штатных корреспондентов создавать для них отдельный контент и выпускать новости. Некоторые СМИ требуют в дополнение к тексту фоторепортажи с места события и/или видеозаписи, создают свои платформы для личных блогов и интерактивного вовлечения аудитории в диалог. Одному и тому же журналисту приходится писать, снимать, держать микрофон или диктофон и задавать вопросы, причем подготовленные не ведущим редактором, а самим корреспондентом в итоге предварительной работы с back-ground в сети. Что такое универсальный журналист, описал Дэвид Рэндалл на примере русских журналистов, повлиявших на развитие событий в мире.

К кризису 2014–2015 гг. органы власти и СМИ, отдельные медиаперсоны и журналисты подошли с развитой системой аккаунтов в социальных сетях. Читательский спрос выявил консервативную закономерность: блогосфера в целом как стимулирующий фактор для официальных СМИ не стала им абсолютной альтернативой. В числе читателей с отрывом на два-три порядка лидируют представители власти и другие медиаперсоны. Именно в этом наблюдается естественная конвергенция, обусловленная экологической нишей.

Управление случайностью в запуске самоорганизации поддерживает эффекты промышленного фейсбука для решения некоторых исследовательских задач [1]. Вопреки давлению, остаются в силе обретенные права, включая право быть услышанным *Jus et auditum*.

Реализация естественного права в значительной степени зависит от способности коммуниканта идентифицировать информацию, рекламу или дезинформацию. Правоприменителям приходится подстраиваться под запрос общества, которым проще манипулировать через прессу. Так, профессор А. Н. Тарасов описал в своей монографии инструментарий идентификации лжи в любой сфере – от политологии до физики [4]. Спонтанное использование данного инструментария в Рунете стимулируется давлением и поляризацией.

Высокий потенциал медиа-ресурсов России связан с естественной самоорганизацией населения вокруг сильной центральной власти по пульсирующей схеме сжатия-расширения цивилизаций Арнольда Тойнби. По словам министра культуры Владимира Мединского, империя умирает от изменения в головах, а не от внешнего давления. Прообразом Российской цивилизации была древнеегипетская, просуществовавшая в пульсирующем режиме XXI в. Происходившее в Древнем Египте и наблюдаемое в России одинаково интерпретируется как генетическая инженерия *in populi*.

Существуют виртуально генерируемые медиа-ресурсы. Их может использовать тот, кто владеет преимуществами времени и места. Например, за время работы Государственной Думы происходил как перехват, так и собственный поиск тематического набора вопросов, резонансных для общественного мнения. Параллельно нарастала частота викаривания доминанты и экстенсивно расширялся спектр вопросов, которые можно использовать для контакта между стратами общества и власти в удаленном для населения доступе. Во время обострения турбулентности борьба власти с собственным стремлением к закрытости становится вопросом выживания человечества. Преимущества получает страна с более адекватной государственностью, обеспечивающей поиск прежде неизвестных путей развития.

Выводы.

1. Россия имеет значительные медиа-ресурсы, как задействованные, так и потенциально резервные.

2. Анализ входящей в СМИ информации в сравнении с генерируемым контентом публичного информационного поля позволяет ввести новые критерии ценности информации, измеренной по степени сопротивления ее публикации или числу однотипных вопросов, не получивших ответа.

3. В настоящее время можно говорить лишь о тенденциях, придавших России потенциальную исключительность на информационном поле. Будет ли она реализована и как, зависит не только от действий властей, но в большей степени от активных и реактивных изменений массового сознания в ответ на грамотное управление случайностью в нестандартном развитии резонанса на провокации и прямое давление.

Список литературы

1. Вакурова, Н. В. Современная конвергентная журналистика и блогосфера: синергизм в управлении случайностью / Н. В. Вакурова // Вестник университета. Государственный университет управления. – 2014. – № 8. – С. 227–230.
2. Вакурова, Н. В. Журналисты о кризисе (по результатам экспертного опроса) / Н. В. Вакурова, Л. И. Московкин // Велес : за матеріалами міжнародної нау-

- ково-практичної конференції: «Інноваційні підходи і сучасна наука»: збірник. – Київ : Центр наукових публікацій, 2015. – С. 154–157.
3. Московкин, Л. И. Эволюция в пробирке. Моделирование макроэволюционного процесса в культуре растительной ткани / Л. И. Московкин // Наука в эпоху дисбалансів»: збірник (рівень стандарту, академічний рівень). – Київ : Центр наукових публікацій, 2015. – С. 13–16.
4. Тарасов, А. Н. Психология корпоративного мошенничества : учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры / А. Н. Тарасов. – М. : Юрайт, 2015. – 320 с.

А. А. Грабельников

(г. Москва, Россия)

ПРИМЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В следующем году будет 25 лет, как мы живем в новой буржуазной России. Рыночное общество все расставило на свои места, в том числе и средства массовой информации. Из коллективного агитатора, пропагандиста и организатора, четвертой власти они постепенно возвращаются в свое дореволюционное состояние, о котором писал еще М. Горький, как об игрушке, забаве...

Авторы книги «СМИ в меняющейся России» пишут о том, что сегодня чрезвычайно возросла развлекательная составляющая содержания СМИ. Такие передачи стали ключевым элементом рыночной экономики, потому что на их основе возникла наиболее эффективная система рекламодателей. Анализируя состояние и структуру медиаиндустрии, экономисты в большинстве стран уже давно объединили рынок СМИ и развлечений. Его доля в глобальной экономике составляет около 3 %. Объяснение этих процессов очевидно: рост мировой экономики неизбежно приводит к увеличению расходов на рекламу. Медиа становятся частью рыночной экономики, которая встраивает их в системы реализации товаров и услуг, в маркетинговые стратегии производителей, причем СМИ зачастую ориентируются не столько на политические и культурные потребности общества, сколько на нужные рекламодателям потребительские запросы целевых аудиторий [10, 113–114]. Статистика подтверждает: издания бульварно-таблюдного типа и телегиды, концепции которых имеют откровенно развлекательный характер, являются абсолютными лидерами на российском рынке и ежедневной, и еженедельной периодики [10, 118]. Не менее показательными в этом контексте выглядит и развитие индустрии российского телевидения. Развлекательными являются

Развлекательный сегмент СМИ способствует устойчивому росту валовых доходов от размещения рекламы. Креативные умы изыскивают все новые способы развлечения аудитории, доходя в своих поисках до удивительных результатов. Для примера возьмем недавний случай из текущей журналистской практики солидного и авторитетного федерального информационного агентства «РИА-Новости». В годовщину крушения малазийского «Боинга» в Донецкой области 17 июля 2015 г. оно выпустило на своем сайте викторину из 15 вопросов по знанию фактов трагедии [6]. Следует сказать, что это не первая такая викторина на сайте агентства. До этого читателей, например, занимали вопросами на тему «Противостояние в Донбассе: как все начиналось». Надо отдать должное пользователям, которые в этот раз не стали играть в предложенную игру, а возмутились данной публикацией, как из-за самого вопросника, так и из-за того, что после каждого правильного ответа читателя «поздравляли»: «А теперь веселая викторина от РИА Новости: какого числа погибли 298 людей? Весело же, ну!», *Juan Cortez*: Полное аморальное днище. *Ксения Батанова*: Викторина, викторина! На знание деталей, да вы же там совсем, хоть что-то святое-то осталось? *Alina Grebneva*: Даже не хочется называть сотрудников РИА в этом случае «коллегами». Какое позорище. Сотрудники РИА, может быть, вы придете в себя и уберете этот ужас с сайта. И принесете извинения родственникам погибших [1]. А вот комментарии читателей к данной новости на странице одного из самых популярных блогеров Рустема Адаганова [8]: *Olga Kapitonova*: Да, что же, они совсем без разума..... *Raisa Oganesyanyan*: Я не верю. Они лишены всякой человечности! *Vladimir Karetnikov*: Редакция РИА захвачена злыми клоунами. *Елена Юрченкова*: И суперприз – поездка к месту катастрофы с проведением фотосессии... Вааще конченные!!! *Максим Смирнов*: И ведь кто-то в здравии это придумал.. Понятно, что по шаблону, но все же думать-то надо. *Tolik Yartsev*: Директор пусть сегодня себе премию выпишет за креативную и познавательную викторину. *Анастасия Мингазова*: И ведь сидит «креатиффффщщщееегг», который это вот выдумал, и его начальник, который утвердил... и выпускающий редактор, который поставил, и еще куча народу, кто реализовывал. И ведь ни у кого ни в одном глазу... и никто не встал резко со стула, не шваркнул клавиой

об стол, не возопил к небесам, мол, «я профессионал, я специалист, я в этом дерьме не участвую!»... *Mikhail Cherkashin*: А призы какие? Тушь с места падения? Или там чемодан какой-нибудь? *Жура Руслан*: А прикиньте такую викторину на годовщину Беслана или Норд-Оста: – Каким газом отравили кучу народу? – Бинго! – Правильно!!! – Поздравляем!... *Gennadii Veselkov*: Это жесть. Может, это какая-то болезнь, поражающая головной мозг, просто ее еще не открыли? *Инара Алиханова*: Каждый раз думаешь – все, это конец, ниже уже ничего быть не может. Но нет предела совершенству, и с каждым разом мы уже не удивляемся и не ужасаемся, а только горько качаем головой... [7].

Через несколько часов после появления материал на сайте заблокировали. Пресс-служба МИА «Россия сегодня» сообщила: «Интерактивный опрос на тему крушения малазийского боинга был удален с сайта РИА Новости после публикации из-за очевидной глупости и беспрецедентной нелепости содержания. Редакторы, пропустившие подобное к публикации, отстранены от работы до выяснения всех обстоятельств. К авторам и редакторам, виновным в появлении этого отвратительного материала на сайте, будут применены дисциплинарные меры вплоть до увольнения. Мы приносим извинения читателям и скорбим вместе с родными и близкими погибших» [1].

Данная ситуация показывает, что аудитория социальных сетей выглядит более зрелой, чем профессиональные журналисты. Не случайно, видимо, у пользователей возникает законный вопрос: *Ирина Рябцева*: Это такой цинизм или такой дебилизм? На что блогер дает свой ответ: *Рустем Адагамов*: Это просто по объявлениям на заборе персонал набирают [7]. И, кстати, он недалек от истины. Это ярко продемонстрировала радиостанция «Эхо Москвы». Ведущая, она же помощник главного редактора А. Венедиктова Леся Рябцева в беседе с Виктором Шендеровичем (16.04.2015) авторитетно заявила, что у нас в России проживает 8 млн человек. Правда, потом усомнилась в своих словах и сказала, что может ошибаться, но ее извиняет то, что она гуманитарий. Этот ролик, выложенный на Ютубе, набрал более 700 тыс. просмотров [5].

Однако Леся не из тех, кто тушует и стыдится. Наоборот, она в своем блоге в публикации «До свидания, старое поколение журналистов» пишет: «Уважаемые принимающие вступительные экзамены на журфаках, я надеюсь, вы понимаете, что и вы без чьей-то помощи когда-то давно не стали бы собой. То, что, как вы считаете, должен знать каждый абитуриент, важно только потому, что это вы так сказали, а не потому, что это действительно важно. Эти нужные и важные знания сохранились в таком объеме и несменяемом качестве, потому что это традиция. Такая же традиция, как и вы сами. И в нашем новом дивном мире уже сейчас традиции соблюдаются только из уважения. А вот будущее – оно все-таки за новым поколением и за новыми медиа. Как бы вы этого не хоте-

ли. Так что, узбагойтесь, расслабьтесь и наблюдайте. Если же вам хватит сил, то еще и помогайте» [9].

Напор «нового поколения» был таков, что его не выдержал основатель и первый главный редактор «Эха Москвы» Сергей Корзун. Сергей – интеллигентный, умный журналист с хорошей репутацией в профессиональных кругах. Не был замечен в пошлых интригах и хамстве. Его передачи «Особое мнение» и «Без дураков» пользовались уважением у аудитории. По его словам, решение уйти было вызвано оскорбительными репликами помощника главного редактора Леси Рябцевой в ее блоге на сайте «Эха Москвы» [3]. «Я больше не работаю на радио «Эхо Москвы». Того «Эха», которое мы начинали в 1990-м, не стало. Организм еще работает, но «смерть мозга» уже наступила. Это мое личное оценочное суждение.... Радио за 25 лет меняло программы, форматы, рубрики, соотношение новостей и комментариев экспертов, но всегда (до сих пор) оставалось верным своей целевой аудитории. В 2015 г. этого, на мой взгляд, не стало. В данном случае я не отделяю сайт «Эха Москвы» от радио. Отличия есть, но бренд – один и тот же. Непрофессиональные, высокомерные, злобные и просто оскорбительные суждения из комментариев к постам перекочевали в сами посты, а открытый троллинг некоторыми ведущими некоторых гостей программы – в эфир. Дегтя сравнительно немного, но, как известно, одна его ложка может убить бочку меда. Мне представляется, что репутации бренда «Эхо Москвы» это наносит смертельный ущерб... Нефильтрованное «Эхо» стало опасным для душевного здоровья» [4].

Расширение игрового сегмента в СМИ подобными викторинами, наполнение редакций «новым поколением» журналистов, представитель которых упомянут выше, к сожалению, заметно сужают возможности современной отечественной журналистики реализовывать ее важные функции – информационную, образовательную, просветительскую воспитательную, социализаторскую, мобилизационную, партиципаторную, подменяя их рекреационной. Да и телевизионные игры нынче не стремятся к интеллектуальному развитию зрителей. Исследователь игры как системообразующего феномена экранных коммуникаций И. И. Волкова пишет, что соревновательные шоу-программы «Слабое звено», «Алчность», «Куб», «Империя страсти», имеющие, как правило, высокие рейтинги, сознательно культивируют качества, далекие от благородства: выживание во что бы то ни стало, интриги, злословие, формат и правила игры создают нездоровый драматизм со скандальным оттенком. Можно говорить о манипулятивных технологиях, направляющих энергию человека на достижение чужой цели, которая не осознается игроками. Всем знакомая интеллектуальная игра-викторина «КВН» почти утратила импровизационность, превратилась в эстрадный отрепетированный концерт, зрелище ради зрелища. Она, а также «Что? Где? Когда?», к сожалению, теряют то,

за что их называют национальным телевизионным достоянием – оптимизм, интеллигентность, ощущение духовного братства [2, 55–56].

Одной из основных функций игры, особенно в детстве, была и остается социализация людей. Она служит инструментом активного освоения новыми поколениями своих будущих социальных ролей в обществе. Ведь в каждой игре есть собственная задача – развитие определенных навыков. В числе главных задач СМИ также стоит социализация новых поколений. Наряду с их просвещением, образованием, воспитанием. К сожалению, средства массовой информации и коммуникации, об этом забывают. Они плодят игры, ток-шоу, викторины, с одной стороны, для собственных коммерческих целей, а с другой, чтобы выпускать пар, отвлекать население от насущных проблем, делать его социально пассивным (несмотря на возрастающую интерактивность медиа). В результате такие передачи становятся некой «погремушкой» для взрослых, которую можно вручить и малообразованным сотрудникам. Вместо созидательной деятельности, служащей поступательному развитию общества, СМИ направляют свои силы и ресурсы, скорее, на его деградацию. Они слишком заигрались, разрушая разумное, доброе, вечное.

Список литературы

1. «Следующая викторина будет о казарме» – как соцсети отреагировали на викторину РИА о «Боинге». – URL: <https://storify.com/Rus2Web/sleduyushchaya-viktorina-budet-o-kazarme-kak-socse>
2. Волкова, И. «Маркиза» как идеальная телевизионная игра / И. Волкова // Медиакоммуникации в XXI веке: императивы, вызовы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 29–30 апреля 2015 г.) / науч. ред. И. М. Артамонова. – Донецк : ДонНУ, 2015. – Вып. 1. – С. 55–59.
3. Гусейнов, Р. Почему нас не любят? Российская журналистика и российская жизнь / Рафаэль Гусейнов // Литературная газета. – 22.07.2015. – URL: <http://lgz.ru/article/-30-6518-22-07-2015/pochemu-nas-ne-lyubyat-30-2015>
4. Корзун, С. Эхо Москвы. 1990-2015. R.I.P / С. Корзун. – URL: <http://bez-durakoff.livejournal.com/13409.html>
5. Львов, И. Леся Рябцева vs Виктор Шендерович 16.04.2015 – 8 миллионов в стране, в России (я гуманитарий) / И. Львов. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=BsHLOqVO-zs>
6. Расследование авиакатастрофы Boeing 777: год спустя. – URL: <http://ria.ru/viktorina/20150717/1133501722.html>
7. Рустем Адагамов. – URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=807817439335183&set=a.107042812745986.9938.100003208032044&type=1&theater>
8. Рустем Адагамов. – URL: <https://www.facebook.com/adagamov?fref=photo>
9. Рябцева, Л. До свидания, старое поколение журналистов / Л. Рябцева. – URL: <http://echo.msk.ru/blog/lejsya/1588934-echo>
10. СМИ в меняющейся России : моногр. / под ред. проф. Е. Л. Вартановой. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 336 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖУРНАЛИСТИКИ В МАТЕРИАЛАХ О СОХРАНЕНИИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Информационные потребности человека составляют важную часть его жизни, их изучение включает исследование мотивов необходимости получения информации, принципы отбора, влияние массовидных явлений на информационную насыщенность жизни. В последнее время человек с помощью СМИ наряду с информацией о курсе доллара или индексации пенсии познает мир сквозь призму его «нематериального» окружения – вкусы, предпочтения, культурный слой, традиции, этносреда. Немалый интерес вызывают и вопросы сохранения духовного, национального наследия.

Для всякого образованного человека рано или поздно встает вопрос самоопределения перед лицом культуры. Об этом емко сказал Н. А. Бердяев: «Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны» [1, 253]. Человек волен решать, насколько эти символы смогут его преобразить: нет противоречия в том, что в век высоких технологий цивилизация переживает кризис. Технологические стратегии направляются по двум путям: внутрь и вовне. Во внутренней жизни человека основное внимание обращается на технику мысли. Обращенная на внешний мир технологическая стратегия порождает бурный рост информационного переустройства мира.

В журналистской публицистике, а также аналитических материалах очеркового, портретного профиля в последние годы намечаются тенденции построения образа человека – современника, исторической личности, героя произведения. Наше мышление часто называют «образным», поскольку под образом понимают «субъективную картину мира, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. Образ – одна из форм отображения объективной реальности» [3, 225], своего рода слепок этой реальности, создаваемый человеком самостоятельно, на основе личного опыта соприкосновения с теми или иными явлениями действительности, либо же транслируемый в его сознание, в том числе через книги, картины, кино и другие продукты творчества. Однако человек немислим вне контекста истории, своей страны, духовной культуры. Если В. О. Ключевский сравнивал внешний вид человека с фасадом здания, то и образ героя медиатекстов невозможно создать без описания изображения его ценностей.

Публицист Валерий Панюшкин пишет: ... «русская живопись» – это для общественного сознания то, что висит в Третьяковке, а не то, что висит в галерее Шилова. Тогда почему же ... «русская православная церковь» — это часы патриарха, нанопыль и пьяный поп, сбивающий пешеходов дорогой иномаркой? Почему это, а не преподобный Макарий? Почему, употребляя слово «православные», принято иметь в виду Дмитрия Энтео, а не архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого), не митрополита Антония Сурожского, не отца Александра Меня, наконец?» [4].

Ценности общества диктуют модели создания образов. Культура и культурные ценности в нашем обществе тоже «ищут» себе совместимые ниши, переходя в другие формы. Человек стремительно отходит от пассивного потребления культурной информации, он не просто созерцает культурные ценности, но и активно пользуется ими. Одновременно в общественной жизни россиян происходит преобразование национального сознания, предпринимаются попытки духовно-эстетического созидания. Первое десятилетие третьего тысячелетия стало в России временем глубоких перемен, связанных с переосмыслением прошлого страны, ее истории и культуры. XXI в. – время возрождения культурной памяти. Духовное наследие России исчисляется веками. Обращение к русской истории, к православной культуре (как массовой для страны) показывает актуальность многих положений, которые выдвигались ранее и не были выполнены по известным причинам.

Формирование «ценностного отношения к историческому, национальному наследию в XXI в. переживает второе рождение: исторические (летописи, фольклор) и культовые (храмы, письменные документы) памятники воспринимаются как источники образования, воспитания и просвещения» [2, 127]. Массмедиа отводят этой тематике довольно большие объемы площадей, так как образовательную функцию журналистики здесь можно сочетать с гедонизмом (развлечением). Концепция телеканала «Моя планета» ВГТРК – тому подтверждение, здесь появились новые рубрики («Русский след», «Россия. Гений места», «Москва и окрестности»), циклы научно-популярных и историко-приключенческих программ.

Трансляция духовных ценностей видоизменяется. Осмысление жизненных приоритетов происходит через индивидуально-личностное (человек в центре внимания) и духовно-эстетическое измерение (в фокусе – творения человека). Духовное измерение жизни современного человека, как говорилось выше, происходит и через степень удовлетворенности жизнью вообще (здесь можно назвать рубрики печатных СМИ, телепередачи «Как стать счастливым», «Как стать успешным», «Как стать миллионером», «Секреты успеха», «Снимите это немедленно»). Следует заметить, что удовлетворенность жизнью как характеристика некоторого интеллектуально-эмоционального состояния личности – величина динамич-

ная. Она подвергается как воздействию внешних факторов, так и психоэмоционального состояния человека.

О сохранении духовного наследия в средствах массовой информации и сетевой среде пишут много. Прослеживаются следующие тенденции.

Осмысление исторической роли мифологического наследия. Например, недавно запущенный мистический проект телеканала «Моя Планета» рассказывает о людях, обладающих силой, которой нет логического объяснения; мир пережил премьеру фильма «Хоббит: Нежданное путешествие» в конце 2012 г., и средства массовой информации тут же пытаются проанализировать, насколько современны духовные ценности притчи: «Как не потерять человеческий облик во время господства тоталитарных идеологий? Где взять силы, чтобы спасая себя, не предать других? Может ли один, самый обыкновенный человек противопоставить себя целой системе подавления, насилия, обезличенности?» [5, 14].

Сохранение традиций, массовая культура. Тематика разнообразна: народные гулянья, кулинария, мода, обычаи и обряды. Многие средства массовой информации культурно-просветительного направления (журналы «Добрые дела», «Сударушка», «Славянка», «София», «Наследник» рассказывают, как преобразается, возвращается к своим духовным истокам общество в наши дни). Человек – житель планеты, констатируют СМИ, поэтому важно не потерять связь с традициями малой родины.

Реставрация (в прямом и переносном смысле) утраченного, воспроизведение культурных ценностей. Газетная и журнальная периодика, телепередачи, интернет-материалы рассказывают о восстановлении разрушенных и утраченных ценностей. В сетевой среде приглашают к обсуждению, создают блоги и сообщества, помогают друг другу найти информацию. Духовно-образовательный ресурс сетевых средств массовой информации иногда выглядит «солиднее», чем в политической, коммерческой и иных популярных для обсуждения в сети сферах. Это происходит потому, что публикации о культурном наследии и отзывы на них, как правило, лишены агрессивной лексики, псевдодискуссионного настроя. Специализированные СМИ публикуют мнения экспертов, массовые издания обращают внимание на проблемы, указывают на несовершенство законов.

Обращение к патриотизму. Пожалуй, самая популярная тема в российских СМИ, вспомнить хотя бы освещение в СМИ акции «Бессмертный полк» к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Многие средства массовой информации шагнули на более высокий уровень освещения темы духовного наследия, публикации обогатились оригинальными текстовыми находками, фотографиями, графикой и рисунками. На наш взгляд, складывается новый тип изданий и СМИ-потребителей. Медиасфера, будучи неотъемлемой частью культуры, относится к числу непосредственных репрезентантов культурного сознания.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Воля к жизни и воля к культуре / Н. А. Бердяев // Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. – Париж, 1969. – С. 253.
2. Гришанина, А. Н. Новые формы трансляции духовных ценностей в СМИ / А. Н. Гришанина // Современные тенденции в науке и образовании. – М. : АР-Консалт, 2014. – С. 127.
3. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1999. – С. 225.
4. Панюшкин, В. Вершины и доминанты / В. Панюшкин // Сноб. – 2013. – 22 окт.
5. Эппле Н. Хоббит: стихи и притчи Среднеземья / Н. Эппле // Фома. – 2013. – № 1. – С. 14.

А. Н. Данюк, И. П. Щеблыкин

(г. Пенза, Россия)

О «БЫТОВОМ ЯВЛЕНИИ» В. Г. КОРОЛЕНКО

В. Г. Короленко не только известный писатель, талантливый редактор, но и плодотворный публицист, который активно боролся против проявлений реакции, произвола и несправедливости. В нем отлично сочетались качества выдающегося художника слова и не менее выдающегося публициста.

Начиная с 1906 г. Короленко пишет ряд статей, посвященных смертной казни: «Кому начинать?», «Легенда о пользе виселицы», «Дело Гау» и другие. Однако не все появились в печати, да и те не нашли должного отклика у читающей публики.

На протяжении многих лет писатель собирал материал для статьи по этому вопросу. И в 1910 г. примерно за два с половиной месяца он написал статью «Бытовое явление», которая была опубликована в № 3 и 4 журнала «Русское богатство» в этом же году с подзаголовком «Заметки публициста о смертной казни».

«Бытовое явление» – одно из лучших публицистических произведений В. Г. Короленко. Это цикл очерков, посвященных военно-полевым судам, по приговорам которых происходили многочисленные смертные казни революционеров и крестьян, обвиненных в участии в беспорядках. Статья направлена против смертных казней, широко применявшихся царским правительством. Людей вешали и расстреливали по решениям судебных органов, без суда и следствия, по подозрениям, наветам помещиков и заводчиков. Казнили юношей и девушек, мужчин и женщин. Все это приняло массовый характер, носило обычное, бытовое явление, причем количество казней непрерывно увеличивалось. И на протяжении многих лет Короленко собирал материал для статьи по этому вопросу.

В первых главах рассказывается о буднях смертников Нижегородской тюрьмы, в которой обвиняемые ждали исполнения приговора. Люди «ждут дни, недели, иногда месяцы, каждый вечер, спрашивая себя, увидят ли они завтрашнее утро» [1, 124]. Автор рассказывает читателям о трагедии смертников, самоубийствах, мучительных свиданиях с родными, во время которых так много хочется сказать. В восьми главах Короленко сообщает, что испытывают смертники в ожидании казни, а в девятой главе подробно говорит о самой процедуре казни, заменяя описания многоточиями. Статья проникнута болью за людей, которым приходится терпеть страдания. Однако автор выражает надежду, что такого вскоре не будет.

Характерной чертой очерка являются письма смертников, которые не только составили основу произведения, но и определили тон повествования. Именно с ними в значительной мере связана творческая история очерка. Данные письма не совсем обычные. В. Г. Короленко подчеркивал, что их судьбу определил тот человек, который их собирал: «Главная тут заслуга – того безвестного человека, который в тюремной камере собирал этот материал» [2, 449].

Наряду с письмами смертников, составившими основную часть фактического материала очерка, в нем использовались газетные сообщения о смертных казнях и официальные документы, вплоть до всеподданнейшего доклада статского секретаря графа С. Ю. Витте и царской резолюции на нем.

Особое значение Короленко уделяет форме подачи фактов. Так, например, письма смертников цитировались целиком. При этом писателю приходилось их последовательно располагать, поэтому иногда приходилось менять местами отрывки писем, включать новые или опускать уже приведенные, расширять или сжимать обобщения и др.

Показательна в этом плане работа публициста над седьмой главой очерка. В рукописном варианте данная глава открывалась пространным авторским рассуждением об экспроприациях и их связи с политической обстановкой в стране. Затем была дана характеристика отдельных групп экспроприаторов и отмечались различия между ними. В журнальном варианте сохранилась прежняя композиция главы, однако вступительная часть, особенно рассуждения о положении в стране, была значительно сокращена. Однако и в таком виде глава не нравилась писателю. Она не имела названия, в отличие от остальных, и обозначалась только цифрой. Название было только в рукописи. Сначала глава называлась «Экспроприаторы о себе», а затем «Письма смертников».

Замена заголовка в рукописи и снятие его в журнальной публикации свидетельствует об авторской неудовлетворенности и о недоработке главы. Готовя произведение для отдельного издания, Короленко вновь переделал ее начало. Теперь повествование начиналось с рассказа об эстонском журналисте Экарте Хорне, который привлекался к суду за по-

собничество в самоубийстве смертника. Данный факт имел место и в первоначальных вариантах главы, но там он стоял после обобщающей части, в ряду других фактов, поэтому терялся. Кроме того, о нем рассказывалось бегло и с меньшей силой обобщения. Поставленный в начало главы рассказ о Хорне сосредоточил на себе внимание читателя. Более впечатляющей стала обобщающая часть главы, а сама глава – компактной по форме и цельней по содержанию. После этого у нее появилось новое название: «Экспроприаторы».

Весьма большим и неоднократным изменениям подвергалась концовка заключительной части очерка. Писатель особенно усилил ее идейную и эмоционально-выразительную сторону: «Нужно ли, чтобы в своем возвратном течении вал принес и швырнул среди стихийного грохота эти тысячи трупов, задавленных в период успокоения?.. Чтобы к историческим счетам прибавились еще слезы, стоны и крики мести отцов, матерей, сестер и братьев, продолжающих накапливать в «годы успокоения» свои страшные иски? Нужно ли? [4, 163].

Значимость «Бытового явления» заключается не в подробностях и описании, а в выводе, к которому автор приводит читателя. Весь ужас состоит в том, что смертная казнь в России стала обычным делом, и право распоряжаться человеческой жизнью отдано жестоким, равнодушным карателям, превратившим казнь в бытовое явление.

Публицистика Короленко лишена высокопарных слов и фраз. Труды писателя наполнены болью и сопереживанием человека, заглянувшего в душу чужого человека, трепещущую в предсмертных судорогах. При чтении статьи «Бытовое явление» чувствуется глубокая искренность заключительных слов: «Читать это тяжело. Писать, наверное, еще во много раз тяжелее». В своей уничтожающей критике «военного правосудия» за отсутствие в нем гарантий от напрасной смерти и от «рисков судебного убийства» Короленко не уступал профессиональным юристам по приводимым аргументам.

Дальнейшее развитие тема смертной казни получила свое развитие в ряде статей и очерков Короленко, печатавшихся в журнале «Русское богатство» в 1910–1911 гг.: «Дело Глускера. К заметкам публициста о смертной казни», «Черты военного правосудия», «К чертам военного правосудия», «Еще к чертам военного правосудия», позже переработанных и объединенных в один очерк под названием «Черты военного правосудия». Превосходство «Бытового явления» было отмечено Л. Н. Толстым за выраженные в ней мысли и чувства. Статья появилась в переводах во Франции, в Германии, Италии, Болгарии, а затем и во многих других странах. Писатель получил сотни писем из Петербурга, Киева, Москвы, Харькова, Армавира, Ставрополя, Красноярска, Ярославля, Екатеринослава, Самары, Ростова, а также из Мюнхена, Рима, Парижа, Софии, Мадрида, Цюриха, Брюсселя и других городов.

В. Кранихфельд писал: «Из всего написанного о смертной казни статья В. Г. Короленко «Бытовое явление» является наиболее сильной и потрясающей» [5, 80].

Список литературы

1. Короленко, В. Г. Собрание сочинений : в 10 т. / В. Г. Короленко. – М. : Гослитиздат, 1955. – Т. 9. – 450 с.
2. Короленко, В. Г. Собрание сочинений : в 10 т. / В. Г. Короленко. – М. : Гослитиздат, 1955. – Т. 10. – 490 с.
3. Короленко, В. Г. Бытовое явление. Заметка публициста о смертной казни / В. Г. Короленко // Русское богатство. – 1910. – № 3. – С. 49–71.
4. Короленко, В. Г. Бытовое явление. Заметка публициста о смертной казни / В. Г. Короленко // Русское богатство. – 1910. – № 4. – С. 139–164.
5. Кранихфельд, В. П. Литературные отклики / В. П. Кранихфельд // Современный мир. – 1910. – № 5. – С. 80–86.

А. А. Демченко

(г. Саратов, Россия)

ПЕРЕЛОМНЫЙ 1856 г. В СУДЬБЕ НЕКРАСОВСКОГО ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК»

1856 г. стал переломным для всей России с воцарением нового государства, публично провозгласившего необходимость освобождения крестьян от крепостного права. С новым императором, как это обыкновенно бывало в русской истории, пришли в общество надежды на обновление всей государственной жизни, чуть приутихла цензура, оживилась журналистика как и литература в целом. «Современник», своим возникновением и названием обязанный А. С. Пушкину, одним из первых воспользовался возможностью стать поистине современным изданием. Чуткий к запросам общества Н. А. Некрасов, несмотря на предупреждения И. С. Тургенева и А. В. Дружинина, решительно поддержал пришедшую в его журнал молодую критическую силу – Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова; первый с декабря 1855 г. и весь 1856 г. печатал в «Современнике» вскоре получившие широкую известность «Очерки гоголевского периода русской литературы», провозгласившие актуальность призывов Белинского к общественному служению отечественной словесности, второй критик в первой же публикации в 1856 г. о сатирической журналистике екатерининского времени, которая за обличением частных беззаконий не умела разглядеть «корни зла», механизм тогдашней организации государства, смело выступил против крепостничества как идеологии. Уезжая на лечение за границу, Некрасов свои права редактора пе-

редал Чернышевскому, и «Современник» быстро начинал приобретать значение демократического издания, соответствующим образом оказывая влияние на общественное мнение всей России.

Одновременно 1856-й стал годом обострения журнальной конкуренции. В редакцию знаменитого журнала «Отечественные записки», всего десятилетием до этого блиставшего сотрудничеством Белинского, вошел талантливый литературный критик С. С. Дудышкин, и «Отечественные записки» как постоянный оппонент «Современника» значительно усилил полемику с журналом Некрасова, пытаясь сбить его растущую популярность. В другом крупном петербургском издании «Библиотека для чтения» редактирование принял на себя с апреля 1856 г. известный литературный критик Дружинин, который начал наступление на современниковских преемников Белинского, поставив задачей отток из «Современника» наиболее значительных авторов, в частности Л. Толстого, Григоровича, Островского. В том же 1856-м Москве начал издаваться «Русский вестник, журнал М. Н. Каткова, видного публициста, сразу же объявившего себя прямым противником «Современника». Стоило Некрасову замешкаться с приглашением в сотрудники М. Е. Салтыкова, как «Русский вестник» тут же перехватил писателя и предоставил свои страницы «Губернским очеркам» под его псевдонимом Н. Щедрина, настолько быстро приобретшим популярность, что уже к концу года принесли журналу значительное увеличение числа подписчиков, а русской литературе имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. В первых же номерах катковского издания появились новые произведения Островского, Огарева, свое новое сочинение обещал Каткову Тургенев [7, 323]. «"Русский вестник" сильно имеет виды на Толстого. Это прими к сведению и прими свои меры», – предупреждал В. П. Боткин Некрасова в письме от 7 декабря 1855 г. [1, 177]. Наконец, «Русская беседа», еще один новый московский толстый журнал, издаваемый славянофилом А. И. Кошелевым, имел все шансы заполучить сотрудничавшего в «Современнике» А. Н. Островского.

Перетягивание журналами на свою сторону самых популярных писателей побуждали издателя «Современника» принять «свои меры», и Некрасов, за десятилетний срок редакторства приобретший большой опыт в руководстве толстым журналом, пошел на беспрецедентное в истории русской литературы составление договора, получившего название «обязательного соглашения». Придуманно «практическим умом Некрасова», – свидетельствовал активный участник всех этих событий Григорович [2, 122]. Идея была озвучена на обеде у Некрасова в феврале 1856 г., устроенного в честь Островского [6, 31]. Суть предприятия сводилась к добровольному прикреплению к «Современнику» обязывавшихся печататься только в этом издании Л. Толстого, Тургенева, Островского и Григоровича, в качестве постоянных и, таким образом» «обязательных» авторов за дополнительную плату с доходов журнала [3, 136; 7, 67]. Перед отъездом за границу в августе 1856 г. Некрасов продиктовал Чернышев-

скому текст соглашения [4, 121–125], и оно вступило в силу с января следующего года. Договор просуществовал всего год [5, 293, 297], но сам факт его возникновения и реализации вошел в историю русской журналистики как смелая, инновационная, сказали бы мы сегодня, попытка переломного изменения условий издания одного из крупнейших отечественных журналов.

Введение «обязательного условия» повлекло за собой мысль о коренной перестройке самой структуры журнала. Процесс протекал болезненно, отразившись во внутриредакционной полемике между Некрасовым и Чернышевским.

Основной заботой руководителя «Современника» было укрепление беллетристического отдела, состояние которого, по давнему его убеждению, определяет степень популярности всякого журнала. «Обязательное соглашение» работало на эту мысль. Но оно оказалось недолговечным, и уже с конца 1856 г. Чернышевский, вынужденный поддерживать литературную политику Некрасова, что отразилось, например, на его статье о Л. Толстом, стал осторожно склонять Некрасова к тому, чтобы, оставляя первым отделом журнала художественную литературу, но, соединяя его с отделом науки, ввести отдел «Современная жизнь» с помещением в нем политических, юридических и экономических публикаций, потребность в которых явно ощущалась всем обществом, озабоченным теперь вопросами отмены крепостного права. Примером назывался «Русский вестник», наиболее успешно конкурировавший с «Современником». Так, в письме к Некрасову за границу от 24 сентября 1856 г. Чернышевский дипломатично сообщал: «По отзывам провинциалов, в нынешнем году "Соврем<енник>" считался интереснейшим из журналов, – по беллетристике, конечно. Но "Русский вестник", как вообще я слышал, также занимает публику» [9, 314]. Некрасов не сразу, но все же принял доводы Чернышевского, журнал был перестроен, известность его существенно увеличилась, число его подписчиков выросло до наибольшей по тому времени цифры в 6 тыс.

Таким образом, 1856 г. по совокупности всех происшедших в нем изменений стал переломным в судьбе этого передового издания целой эпохи.

Список литературы

1. Евгеньев-Максимов, В. Некрасов и люди 40-х гг. / В. Евгеньев-Максимов // Голос минувшего. – 1916. – № 9. – С. 173–189.
2. Григорович, Д. В. Литературные воспоминания / Д. В. Григорович. – М., 1961.
3. Дементьев, А. Некрасов и «обязательное соглашение» / А. Дементьев // Вопр. лит. – 1971. – № 6.
4. Демченко, А. А. Некрасов, Чернышевский и «обязательное соглашение» в «Современнике» середины 1850-х годов / А. А. Демченко // Некрасовский сборник. – Вып. XIII. – СПб., 2001.

5. Макашин, С. Ликвидация «обязательного соглашения». Из истории «Современника» конца 1850-х годов. (Тексты документов подготовлены И. Болотиной) / С. Макашин // Литературное наследство. – М., 1949. – Т. 53–54.
6. Мельгунов, Б. В. «Современник» и молодой Островский / Б. В. Мельгунов // А. Н. Островский. Материалы и исследования : сб. науч. тр. – Шуя, 2006.
7. Некрасов, Н. А. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. / Н. А. Некрасов. – М., 1948–1953. – Т. 12.
8. Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. / И. С. Тургенев. – М. ; Л., 1960–1968. – Письма. – Т. II.
9. Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. – М., 1939–1953. – Т. XIV.

Е. И. Замотина, Т. В. Дубровская

(г. Пенза, Россия)

КОРПУС РОССИЙСКИХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИММИГРАЦИИ

Настоящая статья является частью более объемного проекта, основная цель которого состоит в выявлении механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в разных типах дискурса¹. Проект основан на положении социального конструкционизма о том, что конструирование межнациональных отношений как категории нематериальной происходит главным образом посредством дискурсивной деятельности участников социальных процессов. При этом мы полагаем, что для каждой институциональной сферы характерны свои способы дискурсивного конструирования. (Об изучении масс-медиа в русле социального конструкционизма и специфике масс-медийных репрезентаций более подробно написано в [4].) Мы определяем дискурс как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в социально значимой ситуации и исследуем три типа дискурса: политический, юридический и масс-медийный. В фокусе данной статьи находится дискурс российских печатных масс-медиа, направленный на освещение вопросов межнациональных отношений, которые возникают в связи с иммиграционными процессами в Россию из других стран.

Социальная актуальность рассматриваемого процесса очевидна, поскольку в последние десятилетия происходит устойчивый рост имми-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

грации в Россию. По словам заместителя министра труда и социальной защиты Л.-Ельцовой, число мигрантов в России за последние 10 лет увеличилось в 4 раза [5]. Согласно данным Федеральной миграционной службы РФ только за 5 месяцев 2015 г. в Россию въехало 7 737 743 иностранных граждан, 55 751 человек оформили вид на жительство, 135 059 человек получили разрешение на временное проживание [6]. Поток мигрантов ставит перед принимающей стороной проблемы самого разного характера: рост межнациональной напряженности, торможение модернизации производства, демпинг заработной платы, экономические издержки по социальному обеспечению мигрантов и т.д.

Если подойти к проблеме иммиграции с точки зрения представления ее в языке, то можно сказать, что в разных школах дискурсивного анализа уже сформировалось научное направление, обозначенное в работе Р. Водак как «исследовательская парадигма дискурса расизма и предрассудков» [13, 108]. Интерес самой Р. Водак касается развития в СМИ определенных тем, касающихся мигрантов. В числе этих тем культурные и умственные отличия, отклонения, угроза, криминальность и ущерб социо-экономическим интересам принимающей страны [13, 114].

Другим видным дискурс-аналитиком репрезентаций межнациональных отношений является Т. А. ван Дейк. Он отмечает существование длительной социокультурной традиции отрицательных образов «Другого», которые преобладают и в современных дискурсах [12, 361]. Ученый обсуждает дискурсивные способы создания отрицательного образа этнических меньшинств и отмечает сходство стереотипов и предрассудков, выявленное в исследованиях СМИ на предмет конструирования этнического и расового неравенства [12, 361]. Такое сходство подтверждается и в других публикациях зарубежных и отечественных исследователей (J. Blommaert, J. Verschueren [9]; T. Catalano, L. R. Waugh [10]; M. M. Lirola [11]; Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебрянникова [1]; Е. А. Вьюжанина [2]; А. В. Гришина [3]; Т. Г. Скребцова [8] и др.).

Многие работы последних лет, концентрируясь на хорошо изученных средствах конструирования негативного портрета мигранта в СМИ, во многом повторяют друг друга, в лучшем случае иллюстрируя «свежим» речевым материалом хорошо известные положения.

Методологическое решение проблемы нам видится в том, чтобы несколько поменять угол зрения на проблему изучения репрезентаций иммиграции. Объектами анализа в существующих исследованиях являются репрезентации абстрактной (или конкретной) фигуры мигранта и отношение обычных граждан или высокопоставленных лиц к этой фигуре принимающее стереотипные языковые формы. Иными словами, анализируется процесс конструирования наивных, бытовых межнациональных отношений. За рамками этого анализа остаются репрезентации межнациональных отношений государственного уровня. Именно такие репрезентации будут далее объектом нашего внимания и анализа.

Для получения валидных результатов, касающихся типичных репрезентаций межнациональных отношений в контексте миграции, необходимо использование достаточного объема речевого материала. В рамках данной статьи мы представляем описание и краткий анализ корпуса медийных текстов, собранного для разработки обозначенной выше проблемы.

Основой корпуса текстов послужили электронные версии текстов ежедневной российской газеты «Известия», опубликованные в период с 1 января по 31 декабря 2014 г. (<http://izvestia.ru/>). Выбор российского информационного источника обусловлен тем, что это качественное издание, придерживающееся либеральной позиции в освещении событий. Кроме того, издание позиционирует себя как независимое СМИ и является одним из авторитетных источников в России. Газета выпускается как в печатном, так и в электронном виде. Количество полос газеты – 12–16 полос, периодичность выхода – пять раз в неделю с понедельника по пятницу. Тираж газеты «Известия» в России, СНГ и за рубежом составляет 176 260 000 экземпляров, в Москве – 51 020 экземпляров [7]. Определяя читаемость издания, надо учитывать и тот факт, что читатели молодых и средних лет часто обращаются к электронным версиям газеты.

Просматривая архив электронного издания, мы составили корпус текстов, насчитывающий 114 статей. Отбор статей исследуемой тематики происходил вручную по всем имеющимся в газете рубрикам. Основу корпуса составили тексты из рубрик «Политика», «Общество», «Культура», «Москва». Статьи о миграционных процессах, не затрагивающих Россию, нами не учитывались. Ниже представлено распределение статей, посвященных вопросу миграции, по месяцам 2014 г.

Таблица 1

Распределение статей по месяцам

Месяц	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Количество статей	7	2	14	8	6	10	16	20	10	10	7	4

Из таблицы видно, что количество статей распределено неравномерно. Наибольшее количество публикаций, посвященных вопросу миграции, приходится на март и июль-август. Поводом для активизирования ротации темы послужили поправки к Постановлению Правительства Российской Федерации от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Рос-

сийской Федерации» (ред. от 07.03.2014 № 172), к Постановлению Правительства РФ от 09.04.2001 № 274 (ред. от 23.04.2012, с изм. от 22.07.2014) «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации». Активное обсуждение в СМИ вызвал Федеральный закон от 20.04.2014 № 74 «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» согласно которому, мигранты для получения патента в России, сертификата для временного проживания и разрешения на работу должны сдать экзамены по русскому языку, истории России и правоведению в устной и письменной форме.

Предварительный анализ материала позволяет выделить в газете два взаимосвязанных аспекта репрезентаций миграционных процессов в России. С одной стороны, это защита государственных интересов самой Российской Федерации посредством миграционного законодательства. С другой – обеспечение правовых гарантий для мигрантов и способы активной общекультурной интеграции мигрантов с российским обществом.

В рамках ключевых тем, определяющих характер конструирования межнациональных отношений в контексте иммиграции, отметим наиболее частые: перераспределение потоков мигрантов внутри России, установление квот на привлечение иностранной рабочей силы, условия проживания мигрантов, подготовка трудовых мигрантов к сдаче обязательного экзамена на знание русского языка, истории и основ российского законодательства и др. Заголовки статей, как правило, наглядно иллюстрируют тематику и лишены оценочных смыслов. Например, заголовок «Гражданам в три раза увеличат штраф за наем нелегальных рабочих» (Известия 13.10.2014) эксплицитно отражает правовую направленность статьи, в которой говорится об увеличении штрафов за использование труда нелегальных рабочих. В статье под названием «Мигранты просят перевести экзамен на родные им языки» (Известия 01.10.2014) речь идет о переводе учебников для подготовки к обязательному экзамену по русскому языку, истории и основам российского законодательства на родные языки мигрантов. Наряду с полноинформативными заголовками, понятными читателю и полностью отражающими содержание статьи, встречаются и неполноинформативные, смысл которых становится понятным после прочтения, например, «“Офицеры” и “Петр I” помогут мигрантам при сдаче тестов» (Известия 25.07.2014). В заголовок статьи попадают названия кинолент, рекомендованных иностранцам к просмотру перед сдачей экзамена по истории.

Собранный корпус текстов позволяет предварительно выделить нескольких социальных акторов государственного уровня: Россия, Казахстан, Украина, Киргизия, Таджикистан, Туркмения. В разных ситуациях Россия выступает и в качестве активного актора, производителя действий

в межнациональных отношениях, и в качестве объекта воздействия со стороны других акторов.

Репрезентации межнациональной политики России с мигрантами из других стран концентрируются вокруг нескольких принципиальных социальных аспектов, таких как трудоустройство, оплата труда, пенсионное обеспечение, здравоохранение, и базируются на категории «равенство/неравенство», применяемой для сравнения прав мигрантов с правами граждан РФ.

Таблица 2

Репрезентация прав граждан РФ и мигрантов

Социальные аспекты	Соотношение прав граждан РФ и мигрантов
1. Трудоустройство	По мнению Минтруда, установление допустимой доли иностранных работников будет способствовать приоритетному трудоустройству российских граждан в этих отраслях, защите национального рынка труда, а также стимулированию внутренней трудовой миграции, – отметили в пресс-службе ведомства. (Известия 29.10.2014)
Оплата труда	Также важно обеспечить соблюдение всех прав мигрантов, прежде всего права на равную с гражданами РФ оплату труда. (Известия 23.01.2014)
Пенсионное обеспечение	В пресс-службе Минтруда России «Известиям» пояснили, что лица, получившие в России статус беженца, независимо от того, гражданами какой страны они являются, имеют право на пенсионное обеспечение наравне с гражданами Российской Федерации на период действия статуса беженца, подтверждаемого удостоверением беженца установленного образца, выдаваемого территориальными органами ФМС России (Известия 31.10.2014)
Здравоохранение	Правда, если москвичи могут записываться к врачам в поликлиниках сколько хотят, мигранты смогут за год сходить к терапевту и хирургу только по три раза, а, к примеру, к кардиологу и дерматологу – по одному разу. (Известия 28.11.2014)

Исходя из предварительного анализа корпуса газетных текстов, нам удалось отследить тематику публикаций, определить проблематику заявленной темы исследования, предварительно выделить социальных акторов государственного уровня. В ходе анализа собранного корпуса текстов была установлена связь между активизированием ротации темы миграции в России и принятием новых законов/внесением изменений в действующие законопроекты. Перспективой исследования является анализ собранного корпуса текстов с точки зрения доминирующих топосов, ти-

пичных средств конфигурации и репрезентации социальных акторов, а также определение способов и функциональной ценности юридического дискурса, транслируемого в СМИ.

Список литературы

1. Викулова, Л. Г. Структуры и способы конструирования социальной реальности в медийном дискурсе (предметная область иммиграция) / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова // Вестник НВГУ. – 2014. – № 4. – С. 10–16.
2. Вьюжанина, Е. А. Образ мигранта из Таджикистана в российских масс-медиа / Е. А. Вьюжанина // Дневник АШПИ. – 2014. – № 30. – С. 165–169.
3. Гришина, А. В. Особенности трансляции образа трудовых мигрантов в зарубежных и российских СМИ / А. В. Гришина // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2010. – № 8/3. – С. 35–39.
4. Дубровская, Т. В. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций / Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 26. (в печати).
5. Минтруд: число мигрантов в России увеличилось в 4 раза // Интернет-журнал «Новая политика». – URL: <http://www.novopol.ru/> (дата обращения: 28.06.2015).
6. Официальный сайт Федеральной миграционной службы РФ. – URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/> (дата обращения: 28.06.2015).
7. Сайт рекламного агентства РБК. – URL: <http://izvestija.advrba.ru/> (дата обращения: 01.07.2015).
8. Скребцова, Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ / Т. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 115–118.
9. Blommaert, J. Debating Diversity: Analysing the Discourse of Tolerance / J. Blommaert, J. Verschueren. – London, NY : Routledge, 2002. – 233 p.
10. Catalano, T. The Ideologies Behind Newspaper Crime Reports of Latinos and Wall Street/CEOs: a Critical Analysis of Metonymy in Text and Image / T. Catalano, L. R. Waugh // Critical Discourse Studies. – 2013. – Vol. 10, No. 4. – P. 406–426.
11. Lirola, M. M. Approaching the Representation of Sub-Saharan Immigrants in a Sample from the Spanish Press / M. M. Lirola // Critical Discourse Studies. – 2014. – Vol.11, No. 4. – P. 482–499.
12. Van Dijk, T. A. Critical Discourse Analysis / T. A. Van Dijk // Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, & Heidi E. Hamilton (Eds.) The Handbook of Discourse Analysis. – Oxford : Blackwell, 2001. – P. 352–371.
13. Wodak, R. The Genesis of Racist Discourse in Austria since 1989 / R. Wodak // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard (Eds.) – London : Routledge, 2003. – P. 107–128.

ЖУРНАЛИСТИКА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Развитие современной цивилизации и информационных систем переживает этап неравновесных, хаотических состояний [2, 74]. Наиболее адекватной этому состоянию оказывается синергетическая парадигма, которая описывает состояние становления организации из хаоса и является собой нестандартную теорию эволюции и самоорганизации сложных систем. Принципы синергетики относятся к журналистике как диссипативной, открытой, нелинейной, дискретной системе, в которой в условиях неравновесности образуются структуры, начинающие доминировать, становятся моделями для подражания и центрами концентрации, самоорганизации.

Открытость системы (незамкнутость журналистики) – это способность постоянно обмениваться с окружающей средой информацией, «размывание» жанров, типов, структур. Наблюдения за способами трансляции информации в медиа-сфере показали, что значимыми для собственно журналистского творчества становятся такие параметры социокультурной ситуации, как размывание границ между разными сферами жизни (светская и религиозная, научная и мистическая), разными культурами (классическая и массовая), разным характером осмысления происходящего (драматический и иронический).

Еще одна значимая тенденция связана с ростом в СМИ **аллюзивности** (цитатности), с увеличением количества римейков, подражаний, стилизаций в кино и на телевидении – т.е. создание игрового произведения, в котором происходит переплетение масскульта и постмодерна. В прессе начинают доминировать тексты, система аргументации которых базируется на цитировании: с одной стороны, аргументация представляется более весомой, благодаря апеллированию к авторитету и использованию прецедентного текста; с другой стороны, упрощение аргументации экономит собственные умственные усилия за счет использования чужого интеллектуального опыта. Таким образом, открытость, незамкнутость журналистики на уровне текста приводит к появлению особого комплекса, в котором взаимодействие автора публикации и массовой аудитории направлено на обмен актуальной информации.

Дискретность журналистики состоит в ее атомизированности, квантифицированности, когда информация выдается в свет в виде ритмической пульсации, имеет дискретный характер. Восприятие и воспроизведение в сфере медиа становится многоуровневым и многомерным, одна информация накладывается на другую. Это характерно для нынешнего

клипового информационного мира, когда информация одних изданий или телевизионных программ накладывается на другие, противоположные или родственные по смыслу. То есть клиповость, многомерность и совмещаемость разных информационных рядов – это реальность мультимедийного журнализма. Возник даже термин «драв-мышление» – мышление человека, постоянно меняющего картинку на экране ТВ, как только он перестает испытывать от нее драйв. Это ведет к потере способности к аналитическому мышлению и сокращает ареал телепередач, рассчитанных на аудиторию с высоким уровнем интеллекта [3, 14].

Нелинейность журналистики состоит в том, что информация носит не строгий, не упорядоченный, а хаотичный, нелинейный, непредсказуемый характер. Неустойчивость, следование за событиями и отклонение от них – это одна из важных характеристик журнализма. В современном журнализме достаточно хорошо обозначена такая особенность восприятия как способность «остановить мгновение» – сосредоточиться на каком-то событии, образе, политической фигуре или звезде шоу-бизнеса. И тогда все СМИ бросаются описывать, фотографировать объект со всех сторон, делая его голографической, объемной фигурой, не оставляя ни одного уголка его личной жизни. При этом очень часто отдельные экстраординарные события, поданные в СМИ с намеренным усилением эмоциональной нагрузки, формируют неправильное целостное представление о той или иной социальной сферах [1, 34]. Свойство **гиперболичности** стало проявляться в современном журнализме наряду с таким признаком масскультуры, как создание кумиров. Когда вслед за одним идолом или сенсацией в поле зрения попадает новый образ, который становится объектом всеобщего внимания, старый стирается из сознания и памяти. Таким образом, в поисках сенсационной информации журналисты выделяют экстраординарные факты и при этом очень часто отдельные события и фигуры, поданные в СМИ с намеренным усилением эмоциональной нагрузки, формируют неправильное целостное представление о той или иной социальной сфере.

Диссипативность журналистики связана с возможностью создавать при определенных условиях диссипативные структуры, самоорганизовываться [2, 210–211]. На наш взгляд, именно способность бесконечного числа пользователей современных медиа самоорганизовываться в ближайшем будущем изменит основы традиционной журналистики: в перспективе медиа-потребитель постиндустриального общества – субъект более образованный, самодостаточный, свободно ориентирующийся в сфере информационных ресурсов и умеющий продуктивно анализировать медиа-контент.

Таким образом, все обозначенные особенности журнализма делают его адекватным холономному существованию информации во Вселенной и могут рассматриваться в качестве **ключевых характеристик журналистики эпохи постмодерна**.

Список литературы

1. Бурдые, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые. – М., 2002. – 160 с.
2. Свитич, Л. Г. Феномен журнализма / Л. Г. Свитич. – М., 2000. – 252 с.
3. Фатиев, Н. И. Научная журналистика как уходящая натура / Н. И. Фатиев // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 12 апреля 2010 г. – СПб., 2010. – С. 11–15.

Г. С. Зуева

(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ

В настоящее время испанский язык занимает 2-е место в мире по числу носителей: по данным Института Сервантеса, на нем постоянно говорят 559 млн человек, в первую очередь – жители Испании и стран Латинской Америки (кроме Бразилии). Среди граждан США также достаточно много носителей испанского языка – 53 млн человек [1].

В связи с этим наблюдается и широкое разнообразие испаноязычных средств массовой информации. Помимо газетной периодики, представленной хорошо известными по всему миру «El Mundo», «La Razón», «El Economista» и др., современный журнальный рынок испаноязычных изданий заслуживает, на наш взгляд, особого внимания ввиду его сегментации – сильной тенденции к специализированности.

На испанском языке издаются многие известные российскому читателю журналы, давно вышедшие на мировой рынок: «National Geographic», «Geo», «Esquire», «Elle», «Vogue» и др. Популярны журналы о путешествиях, а также журналы для мужчин и женщин, впрочем, имеют мало собственно испанских аналогов мировым брендам, чего нельзя сказать о журналах на историческую тему.

Исторические журналы – это целый сегмент в испаноязычной прессе, который представлен по меньшей мере семью оригинальными наименованиями гляцевых журналов большого объема (в среднем – 100 страниц формата А4). Это журналы: «Clío», «Historia de Iberia Vieja», «Historia y Vida», «La Aventura de la Historia», «Muy Historia», «Vive la Historia» и отдельный журнал издательского дома «National Geographic» – «Historia». Все они выходят с одинаковой периодичностью – ежемесячно.

Контент данных журналов определяется их качественной направленностью: статьи написаны в научно-популярном стиле, сопровождаются яркими иллюстрациями и комментариями к ним. По типологии данные журналы можно отнести к научно-популярным, подобно русскому жур-

налу «Вокруг света», только с более узкой направленностью – исключительно исторической.

Однако, в отличие от русских научно-популярных изданий, в испаноязычных журналах на историческую тему более низкий процент рекламы. Для сравнения: в номерах российского «National Geographic» 2015 г. «рекламные» страницы занимают в среднем 30 % от всего объема номера, в последних номерах журнала «Вокруг света» – примерно 18 %. При подсчете мы учитывали не только иллюстрированную рекламу, но и текстовую. В журнале «National Geographic». Historia» процент рекламы будет колебаться в пределах 8–10 %. То же самое можно сказать и о других испаноязычных изданиях из приведенного выше списка. Меньше всего рекламных страниц в журнале «Clío» – 7–9 % номера.

Интересен не только сравнительно низкий процент объема рекламы в испаноязычных журналах на историческую тему, но и ее смысловой посыл, направленность. В научно-популярных журналах мы привыкли видеть рекламу элитных часов и украшений, автомобилей, туристических агентств, парфюмерии, технических новинок. Все это в той или иной степени присутствует и в испаноязычных журналах, однако в их рекламном контенте есть существенные особенности.

Практически во всех просмотренных нами номерах встречается реклама радиостанции «Agora Historia» и журналов, которые могут быть интересны целевой аудитории рассматриваемых нами изданий – например, в номерах «Clío» можно увидеть рекламную страницу о литературном журнале «Qué Leer», «National Geographic». Historia» размещает рекламу журнала для изучающих английский язык «Aprende Inglés», а на страницах «Historia de Iberia Vieja» рекламируется журнал «Enigmas», посвященный различного рода мистическим тайнам и загадкам, связанным в том числе и с исторически значимыми местами.

Также в исторических журналах присутствует реклама коллекционных монет. Нам встретилось два примера такой рекламы, которые помещены практически в каждом номере просмотренных журналов. Рекламные страницы идентичны. В первом примере рекламируются серебряные монеты с изображением городов испанского культурного наследия («Cuidades patrimonio de la humanidad de España»), другая реклама иллюстрирует монеты, изготовленные в честь нынешнего испанского короля Филиппа VI («Proclamación de S. M. don Felipe VI»).

Особенно важным, по нашему мнению, является наличие в исторических журналах страниц с иллюстрированной рекламой книжных новинок от испаноязычных авторов. По жанру это может быть как художественное произведение (Arturo Pérez-Reverte «Hombres buenos») или биографическое (Helen Rappaport «Las hermanas Romanov»), так и научный труд (José Javier Esparza «Historia de la Yihad»). Больше всего примеров иллюстрированной рекламы книг нам встретилось в журнале «La Aventure».

ra de la Historia». Другие исторические журналы практикуют книжную рекламу в форме кратких обзоров.

Таким образом, рекламная политика испаноязычных журналов на историческую тему свидетельствует о стремлении испанцев к сохранению национальных ценностей в своей исторической памяти.

Список литературы

1. 21 millones de personas estudian español en el mundo, casi 1,5 millones más que hace un año. – URL: http://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/prensa/2015/noticias/21-millones-estudian-espanol.htm (дата обращения: 22 июня 2015).

А. И. Иванов

(г. Тамбов, Россия)

О ПРАВДЕ РЕАЛЬНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, –
Там вековая тишина.

Н. А. Некрасов

Внешне простая формулировка проблемы о правде жизни в журналистике XXI в. вызывает немало уточняющих вопросов и о сути понятия, и о множестве правд, и об адекватности отражения реальности... Не меньший круг вопросов связан с понятием *жизнь как повседневность*. Ведь в этой повседневности – и события (для журналистов наиболее привлекательное), и нечто струистое, мало меняющееся... Попробуйте, например, – без крупных международных событий, катастроф и ДТП – с ходу ответить на житейский вопрос: *что новенького?* После этого можно понять региональных журналистов, придающих сенсационную окраску информационным сообщениям. А что означает *жить по правде*, как говорили раньше?

С проблемами реализма в отражении действительности вольно или невольно сталкиваются студенты на семинарских и практических занятиях, на практике и в самом начале самостоятельной работы. О способах отражения реальности, а точнее, *видении* действительности чаще всего и заходит разговор при обсуждении современной журналистики. Остановимся на некоторых вопросах, связанных с особенностями восприятия будничной жизни.

В свое время В. Г. Белинский, размышляя об особенностях отражения реальности в литературе, упомянул о микроскопе и телескопе. «Мир возмужал, – писал критик в 1841 г., – ему нужен не пестрый калейдоскоп воображения, а микроскоп и телескоп разума, сближающий его с отдаленным, делающим для него видимым невидимое. *Действительность* – вот лозунг и последнее слово современного мира! Действительность в фактах и знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума, – во всем и везде действительность есть первое и последнее слово нашего века» [1, 268]. Это высказывание Белинского в силу своей емкости позволяет отнести слова критика к освещению современности журналистами, когда действительность воспринимается не только в дискретности, в восприятии журналистом отдельных событий, а в *движении, переменчивости*. Можно с уверенностью сказать, что критик выразился об особенностях оптики художника, ее *направленности*, о его способности *видеть* и, наверное, переключаться с большого на малое. Теперь же, когда у журналиста есть возможность увидеть почти одновременно и большое и малое, зафиксировать не только увиденное, но и услышанное, можно говорить не только об оптике, направленной на повседневную жизнь, не только о фокусе и разрешающей способности объектива. Наверное, первое, чего недостает местной журналистике, можно бы назвать *объемностью* видения реальной жизни. В конце XX столетия отечественный телезритель имел возможность взглянуть на недавнее прошлое сквозь «стереоскопическую» оптику Леонида Парфенова в его передаче «Намедни». Когда апрель 1961 г. – это и полет первого человека в космос, и, например, выпуск холодильника «ЗИЛ». Таким приемом в показе прошлого пользуются мемуаристы и эссеисты, поэты и документалисты. Возможно ли подобным образом совместить матрицу больших событий с малоприметной картинкой провинциального быта в региональной журналистике?

Нередко приходится слышать: газета – секундная стрелка истории. При этом мне вспоминаются слова А. П. Чехова о том, что русские не умеют просто жить, они или грустят о прошлом, или мечтают о будущем. Представим себе, что реальность начала XXI в. через столетие будут изучать наши потомки. Смогут ли они узнать, что волновало, чем *просто жили* наши современники? Всю картину сегодняшнего дня условно можно разделить на две части. На одной стороне – официальная жизнь, заседания областной думы и различных комиссий, поездки губернатора и его выступления. На другой – дорожно-транспортные происшествия, криминальная хроника. Не получится ли двуцветная мозаика из «заседают» и «убивают»?

На наш взгляд, попыткой настройки «объемной» оптики для отображения повседневности являются страницы тамбовской версии еженедельной газеты «Житье-бытье», самой «неприятной» газеты для местной власти. Газета, видимо, не случайно обратилась к малому, негромкому и

неброскому, к «маленькому» человеку с «маленькими» горестями и радостями. На 4-й полосе, в специальной колонке «Итоги недели» жители города делятся своими радостями и горестями. Ну, например:

– молодая журналистка говорит о том, прошла полное обследование в больнице и «выяснила, что полностью здорова»;

– один из музыкантов города сообщил, что наконец-то найдено место для предстоящего концерта. «Мы будем играть джаз-фанк». Это очень редкое направление, которое в Тамбове почти не услышишь»;

– студентка поделилась радостью, что у нее закончилась практика, и она вернулась в институт. Теперь «свободного времени будет побольше»;

– еще один читатель рассказал о трудностях выбора, которые он испытал на прошедшей неделе. Дело в том, что в Тамбове одновременно проходили два концерта: ДДТ и Ольги Арефьевой.

На этой же странице в колонке «Короче» можно «услышать» сообщения читателей, принятые по телефону. В одном из них – сетования на то, что на детской площадке по одной из улиц построили голубятню. «Кто же это разрешил и кто за этим следит?».

Что это? Словесный коллаж, где большое/громкое почти механически, без каких-либо переходов соединено с малым, но сердечным, узнаваемым? Но ведь это и есть реальная неделя в жизни губернского города!

Медленно текущая, мало меняющаяся жизнь в отдалении от столиц трудно поддается так называемому клиповому сознанию. О «клиповости» в восприятии, мышлении написано немало. Уже подсчитано, что современный кино- и телезритель не выдерживает более 6–8 с одной и той же картинки на экране. Перед просмотром одного из фильмов в городском киноклубе ведущий предупредил, что нас, вполне «закаленных» зрителей, ожидает непривычно «долгий кадр», кажется, до 8 минут. Действительно, человек *просто шел* по пустынной городской улице несколько минут, а мы, зрители, получили возможность задуматься над тем, кто же он, всмотреться в город, вслушаться в его звуки...

Как-то незаметно мы отвыкаем медленно читать, долго разглядывать, просто вслушиваться в окружающее. И дело не только в ускорившемся ритме жизни, ведь и жизнь зачастую – пунктирна, есть же понятие дискретность жизни. Как увидеть в пункте непрерывную линию жизни? Не случайно, видимо, у кино- теледокументалистов возникло такое явление, как *медленное видео*. Этот жанр, который находится на стыке кино и журналистики, порождает свою эстетику, которую осмелимся назвать *эстетикой погружения* в реальность. На примере региональной журналистики можно сказать, что она, опьяненная свободой 1990-х, поспешила именовать себя «четвертой властью», увлекшись хлесткой критикой местной власти. А в арсенале средств журналистики есть и *эстетические* средства воздействия на своего зрителя, слушателя, читателя.

Социально-политическое начало в журналистике настолько возобладавало над гуманитарной, эстетической составляющей, что она (на какое-то время?) перестала видеть человека. Вспомним, как Обломов в ответ журналисту Пенкину, хвастающему критической направленностью своих статей, верностью изображения, воскликнул: «Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де не возьмем, а верно и выйдет? А жизни-то и нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, что там у вас называется гуманизмом. <...> Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью...» [2, 26–27].

Сейчас, когда заходит речь о специфике новостных программ советского прошлого, то для студентов-журналистов самым трудным для постижения оказывается отсутствие «негатива». Пуск новых цехов и домов, строительство жилья, битва за урожай... И ни одного убийства, ни одной эффектно снятой аварии. После просмотра обычно следует недоуменный вопрос внимательных зрителей: *как же так?* И не сразу можно ответить на такой вопрос. И дело не в насильственном позитиве на советском телеэкране. Молодежь уже выросла на другом отношении к происходящему, в котором обязателен конфликт, драма, острота событий. Поэтому освещение повседневности, на наш взгляд, нуждается не столько в драматизации, сколько в *гуманизации оптики*.

На одном из мастер-классов для региональных тележурналистов (г. Воронеж) рассматривался репортаж о ситуации в отдаленном селе, в котором предприниматель выкупил сельский пруд. На экране: растерянные лица жителей, не представляющих своей жизни без пруда, где они когда-то учились плавать, издавна ловили рыбу, показаны озабоченные представители сельской и районной администрации... Все по закону. Скорее всего, пруда, видом которого завершается репортаж, уже не вернуть. И слышался совет репортеру: «А вы протяните по времени вид этой красоты. Пусть больше станет от этой картинки, понятнее, какая прелесть потеряна...». Вот он, пример воздействия красотой или, говоря словами учебников, через зрительный образ!

Говоря о переменах в характере высшего образования журналистов, петербургский ученый В. А. Сидоров, в частности, заметил, что «упростились подходы к классическому культурному наследию, усилилось внимание к технологическим аспектам профессии». Он же несколько оптимистично отметил, что «растет сопротивление негативным обстоятельствам и тенденциям нового века. Потому что всегда есть преимущества и достоинства, которые непосредственно вытекают из самой личности человека, а не из особых условий его общественного положения. Личность преподавателя в общении со студенческой молодежью проявляется через идеалы и ценности, соотносимые с профессиональной деятельностью

журналиста: *технологии приходят и уходят, а ценности остаются*» [3, 204].

Современные вузовские программы заставляют перефразировать выражение: *технологии приходят и приходят*. Вот уже мультимедийного журналиста жаждут видеть работодатели. И вольно или невольно приходится думать над тем, как совместить новые технологии с вечными ценностями? И что нужно делать, чтобы и будущий журналист как человек, фиксирующий реальность, был личностью, обладающей идеалами и ценностями?

Думается, что гуманитарные науки, для которых остается все меньше места, не исчерпали своих возможностей. Опыт русской классической литературы и отечественной кино- и теледокументалистики учит вглядываться в реализм повседневного, видеть жизнь через сокровенное – чувства, мысли современников, сограждан. Этот опыт предшественников приучает в гуле, шуме или даже в немоте времени прислушиваться к человеку... При всех потрясениях и волнениях вглядываться в обаяние повседневной жизни, о чем замечательно сказал когда-то наш тамбовский А. М. Жемчужников:

*О, бытие!.. Мне в нем отрада,
И сознаю я, и дивлюсь,
Как человеку мало надо,
Покуда чуток жизни вкус.*

Когда-то мне показалось странным следующее: на вопрос «*что было с Вами в августе 1991 года?*» (имелся в виду путч 1991 г.) спустя два-три года многие мои земляки вспоминали в первую очередь не о попытке государственного (!) переворота (!), а о свадьбе дочери, поступлении сына в институт, о невиданном урожае моркови на приусадебном участке... И дело, наверное, не в том, что вдалеке от столицы, или, говоря словами Н. А. Некрасова, *в глубине России – вековая тишина*, а в том, что тревожные дни августа – еще не весь август, и что *одно*, пусть и «судьбоносное» событие не заслоняет от человека *всю* жизнь. Банально? Так и в реальной жизни много банального, на то она и повседневность, будничность. И не только в отдалении от столиц.

Список литературы

1. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М., 1955. – Т. VI.
2. Гончаров, И. А. Соч. : в 4 т. / И. А. Гончаров. – М. : Правда, 1981. – Т. II.
3. Сидоров, В. А. Парадигма творчества и массовизация медиа: ценностные контексты личности журналиста / В. А. Сидоров // Журналистика в 2012 г.: социальная миссия и профессия : сб. материалов науч.-практ. конф. – М. : Ф-т журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013.

АНОНИМНЫЙ АККАУНТ КАК ГЕНЕРАТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

В первые десятилетия XXI в. традиционная модель распространения информации уступила место совершенно новым формам и способам передачи сведений. Электронные каналы массовой коммуникации – социальные сети, форумы, блоги – все активнее замещают собой традиционные СМИ. Уникальным культурным и информационным событием 2010 г. стало появление интернет-мемов – единиц хранения и передачи информации в сфере культуры [5, 128]. Идея мемов, высказанная еще во второй половине 1970-х г. Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген», нашла самое широкое практическое применение в сетевом пространстве. За короткий срок мемы стали новым языком международного общения и емким, лаконичным средством выражения эмоциональной реакции.

Немалую роль играют интернет-мемы в процессе распространения массовой информации. К их помощи прибегают многие блогеры и сетевые журналисты, а в последние годы мемы выходят за рамки сетевого пространства, постепенно дополняя тексты прессы, телевизионные и радиоэфир. Генераторами интернет-мемов, как правило, являются сами пользователи. Именно этот процесс и стал объектом внимания авторов и исследования в данной статье. В качестве пользователя-источника политических мемов внимание авторов привлек известный в виртуальном пространстве провокационный аккаунт. Анонимный пользователь, скрывающийся под именем Лев Щаранский [2], известен своей острой сатирой и провокациями, а также рядом придуманных и распространенных им словосочетаний и неологизмов, за короткий срок снискавших популярность в и Интернете.

От многочисленных блогеров анонимная страница Щаранского отличается рядом нехарактерных для основной массы блогов особенностей. Персонаж, за которым скрывается автор, – некий собирательный образ советского интеллигента и правозащитника, пародирующий современных либералов. Частью необычного образа Щаранского является его автобиография [2]. Написанная полушутливым тоном, история жизни Льва Натановича Щаранского представляет читателю подробную легенду, затрагивающую политические и нравственные взгляды персонажа, место его жительства, отношение к России и США и многое другое.

Поскольку тексты Щаранского богаты яркими образами, эпитетами, эвфемизмами, а также изобилуют игрой слов, блогер быстро завоевал популярность в социальных сетях. Согласно статистике, ежемесячно страницу Щаранского в «Живом Журнале» посещают от 95 до 310 тыс. пользо-

вателей [10], а аккаунт автора в сети Twitter имеет более 39 тыс. подписчиков [1].

Создавать и поддерживать образ Льву Щаранскому помогает уникальный набор собственных устойчивых выражений и слов. Таковым является и «креакл» – емкое сокращение от словосочетания «креативный класс». Впервые мем начал активно распространяться по сети в первые месяцы 2013 г. Поводом для его появления стали протестные митинги, начавшиеся в конце 2011 г. в Москве, в которых приняли участие многочисленные представители так называемого креативного класса. Примечательно, что само понятие «креативный класс» впервые появилось задолго до этого – в 2002 г., в работах американского экономиста Ричарда Флориды. В марте 2011 г. Владислав Сурков заявил, что администрация Медведева ставит перед собой задачу «создать творческий, креативный класс людей, способных изобретать и создавать инновации» [7]. В сентябре того же года, за несколько месяцев до массовых митингов, Станислав Белковский впервые употребил термин «креативный класс» для обозначения среды поддержки несистемной оппозиции.

Щаранский же дал мему следующее определение: «Креативный класс – это художники и поэты, хипстеры и дизайнеры, завсегдатаи модных кафе и гламурных бутиков, журналисты и писатели. Короче все те люди, геи и демократические журналисты, которые заняты интеллектуальным трудом» [3]. Очевидно, что в ироничное определение креакла блогер вкладывает то же понятие, что и Станислав Белковский – в понятие креативного класса. Креаклы Щаранского – сторонники несистемной оппозиции, вышедшие из «постиндустриальных» профессий.

Завершил обзор морального облика креакла ироничный материал Щаранского «Двенадцать подвигов креакла» [3], опубликованный на его странице в «Живом Журнале». В качестве основных задач креакла Щаранский, помимо прочих, указывает борьбу с «чекистской гидрой», «укрошение быдлосовка» и покупку нового iPhone и iPad. Кроме того, в том же посте Лев Щаранский говорит о создании собственного «передового и самого прогрессивного» учения – Щаранизма-хайкинизма, которого придерживается созданная им шуточная интернет-партия КПСС – Креативная Партия Свободы Совесть.

Обретя популярность в Интернете, мем стал активно использоваться в СМИ. Сегодня его можно встретить в заголовках многих СМИ, таких как «Комсомольская правда» («Креакл себя увидел на «параде» пленных в Донецке») [4], Slon.ru («Путин: в недостатках образования виноваты креаклы») [9], «Московские новости» («Поравалитики и креаклы») [8]. Креакл также встречается в текстах современных медиа, таких как «Ведомости», «Комсомольская правда», «Известия», Lenta.ru, «Эхо Москвы», ИА Росбалт и прочих. Мем Щаранского не утратил популярность даже спустя четыре года после своего появления, что говорит о его прочном закреплении в культурной, общественной, коммуникативной и информационной средах страны.

Другой мем, активно используемый Львом Щаранским, – «рукопожатный». Согласно определению самого автора, это «человек, которому не устыдятся пожать руку демократические журналисты, оппозиционеры, диссиденты, геи-активисты. Можно сказать, представляет собой самого креакла» [6]. Щаранский не является автором этого неологизма. Слово встречается в Сети в материалах, опубликованных до появления аккаунта в блогосфере. Однако именно Щаранский популяризировал и сделал «рукопожатного» общеизвестным мемом в одном из значений этого слова. В интернет-каналах массовой коммуникации, блогах, форумах, социальных сетях мем «рукопожатный» принимает два основных значения:

1. Выражение похвалы, одобрения по отношению к лицу либо его мнению.

2. Ироничный намек на то, что материал представляет собой точку зрения радикальной либеральной оппозиции. При этом эта точка зрения часто представляется абсурдной. В этом значении «рукопожатный» мыслится показательным примером образа мышления либералов-западников.

Вне зависимости от того, кто именно впервые употребил это слово, своим современным значением и распространением оно обязано именно Льву Щаранскому. Именно в этом значении, то есть как нечто, относящееся к радикальной либеральной идеологии, «рукопожатный» закрепился в медиапространстве. Мем неоднократно употребляется в текстах материалов Lenta.ru, «Независимой газеты», «Новой газеты», «Взгляда», «Коммерсанта», inoСМИ и многих других изданий.

От мема произошло множество производных, также активно употребляемых в блогосфере. Так, например, Щаранский нередко употребляет глагол «рукопожимать» в первом лице единственного числа. Глагол означает наивысшую степень одобрения и используется в лозунгах Щаранского, таких как «Диссиденты всех стран, рукопожимайтесь!». Также производным от мема является слово «рукопожометр» – некий вымышленный прибор для измерения рукопожатности. Благодаря тому, что неологизмы носят игровой и пародийный характер, они остаются популярными по сей день. Это говорит об их актуальности и прочной интеграции во многие сферы общественной жизни современной России.

Рассмотренные авторами мемы «креакл» и «рукопожатный» являются лишь частью большого пласта понятий, привнесенных интернет-персонажем в масс-медиа, процессы массовой коммуникации и современный сетевой сленг. На примере творчества Льва Щаранского авторам хотелось наглядно продемонстрировать влияние конкретной личности на медиа-среду и СМК, а также проследить путь политического интернет-мема от момента его появления до использования в средствах массовой информации. Политический мем Щаранского – яркий пример того, как единицы культурной информации переходят из сферы онлайн коммуникации в медиапространство. Мемы становятся медиавирусами (согласно терминологии Д. Рашкоффа) – медиасобытиями, которые вызывают

настоящие социальные перемены. Интернет-мем сегодня – активный инструмент политической пропаганды, важная составляющая часть массовой культуры, средство выразительности наряду с фразеологизмом и метафорой. Знакомство с этим явлением, по нашему мнению, необходимо для каждого журналиста с целью лучшего понимания современного процесса создания и распространения массовой информации не только в сетевом пространстве, но и в традиционных типах СМИ.

Список литературы

1. Lev Sharansky: Freedom fighter, dissident and // Twitter: social networking service. – URL: <https://twitter.com/levsharansky> (дата обращения: 25.06.2015).
2. Lev_sharansky2/ Профиль // LiveJournal: social networking service. – URL: <http://lev-sharansky2.livejournal.com/profile> (дата обращения: 25.06.2015).
3. Двенадцать подвигов креакла // LiveJournal: social networking service. – URL: <http://lev-sharansky2.livejournal.com/163945.html> (дата обращения: 25.06.2015).
4. Креакл себя увидел на «параде» пленных в Донецке // Комсомольская Правда. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26273.5/3151068/> (дата обращения: 25.06.2015).
5. Кронгауз, М. Мемы в интернете: опыт деконструкции / М. Кронгауз // Наука и жизнь. – 2012. – № 11. – С. 127–132.
6. Щаранский, Л. Urbanculture: Энциклопедия современной культуры / Лев Щаранский. – URL: <http://urbanculture.in> (дата обращения: 25.06.2015).
7. Необходимо создать креативный класс // Взгляд: деловая газета. – URL: <http://vz.ru/opinions/2011/3/15/475903.html> (дата обращения: 25.06.2015).
8. Поравалитики и креаклы // Московские Новости. – URL: <http://www.mn.ru/oped/20130503/345662204.html> (дата обращения: 25.06.2015).
9. Путин: в недостатках образования виноваты креаклы. – URL: <http://slon.ru/fast/russia/putin-v-nedostatkakh-obrazovaniya-vinovaty-kreakly-1023085.xhtml> (дата обращения: 25.06.2015).
10. Traffic Overview of livejournal.com website // SimilarWeb: Website Traffic & Mobile App Analytics. – URL: <http://www.similarweb.com/website/lev-sharansky2.livejournal.com/profile#> (дата обращения: 25.06.2015).

Н. К. Поляева, А. А. Лысюк

(г. Челябинск, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Региональное телерадиовещание относится к особому институту общественной жизни, обладающему чрезвычайно широкими функциями. Телерадиовещание Южного Урала – это мощнейший инструмент воздействия на общественное сознание людей, формирующий среди населения представление о том, что происходит в мире, стране, регионе.

Изучая историю становления телевидения и радиовещания Южного Урала в разные периоды времени, можно выделить основные критерии и характеристики развития и становления телерадиокомпаний в конкретный промежуток времени.

В годы Великой Отечественной войны радиовещание Челябинской области было подвержено жесткой цензуре. Его основной задачей заключалась в предоставлении для населения информации, которая объективно отражала ход военных действий, содержала сведения о фронтовиках и их родственниках.

Специфика телерадиовещания Южного Урала в первые послевоенные годы принципиально не отличалась от предвоенного времени. Материалы политической и экономической направленности, рассказы о достижениях и успехах работников сельского хозяйства, промышленности, строительства – главные темы, освещаемые на телевидении и радио в послевоенные годы.

Телевизионные и радиальные произведения журналистов относились, в основном, к художественно-публицистическим и информационно-публицистическим жанрам. С целью сделать свои телевизионные и радиальные материалы интересными, доступными, злободневными и увлекательными, журналисты использовали весь арсенал выразительных средств языка.

Лексический анализ телевизионных и радиальных материалов Челябинской области позволил нам выделить характерные особенности медийных текстов в послевоенное время. К ним следует отнести шаблонизацию, политизацию и идеологизацию языка журналистских материалов. В языке медийных текстов активно используется официально-деловая лексика («Участники конференции поддерживают программу стабилизации обстановки в стране»; «В колхозе началась работа по эксплуатации зерновых культур»; «В третьем цехе Магнитогорского металлургического комбината, где обер-мастером был депутат *Верховного Совета РСФСР...*»; «Животноводы совхоза досрочно выполнили (*государственный*) производственный план сдачи молока»; «Лекции и беседы проводятся также для коллективов Челябинского завода сельскохозяйственного машиностроения») и разговорная лексика («По отчетному докладу развернулись прения»; «Здесь очень неуютно, всегда *сутолока*, шумно»; «*Мастер товарищ* сообщил, что все, что необходимо, что в наших силах, мы постараемся сделать»; «На счету *сталеваров* уже не одна сотня тонн металла»; «Инженеры завода в эту *декаду* изменили технологию раскроек заготовок»; «Книга рассчитана на *широкий круг* любителей шахмат», «Но мы думаем, что не ошибемся, если покажем фильм о *тайнах природы*»; «*Передовые доярки* борются за увеличение надоя молока»; «Книга раскрывает перед нами "*Тайны природы*"»; «Крупная *старательная артель* Телгинского рудника» [1]. В этот период речевые и языковые нормы от-

личаются постоянством, устойчивостью, охватывают все сферы языкового поведения и жизни. Главным средством для создания выразительности, образности, актуальности и экспрессивности текста следует считать метафоры и фразеологизмы. Они связаны с актуальными и злободневными явлениями и событиями в стране в послевоенное время.

В журналистских материалах наблюдается преобладание политической («Участники пленума поддерживают программу стабилизации обстановки в стране, озвученную *Верховным советом*»; «В этих условиях социально-экономическая политика *государственного аппарата* страны оказалась не в лучшем положении», «Решение февральского пленума *центрального комитета* и задачи работников партии в 1948 году»; «Участники конференции избрали новый состав райкома ВЛКСМ»), военной лексики («Первыми с докладом выступили представители *левого политического фланга*»; «*Баталии* среди участников произошли из-за политического заявления Пленума»; «*Армия работников завода* законно возмущаются низким качеством блюд в столовых и грязью в помещениях»; «*За выполнение этого обязательства звено ведет упорную борьбу*»; «На колхозных и совхозных фермах области *развернулось боевое социалистическое соревнование*»), активное использование имен собственных (колхоз имени Чапаева, возглавил Осип Григорьевич Сумин, Кочарский райком, товарищ Курицын, Амосов и т.д.), лексики, связанной с деятельностью рабочего класса, их рабочим процессом на предприятиях и заводах («Скоростными методами *варят сталь* и имеют большое количество сверхпланового металла сталевары»; «Вчера молодежная смена товарища Лемаева обработала металла в полтора раза больше плана, показав *рекордную плавку*»; «Особенно слаженно и *ритмично трудится* коллектив разреза номер 2 – южный»; «*Звено ведет работу* по выпуску продукции только отличного качества и с наименьшими затратами»; «На Копейском авторемонтном заводе рабочие *отдают все силы*, чтобы выпустить больше продукции меньшим количеством людей»); название рабочих специальностей, должностей (*горняки, член партии, секретарь, горный мастер, бригадир, сталеплавильщик*) [2].

Что касается эпохи перестройки, то она оказала резкое влияние на язык телевизионных и радиальных материалов Южного Урала.

До 1985 г. спецификой телерадиоматериалов была их шаблонизация, официозность, однообразие. Такая тенденция наблюдалась в языке медиатекстов еще долгое время, и поэтому в первые годы перестройки телерадиовещание Челябинской области было подвержено жесткой цензуре. Но, несмотря на это, журналисты и корреспонденты страны транслировали для зрителей и слушателей информацию о политических событиях и деятелях, не задумываясь о последствиях. После отмены цензуры в 1990 г. в языке телевизионных и радиальных текстов стала господствовать пестрота и насыщенность с точки зрения языка, стиля и содержания.

Исследование телевизионных и радиальных текстов периода перестройки позволило выделить две языковые специфические особенности этого времени. С одной стороны, язык медиатекстов периода перестройки был построен на основе «новояза». На фоне существующих языковых средств стали появляться новые, неизвестные ранее, а иногда происходило переосмысление старых слов, их значение порой приобретало противоположный смысл. С другой стороны, язык телевизионных и радиальных текстов стремился к стилистическому разнообразию, демократичности и диалогичности.

Отсюда следует, что в журналистских текстах периода перестройки наблюдалась тенденция отклонения от традиционных языковых норм. Все это обусловлено и отменой цензуры, и провозглашением гласности, и упразднением строгих стилевых установок, и снятием идеологических табу. Подобные изменения в журналистских текстах явились реакцией на недавнее прошлое.

Но если в советский период телерадиопередачи ЧГТРК «Южный Урал» носили больше идеологический характер, то сегодня, в XXI в., в редакционной политике ЧГТРК «Южный Урал» произошли значительные изменения.

Для медиатекстов советского периода были характерны такие черты как шаблонность, однотипность и стереотипность, которые делали текст безликим и неоригинальным. В современных журналистских произведениях наблюдается тенденция к созданию экспрессивных, эмоциональных и оценочных текстов. Чтобы достичь этого, журналисты используют различные стилистические приемы: включают в свои материалы разнотильную лексику, пословицы и поговорки, фразеологизмы, цитаты, примеры литературных персонажей и образов, разбавляют текст риторическими вопросами, восклицаниями и обращениями, пользуются такими приемами, как сравнение и гипербола, а для высмеивания пороков общества и оценки явлений и событий действительности обращаются к различным комическим средствам (иронии, сатире, гротеску, каламбуру).

Стремительное изменение языка современных СМИ связано и с изменениями главных функций журналистики. В советский период журналистские тексты создавались в первую очередь для агитации, пропаганды, просвещения. В настоящее время СМИ выполняют иные функции: информационную, воздействующую, развлекательную.

Огромная конкуренция на рынке массовой информации страны стимулирует журналистов не стоять на месте, создавать что-то новое, интересное, привлекательное. Поэтому для того, чтобы завоевать зрителя или слушателя, журналистам нужно включать в свои тексты такие речевые обороты и приемы, которые смогут воздействовать на аудиторию, привлечь ее и убедить.

Изучение истории возникновения и становления Челябинского областного телерадиовещания дает ключ к пониманию сути процессов, происходящих в отечественном телерадиовещании и способствует новому осмыслению роли электронных средств массовой информации в жизни общества на современном этапе.

Список литературы

1. Программа «Последние известия», микрофонные материалы Челябинского областного комитета по ТВ и РВ за май 1958 г.
2. Программа «Экспресс-информация», микрофонные материалы Челябинского областного комитета по ТВ и РВ за декабрь-январь 1948 г. и апрель-март 1955 г.

Т. Д. Михайлова

(г. Пенза, Россия)

ИМАГОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ЖУРНАЛИСТСКИЙ АСПЕКТ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Статус имагологии в современном гуманитарном знании не вполне определен. В литературоведении это научное понятие понимают как теоретическую или историко-литературную дисциплину, как «учение об образах» или анализ устойчивых образов (имиджей) чужого, другого по этнической, культурной и языковой принадлежности, раскрытых в литературных текстах [2]. Это «междисциплинарное направление исследований, которое сложилось во второй половине XX в. (в основе толкования лежит перевод с английского языка слова «*image*» – «образ»))» [4].

Имагология как наука начала формироваться в XX в. Ее истоки лежат во французском сравнительно-историческом литературоведении 1950-х г. Первым представителем этого направления был французский ученый – профессор Сорбонны Ж.-М. Карре, издавший в 1947 г. монографию «Французские писатели и немецкий мир: 1800–1940». Ж.-М. Карре в своем исследовании определил формы и методы существования и развития образа Германии во французской литературе XIX – начала XX вв.

Имагологический анализ стал основой целого ряда историко-культурологических исследований, в рамках которых изучались как тексты художественной литературы, так и тексты, опубликованные в печатных периодических изданиях. Отметим монографию еще одного французского историка М. Кадо «Россия во французской интеллектуальной жизни: 1839–1856», выпущенную в 1967 г., в котором представлено то, как русская общественная мысль присутствовала в культурной жизни

Франции середины XIX в. [5, 65]. В монографии уделяется внимание французам, путешествующим в Россию (ученым, туристам, музыкантам, литераторам, дипломатам), которые вели путевые записки или оставляли воспоминания о поездке, давали в них краткую характеристику русского народа. Таким образом, можно говорить о применении имагологии в публицистике. Монография представляет собой анализ текстов, представленных в разных жанрах СМИ. Например, рассматривается фигура А. де Кюстина, его поездка в Россию и памфлет «Россия в 1839 году». Подробному изучению причин этой поездки, анализу некоторых тем кюстиновской книги (образы Санкт-Петербурга и Москвы в «России в 1839 году») и обстоятельному обзору откликов на произведение Кюстина в России и в Западной Европе посвящены две главы монографии. При рассмотрении тем, которым посвящает свою монографию М. Кадо (картина русско-французских культурных контактов за период с 1839 по 1856 гг., представления французов о географии, климате и общественном устройстве России; мысли французов о религиозной жизни в России и русской литературе; взаимоотношения Польши и России, России и Европы, последствия революции 1848 г., панславизм и др.), становится очевидным характер этого исследования. Его определяем, во-первых, как историко-культурологическое, а во-вторых, рассматриваем его с точки зрения литературоведческого анализа, так как произведения литературы, литературный материал, на который опирается автор, являются источником информации для ученого-историка, воссоздающего панораму русско-французских культурных связей.

В нашей стране интерес к имагологической тематике с каждым годом возрастает, о чем свидетельствуют разноплановые научные исследования. Взаимодействие и специфика отношений между странами Западной Европы, Америки и славянскими государствами входит в круг научных интересов отечественных исследователей. Имагология изучает «восприятия и воплощения в литературных произведениях представлений об иной стране, ее народе, особенностях национального характера» [1; 147]. Так, Н. П. Михальская рассматривала русско-зарубежные литературные связи, особенности преподавания зарубежной литературы в высших учебных заведениях и средней школе.

Имагология как научное знание имеет несколько видов. Историческая имагология изучает существовавшие в прошлом образы и стереотипы восприятия окружающего мира. Другой вид имагологии – художественная. В науке о литературе художественная имагология изучается литературоведческой имагологией (разделом компаративистики), занимающейся анализом и интерпретацией образов других наций в произведениях словесного искусства. Тем же занимается фольклорная имагология, но ее материал – устное народное творчество во всем многообразии его жанров.

Опираясь на труды признанных исследователей, мы предлагаем расширить структурно-тематический, филологический семантический анализ национального образа, воплощенного в СМИ и литературе, за счет исторической и психологической методологии. Более того, рассмотрение журналистских текстов должно быть дополнено анализом иных текстов культуры, для того чтобы сопоставить журналистскую репрезентацию с социокультурным контекстом конкретной эпохи. Комплексная интерпретация национального, по нашему убеждению, будет способствовать развитию науки об истории идей, углублять познание идеологии общества, культурных ментальностей, – в этом, опираясь на труд Д.-А. Пажо [6], видим значение имагологического исследования образа страны, запечатленного в журналистском материале.

Список литературы

1. Гачев, Г. Д. Образы Индии: опыт экзистенциальной культурологии / Г. Д. Гачев. – М. : Наука, 1993. – 390 с.
2. Имагология (статья А. Р. Ощепкова). – URL: <http://www.litdefrance.ru/199/1217> (дата обращения: 05.03.2015).
3. Почепцов, Г. Г. Имаджелогия / Г. Г. Почепцов. – М., 2000. – 238 с.
4. Посохов, С. И. Этические проблемы исторической имагологии / С. И. Посохов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 2. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/506> (дата обращения: 05.03.2015).
5. Cadot, M. La Russie dans la vie intellectuelle française: 1839–1856 / M. Cadot. – Paris : Fayard, 1967. – 642 p.
6. Pageaux, D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle / D.-H. Pageaux. – Bucarest : Synthesis, 1981.

Н. В. Мочалина

(г. Пенза, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Журнал «Вокруг света», датированный 1861 г., поступил в продажу в декабре 1860 г. Издается журнал и сегодня, в 2011 г. он отметил 150-летие. Все эти годы ежемесячник постоянно корректировал свой облик, откликаясь на актуальные тенденции в развитии СМИ и запросы аудитории, и в то же время сохранил неизменными свои уникальные черты, всегда обеспечивавшие ему узнаваемость и высокое доверие аудитории. Благодаря такому подходу журнал «Вокруг света» и в XXI в. не

утратил своей популярности. В настоящее время издание выходит ежемесячно общим тиражом около 250 000 экземпляров. Тираж каждого номера проходит добровольную сертификацию в Национальной тиражной службе. По итогам ежегодного общероссийского конкурса «Тираж – рекорд года» Национальная тиражная служба шесть раз (в 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 и 2012 г.) присуждала журналу звание победителя в номинации «Научно-популярное издание».

Кроме того, ежемесячник издается по лицензии местными издателями на Украине, в Казахстане (на русском языке) и в Болгарии (на болгарском).

В течение последнего десятилетия «Вокруг света» успешно конкурирует с такими известными мировыми журнальными брендами, как «GEO» и «National Geographic». Благодаря современному portalу vokrugsveta.ru [1], который имеет наряду с русской и англоязычную версию, материалы журнала доступны читателям в любой стране мира.

Права на бренд «Вокруг света» в начале 2000-х гг. приобрел генеральный директор группы компаний «Видео Интернешнл» С. А. Васильев. Будучи постоянным читателем и поклонником советского журнала «Вокруг света», он попытался сохранить его концепцию и традиции и в то же время привести журнал в соответствие с актуальными тенденциями медиарынка и ожиданиями новой аудитории.

В 1999 г. в редакции произошел раскол: старая редакция образовала новое издание, поэтому «Вокруг света» в 2000 г. издавался только на Украине. Со второго полугодия 1999 г. журнал выходил под названием «Путешествие вокруг света» и в 2002 г. закрылся, не выдержав конкуренции со стороны других отечественных и зарубежных научно-популярных изданий.

В России вышедший в 2001 г. журнал «Вокруг света» по качеству полиграфического исполнения не уступал самым модным «глянцевым» изданиям начала XXI в. «Вокруг света» возродил за счет своих личных средств Сергей Васильев, давний поклонник журнала, выкупив у разных лиц бренд, архив номеров с 1861 г. и даже орден Дружбы народов. В 2001–2003 гг. журнал издавало ЗАО «Орбита Медиа Сервис», с 2003 г. издательские функции перешли к ООО «Издательство «Вокруг света». Первым главным редактором обновленного издания стала журналистка, выпускница МГУ им. М. В. Ломоносова Елена Михайловна Чигарькова, руководившая редакцией до 2005 г. После ее ухода из журнала до 2009 г. обязанности главного редактора исполняла Елена Александровна Князева. В 2009 г. редакцию возглавил Сергей Борисович Пархоменко, которого чуть более двух лет спустя (в январе 2012 г.) сменила в этой должности Мария Александровна Гессен (она покинула журнал осенью 2012 г.). После должность главного редактора издательского дома «Вокруг света»

(с ноября 2012 г.) возглавила Светлана Гариевна Головатюк. С апреля 2013 г. и по настоящее время главным редактором журнала «Вокруг света» является Александр Юрьевич Монахов, который уже 10 лет руководил журналом «Антенна-Телесемь».

С начала 2010-х гг. журнал «Вокруг света» переживает очередной этап реформирования, связанный с поиском новой концепции, которая оптимально сочетала бы полуторавековые традиции этого просветительского издания с передовыми тенденциями в развитии журналистики XXI в. [2]. Разрабатываются электронные версии журнала «Вокруг света» для планшетных компьютеров и карманных устройств. Познавательный портал vokrugsveta.ru утвердился на лидирующей позиции в рейтинге научно-популярных сайтов русскоязычного Интернета.

Современный журнал «Вокруг света» как с точки зрения дизайна, так и по тематике обнаруживает сходство с изданием 1970–1980-х гг. – периода, когда «Вокруг света» приобрел наибольшую популярность у аудитории и имел максимальное за всю историю количество читателей и подписчиков. С советских времен сохранилось большинство журнальных рубрик, хотя многие из них изменили свои названия. В настоящее время в журнале «Вокруг света» насчитывается около двадцати постоянных рубрик, в числе которых: «Вид с неба», «Диссертация», «Мировая вещь», «Инфографика», «В цифрах», «Детали», «Национальное достояние», «Фотопроект», «Фотоистория», «Арсенал», «Медицина», «Зоосфера», «Дело вкуса», «Параллели». На страницах издания публикуются интервью с известными современниками – учеными и деятелями культуры, отрывки из художественных и научно-популярных книг и библиография. В рубрике «Архив» помещаются тематические подборки публикаций прежних лет.

Журнал «Вокруг света» сохранил ориентацию на образованную молодежную аудиторию, выполняя миссию, которую взял на себя более ста пятидесяти лет назад – повышать культурный уровень своих читателей, пробуждать в них интерес к науке, познанию окружающего мира, способствовать развитию межкультурных и межнациональных связей.

Список литературы

1. Интернет-портал «Вокруг света». – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/> (дата обращения: 15.07.2015).
2. Комарова, Е. В. «Вокруг света» – старейший российский научно-популярный журнал и его традиции на современном этапе / Е. В. Комарова // Мультимедийная журналистика Евразии – 2012 : международные медиапроекты, глобальные Сети и информационные тренды Востока и Запада. – Казань : Казанский ун-т, 2012. – С. 96–104.

САМИЗДАТ КАК МЕТАФОРА ИНТЕРНЕТА

После появления Интернета самиздат считается главной метафорой русского Интернета. В современных исследованиях диссидентство, в котором самиздат играл значительную роль, и режим не обязательно противопоставлены. Они не взаимоисключающие, а взаимодополняющие.

По словам исследователя Евгения Горного, «Интернет как открытое коммуникативное пространство дает пользователям возможность непосредственного выражения и позволяет им преодолеть ситуацию "подпольного свободного мышления" и диссидентскую речь за закрытым содержанием. Кроме того, доступ к информации и возможность распространить информацию активизируют другую метафору – самиздат» [5, 178–9]. Также современные ученые указывают, что устоявшаяся дихотомия между властью и диссидентством больше не функционирует в исследовании о самиздате.

Опираясь на Фуко, Ушакин отмечает, что диссидентство заимствует авторитарный дискурс власти [10, 204]. «Мимикрия» самиздата заключается в его способности воспроизвести дискурс доминанта [10, 204]. Он также утверждает, что «анализ происхождения и логики самиздатского сопротивления в Советском Союзе требует специфического понимания сути власти как системы отношений, которая ограничивает и – одновременно – производит субъект. Этот вывод остается верным и в отношении цензуры, которая задает систему ограничений и в то время делает возможной формы речи» [10, 205]. Власть и самиздат больше не противоположны, а взаимосвязаны. Самиздат, находящийся в авторитарном дискурсе власти, воспроизводит ее дискурс.

Также заслуживает внимания развитие текстовой культуры в России. В современных исследованиях самиздат рассматривается не столько в рамках современной печатной культуры (modern print culture), сколько в рамках текстовой культуры (textual culture). По словам Комароми, она предлагает «считать самиздат другим типом оппозиции, специфической формой текстовой культуры, которая составляет существенную альтернативу современной печатной культуры» [8, 631–632]. По словам Штейнера о статье Комароми, «одной из существенных особенностей самиздата, о которых упоминает Комароми, является ненадежность материального средства. То, что нам доступно, – только фрагмент оригинального корпуса, и еще важнее, само понятие оригинала кажется неподходящим к текстам, распространенным через государственные границы, как в разных несходных репликах без авторского контроля» [11, 621].

Комароми также указывает на сходство самиздата с «шутками». Опираясь на Елизавету Эйзенштейн, согласно которой, особенности печатной культуры – «стандартизация, распространение и фиксирование», Комароми особенно подчеркивает «нестандартизированную, спонтанно распространенную и нефиксированную культуру» самиздата [8, 634].

В исследовании о «цифровом самиздате» Генрике Шмидт сказал, что «современные наблюдатели расценивают советский самиздат как вероятное влияние на уровень и природу онлайн-издания, вместе с объяснениями, полагающимися на повторяющийся миф, что русская культура – чрезвычайно литературоцентрична» [6, 222]. Но «сетевые источники тоже непосредственно относятся к историческому предшественнику» [6, 222]. И Шмидт уделяет особое внимание идеологическому понятию самиздата: «Хотя стоит обратить внимание на то, что сравнения исторического самиздата и культурной действительности в Интернете вдохновлены менее содержанием и способами производства и распределения, а более идеологическим понятием самиздата как культурной модели с повесткой свободного медийного использования, альтернативной, неограниченной общественной сферы» [6, 222–223].

И так обнаруживаются идеологическая загруженность самиздата и идеологически более «легкая» культурная действительность в Интернете. Сопоставление культурных форм на основе идеологической загруженности также проводится и в исследовании Алексея Юрчака о кинематографическом и артистическом самиздате в Ленинграде в начале 1980-х г.

Юрчак отмечает, что самиздат представлял некую альтернативу официальной идеологии в СССР и, неофициально существовавший в Ленинграде в начале 1980-х г., также представлял альтернативные политические взгляды. По его словам, «эта идеология повседневного существа против политической сферы государства все более распространялась в 1970-х г., особенно среди молодой городской интеллигенции» [12, 715]. И эти молодые интеллигенты нарочно искали работу котельщика и получали малую зарплату только чтобы «выполнить обязанную работу по государственному закону» [12, 715].

Митьки, группа друзей в Ленинграде в поздние 1970-е г., «начали практиковать любопытную форму жизни» [12, 717]. Они тоже искали работу котельщика или подобные невостребованные профессии за минимальную сумму, но эти профессии «обеспечивали большое количество свободного времени» [12, 717]. И, согласно Юрчаку, в традиционном смысле слова они больше не рассматриваются как «диссиденты».

Упоминая о несовпадении традиционного «диссидентства» и нового явления ленинградской интеллигенции в начале 1980-х г., Юрчак приводит другой пример кинематографического самиздата «некрореалистов» под названием «параллельное кино». По его словам, название «некрореалисты» подразумевает «их интерес к смерти и умиранию и ироническую

попытку существующих художественных движений как соцреализм, неореализм и т.д.» [12, 724].

Интерес к сопоставлению самиздата и интернета проявляет и писатель Дмитрий Галковский, который создал свой сайт под названием «Самиздат: виртуальный сервер Дмитрия Галковского» (<http://www.samisdat.com/>). По словам Галковского, «после начала перестройки, по мере увеличения гласности сфера деятельности неофициальной прессы стала стремительно сокращаться, и после августа 1991 г. эпоха самиздата, казалось бы, навсегда ушла в прошлое» [1]. Но тем не менее Галковский провозглашает появление новой ситуации и называет его «Самиздатом-2». «Интернет может заменить не только книги и журналы, но и газеты и библиотеки. В смысле оперативности информации максимум, что мог себе позволить старый «самиздат» – это нерегулярно выходящий бюллетень «Хроника текущих событий». Сейчас методом виртуального самиздата можно публиковать не только оперативную информацию, но и огромные базы данных, причем в режиме постоянной двусторонней связи с пользователями. Открывая свой виртуальный сервер, я хочу положить начало новому культурному, социальному и, наконец, политическому явлению «Самиздату-2» – русскому независимому информационному пространству» [1].

Писатель Евгений Козловский родился в лагере на Второй речке, был арестован КГБ в 1981 г. и сидел более полугода в Лефортовской тюрьме. Он с 1992 г. написал много книг о компьютерах. И об онлайн-издании и самиздате он говорит следующее: «Поскольку интернет-издательств не существует (существует профессия Web-мастера или Web-дизайнера, существуют люди и фирмы, готовые по вашему заказу подготовить вашу страницу), по сути дела, все страницы и сайты Интернета есть самиздат, и поди проводи границу между самодеятельностью и профессионализмом, исходя из мегабайтов дискового пространства, занятого сайтом той или иной фирмы, или из количества работающих на ней людей» [2, 1026].

В отличие от видимой неограниченности свободы распространения информации в Интернете, самиздат долгое время был игнорирован государством. По словам Ольги Заславской, «во время коммунистического режима документы в самиздате никогда не считались частью национального наследства» [13, 680]. И «они были исключены из политики долгосрочного сохранения в государственных архивных управлениях, кроме того, когда секретная полиция замечала документы и их авторов» [13, 680].

И Заславская говорит о хранении в архивах КГБ и в архивах самиздата «радио "Свобода"»: «Архивы в КГБ хранят материалы о разных диссидентах и их делах и содержат большое количество самиздата – от подпольной периодики до открытых писем, обращений и литературных произведений. Документы из архивов самиздата «Радио "Свобода"»,

в свою очередь, свидетельствуют о том, какие типы документов были конфискованы секретной полицией во время обысков» [13, 680].

Генрике Шмидт говорит о новом законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». После ввода этого закона «за две недели более 180 веб-источников были внесены в черный реестр и заблокированы». Один из них, «пародистская энциклопедия "Луркмор" тоже перешла на высший домен "to."» [6, 237].

В интервью Дмитрий Хомак, основатель сайта «Луркмор», сказал о разнице между Википедией и Луркмором и о том, почему он создал «Луркмор»: «У Википедии нет цензуры. Там просто очень сложно, фактически невозможно было написать что-то о современной массовой культуре. Пришлось нам самим уйти из Вики и создать Лурк» [3]. 22 июня 2015 г. в Израиле Дмитрий Хомак, основатель сайта «Луркмор», провозгласил консервацию сайта как «памятник культуры» [4]. Полтора года Дмитрий Хомак «живет в Израиле» [4] и сейчас работает как «интернет-редакция канала» [4].

В заключение мы пришли к такому выводу, что самиздат как главная метафора Интернета функционировал в условиях видимой неограниченной свободы информации в Интернете. Но дихотомия между властью и диссидентством, в котором самиздат играл значительную роль, уже не функционирует, и их противоположность больше не работает. В современных исследованиях диссидентство заимствует авторитарный дискурс власти. Такое изменение в режиме и диссидентстве обнаруживается и в Ленинграде в 1980-х г. Но после ввода нового закона, санкционирующего информацию в Интернете, неограниченности и свободе информации в Интернете угрожает опасность.

Список литературы

1. Галковский, Д. «Манифест нового русского самиздата». 17 ноября 1998 г. Виртуальный сервер Дмитрия Галковского / Д. Галковский. – URL: <http://www.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/galk.htm> (дата общения: 6.06.2015).
2. Козловский, Е. Интернет – самиздат сегодня. Самиздат века / Е. Козловский. – М. : Полифакт, 1997. – С.1023–1033.
3. Хомак, Д. Интервью с основателем Lurkmore.to / Д. Хомак. – URL: http://www.sellermeller.ru/interview/dmitriy_khomak/ (дата обращения: 10.07.2015).
4. Хомак, Д. «Нашей песочнице кранты»: Дмитрий Хомак заморозил «Луркморье» и верит в расцвет русской культуры в Израиле / Д. Хомак. – URL: <http://news.israelinfo.co.il/technology/57328> (дата обращения: 3.07.2015)
5. Gorny, E. A. Creative History of the Russian Internet. A the sissubmitted inpartial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Goldsmith College, University of London, 2006 / A. E. Gorny. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.132.1099&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 7.07.2015).

6. Schmidt, H. «Postprintium? Digital Literary Samizdat on the Russian Internet». Kind-Kovacs, Friedrike, and Jessie Labov. Samizdat, Tamizdat and Beyond: Transnational Media During and After Socialism / H. Schmidt. – Oxford : Berghahn Books, 2013. – P. 221–244.
7. Komaromi, A. Samizdat and Soviet Dissident Publics / A. Komaromi // Slavic Review. – Vol. 71, No.1 (Spring 2012). – P. 70–90.
8. Komaromi, A. Samizdat as Extra-Gutenberg Phenomenon / A. Komaromi // Poetics Today 29:4 (Winter 2008). – P. 629–667.
9. Oushakine, S. A. Laughter under Socialism: Exposing the Ocular in Soviet Jocularly / S. A. Oushakine // Slavic Review. – Vol. 70, No. 2 (Summer 2011). – P. 247–255.
10. Oushakine, S. The Terrifying Mimicry of Samizdat // Public Culture 13(2) (2001). – P. 191–214. Ушакин, С. Ужасающая мимикрия самиздата. – URL: <http://geftr.ru/archive/6204> (дата обращения: 30.06.2015)
11. Steiner, P. «ntroduction: On Samizdat, Tamizdat, Magnitizdat, and Other Strange Words That Are Different to Pronounce / P. Steiner // Poetics Today 29:4 (Winter 2008). – P. 613–628.
12. Yurchak, A. Suspending the Political: Late Soviet Artistic Experiments on the Margins of the State / A. Yurchak. – Poetics Today 29:4 (Winter 2008). – P. 713–733.
13. Zaslavskaya, O. From Dispersed to Distributed Archives: The Past and the Present of Samizdat Material / O. Zaslavskaya // Poetics Today 29:4 (Winter 2008). – P. 669–712.

Т. Н. Островская

(г. Пенза, Россия)

ОСВЕЩЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ СОБЫТИЙ КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Деятельность правоохранительных и надзорных ведомств, направленная на пресечение нарушений законодательства, наказание виновных лиц и восстановление справедливости, неизменно привлекает внимание граждан.

Читателей, телезрителей, радиослушателей, интернет-пользователей интересуют подробности тех или иных событий, связанных с расследованием преступлений, проведением проверок, рассмотрением дел в судебных инстанциях. Сложно найти более востребованный информационный повод для средств массовой информации, чем преступное деяние. Основные сюжетные линии большинства популярных произведений литературы и многих произведений искусства взяты из наиболее громких преступлений. Например, трагедии У. Шекспира «Отелло» и «Гамлет». А сюжеты многих популярных детских сказок могут конкурировать с де-

тективными романами. Например, А. Пушкин «Сказка о царе Салтане», «О мертвой царевне и, о семи богатырях», известные балетные спектакли на музыку П. Чайковского «Лебединое озеро», автор сюжета неизвестен, «Щелкунчик» и т.д. В сети Интернет также большое место уделяется событиям из криминальной хроники.

Статья 38 Закона « О средствах массовой информации» устанавливает, что «Граждане имеют право на оперативное получение через СМИ достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц» [2].

От того насколько своевременно и грамотно граждане будут проинформированы зависит их отношение, как к представителям СМИ, так и к тем лицам и событиям, о которых идет речь. Существует много способов привлечь внимание публики к событиям, фактам и фигурантам. Одним из способов является – заголовок статьи или анонс выступления в новостных выпусках. В настоящее время заинтересовать, привлечь внимание читателей прессы, любителей электронных СМИ или интернета к социальным проблемам, обнищанию большинства граждан и на этом фоне росту доходов небольшой группы лиц чрезвычайно трудно. Большинство граждан, потребителей продукции СМИ, интересуют скандальные факты из жизни так называемых «звезд», других – судебные хроники и лишь немногих, по- настоящему, волнуют проблемы одиноких людей, больных детей, состояние наших медицинских учреждений, жилищные проблемы ветеранов Великой Отечественной войны. Некоторые из них до настоящего времени не обеспечены нормальным жильем. К сожалению, в местных средствах массовой информации не назван ни один чиновник, который бездушно, формально относится к нуждам и законным требованиям ветеранов. Мало того, в печати, электронных СМИ и информационных порталах, часто не называются имена и фамилии, лиц, осужденных за преступления, даже по делам, где приговоры вступили в законную силу.

Наглядный пример, когда название материала, размещенного на сайте «Пенза Информ» 29.08.2015|10:34 [4] полностью не соответствует содержанию.

В Пензенской области принято процессуальное решение по факту дорожно-транспортного происшествия с участием сотрудника полиции.

Напомним: авария произошла 14 июля на 5-м километре автодороги Сосновоборск – Никольск. ВАЗ-21099 опрокинулся в кювет. В результате происшествия телесные повреждения получили два человека – сотрудник полиции, находившийся в отпуске, и пассажир 1983 г. рождения.

«В случае вынесения обвинительного приговора полицейский будет уволен из органов внутренних дел по отрицательным мотивам, а так-

же понесет наказание в соответствии с действующим законодательством», – сообщает пресс-служба УМВД России по Пензенской области. Из этой информации никак нельзя понять, какое именно, принято процессуальное решение.

Даже беглый взгляд на сайты правоохранительных структур, следственных и судебных ведомств, изучение региональных СМИ, позволяют сделать неутешительные выводы о слабом знании русского языка, некоторыми журналистами и представителями ведомств, информирующих граждан о своей работе. Недостаточно аналитики и, как это ни банально, профилактики.

Областная газета «Пензенская правда» 1 сентября 2015 г. информируя читателей о дорожно-транспортном происшествии, в котором погибли люди, сообщает, что: «Пять человек погибли в результате ночного ДТП, которое произошло в ночь на 29 августа на 755-км федеральной автодороги «Урал» в Кузнецке. Как сообщается далее, по предварительным данным 37-летний водитель «BMW X5» выехал на встречную полосу, где столкнулся с грузовиком «Scania R420. Помимо самого водителя в аварии погибли 4 пассажира. Что стало причиной аварии пока неизвестно. Одна из версий – водитель иномарки мог заснуть за рулем» [3, 2].

Употребление словосочетания «водитель выехал на встречную полосу» довольно часто встречается в комментариях о ДТП. Некоторые ведущие программ на радио или телевидении говорят еще более неграмотно: выехал на «встречку». Какими знаниями русского языка или культуры речи они руководствуются неизвестно. Возможно, им трудно дается фраза: «Автомобиль выехал на полосу встречного движения». Кроме того, в этой информации в первой фразе дается ответ, почему произошло столкновение иномарки и грузовика. А далее делается вывод о том, что стало причиной аварии пока неизвестно. Если в хоккее или футболе «вратарь это половина команды», то в журналистике не менее важную функцию выполняет заголовок статьи.

При изучении сайта ПензаИнформ, невозможно было не обратить внимание на следующий заголовок и ошибки:

Пензенский облсуд настоял на приговоре браконьеру
04.09.2015|08:51.

Из информации следует, что: «Жителю Башмаковского района, незаконно спилившему дуб, не удалось добиться отмены судебного решения. Приговор, вынесенный мужчине, оставлен без изменения. Инцидент, ставший поводом для разбирательства, произошел 11 ноября 2014 г. Общий объем древесины составил 1,36 кубометра, сумма причиненного ущерба – 104 924 руб. В суде первой инстанции мужчина вину не признал. Районный суд приговорил браконьера к двум месяцам условного лишения свободы и году испытательного срока. В связи с амнистией, объявленной к 70-летию Победы, его от этого наказания освободили. Тем

не менее по решению служителей Фемиды он должен был возместить причиненный ущерб» [4].

Мало того, что статья озаглавлена неграмотно. Поскольку областной суд не может настоять на приговоре. В компетенцию апелляционной инстанции Пензенского областного суда при рассмотрении апелляционной жалобы или апелляционного представления входит вынесение постановления об отмене или изменении приговора нижестоящего суда, или оставлении его без изменения, что и было сделано. В какой-то степени можно сослаться на юридическую неграмотность автора, однако пунктуационные и стилистические ошибки оставить без внимания нельзя.

Другой заголовок информационного агентства ПензаИнформ от 28.08.2015 также заставляет сомневаться в знании сотрудниками русского языка.

«Драка двух подростков закончилась ножевым ударом в грудь» [4].

А если драка закончилась бы ударом дубинкой по голове? Как бы это сообщение озаглавили? Вероятно: Драка двух подростков закончилась «дубиновым» ударом в голову. Это только небольшая часть статей и информации из пензенских СМИ, которые нуждались в правке. Есть ли в нашем регионе издания и программы, которые можно назвать профессиональными, прогрессивными и в хорошем смысле наступательными, критическими по отношению к местным чиновникам и «олигархам»? Представляется, что одним из таких изданий является газета **Улица Московская**.

Конституция Российской Федерации в статье 29 устанавливает право «...свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Запрещена цензура. Гарантируется свобода массовой информации» [1].

Редакция газеты в полной мере использует данное Конституцией право на свободу и отсутствие цензуры. Достаточно прочесть заголовки статей. В частности, № 31 от 28 августа 2015 г., несомненно, привлечет внимание читателей анонсами публикаций. «Посадили Куприна. Даешь кособокие регламенты? ЖК «Дворянский» прогнулся под изменчивый мир. «Если можете – уезжайте!..» и т.д. Это издание постоянно полемизирует с местными властью придерживающимися по актуальным проблемам: экономики, политики, социальным отношениям и т.д. Сотрудники газеты проводят собственные журналистские расследования, результаты которых не всегда приятны для представителей любых ведомств, допустивших нарушения Российского законодательства. Из-за этого редакция нередко привлекается к судебным разбирательствам. Но это, как говорится, издержки производства.

В номере 31 от 28 августа 2015 г. опубликована статья под заголовком.

Экс-сенатор Вавилов продал пентхаус в центре Нью-Йорка [5, 14].
(Перепечатано с сокращениями)

«Бывший член Совета Федерации, экс-заместитель министра финансов России Андрей Вавилов продал пентхаус в башне TimeWarner Center в центре Нью-Йорка за \$50,9 млн, пишет TheNewYorkTimes. Андрей Вавилов приобрел пентхаус на 78 этаже в июне 2009 г. Сумма сделки составила \$37,5 млн. Экс-сенатор получил квартиру площадью 8274 кв. футов (769 кв. м) с шестью спальнями и видами на Центральный парк и реку Гудзон. Расходы на содержание квартиры оцениваются в \$37 305 в месяц, пишет TheNewYorkTimes. ИА «РБК», 03.08.2015, «СМИ узнали о продаже экс-сенатором Вавиловым пентхауса в США за \$51 млн. Вавилов с 1992 по 1997 г. работал первым заместителем министра финансов. Покинув госслужбу, Вавилов уже на следующий год стал основным владельцем «Северной нефти». Эта нефтяная компания была приобретена им не дороже \$100 млн, зато продана государственной «Роснефти» в 2003 г. за \$600 млн. С 2002 по 2010 г. Вавилов был сенатором от Пензенской области. В 1997 г., когда Вавилов еще занимал пост замминистра финансов, Генпрокуратура возбудила уголовное дело о хищении около \$231 млн, выделенных из госбюджета на производство самолетов МиГ-29. Вавилов упоминался в деле, но обвинение ему не предъявляли. В 2007 г. Верховный суд признал наличие признаков мошенничества и злоупотребления полномочиями в действиях Вавилова, но в 2008 г. дело было закрыто из-за истечения срока давности» [5, 14]. Публикуя эту статью редакция, очевидно, рассчитывает на дискуссию. Поскольку неоднозначность темы и фигура экс-сенатора, его капиталы, добытые честным трудом на благо США, вызывают много вопросов. Представляется, что СМИ должны не только обнародовать информацию, но и заявлять свою позицию по всем острым и актуальным проблемам. При чем делать это грамотно и профессионально.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 – ФКЗ, от 20.07.2014 № 11-ФКЗ // КонсультантПлюс. – 2015.
2. Закон о средствах массовой информации (принят Постановлением Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (введен в действие с 01.01.2010 Федеральным законом от 09.02.2009 № 10-ФЗ с изменениями на 13.07.2015).
3. Газета Пензенская правда № 55 от 01.09.2015. – С. 2.
4. Сайт Информационного агентства ПензаИнформ. – URL: penzainform.ru
5. Газета Улица московская № 31 от 28.08.2015. – С. 14.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В АРМЯНСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «АРАВОТ»)

В течение долгих веков социум разработал принципы взаимоотношений, которые обеспечивают его внутренний и внешний цивилизационный гомеостасис (равновесие). Толерантность – одно из измерений последнего. Еще с античных времен она интересовала представителей науки и философии [1; 2; 9; 11]. В XX-м в. границы понятия «толерантность» существенно расширились особенно в области коммуникации. Ее важность была многократно подчеркнута в основополагающих документах ЮНЕСКО¹. Согласно общей характеристике, толерантность – «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостоинственной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное <...>. Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [7].

Цель настоящей статьи – трактовка толерантности как модели социального общения в армянских медиатекстах, в частности, на примере ежедневной газеты «Аравот» («Утро»).

1. Толерантность и медиа.

Толерантность и ее антипод – интолерантность, в процессе социального общения могут выявляться в различных областях: национальной, религиозной, культурной и т.д. Проявления толерантности в медиа оказались в центре внимания представителей журналистской науки в особенности в начале 90-х века (В. Сидоров [10], И. Дзялошинский [4], Т. Новикова [8] и др.).

В армянских медиа данная проблема по сей день остается вне рамок теоретических изысканий. Говоря об особенностях проявления толерантности в российских медиа, исследователей заботит в первую очередь деятельность ряда средств массовой информации, освещающих межэтни-

¹ «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. <...>Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства» (Декларация принципов толерантности, утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года: <http://school-sector.unesco.org/prava/zakony/tolerance/1.htm>)

ческие взаимоотношения, и их авторов: «Автор публикации может привлечь внимание читателя к этническим проблемам, <...> публично посмеяться над этническими особенностями человека или его группы, приписать ему или целому этносу позитивные или негативные качества, обвинить в реальных или выдуманных поступках. И порой даже не заметить этого» [3].

Повода обсуждать проблему межэтнической толерантности в армянских медиа, по сути дела, нет, поскольку население республики почти моноэтническое. Однако в политической, социальной, конфессиональной, культурной и других областях наличие толерантности и интолерантности однозначно. Их исследование в медиа – первоочередная армянская проблема.

Желание продвижения собственных интересов со стороны отдельных личностей, группировок, политических и общественных организаций в подавляющем большинстве случаев бросает тень на важность проблемы толерантности. Внешне объективная политика средств массовой информации при глубинном рассмотрении диктуется субъективными мотивами, в результате чего аудитория превращается в мишень манипулятивных действий. Они обычно создают стереотип «Другого», отношение к которому непосредственно или опосредовано превращается в интолерантность [3]. «Мы» в данном случае означает газету и доверяющую ей аудиторию, в то время как «они-другие» – представители власти, олигархи, взяточники и им подобные.

Изучение политики провластных и оппозиционных средств массовой информации под этим углом зрения имеет достаточно широкий спектр. Мы решили обратить наше внимание на газету «Аравот», так как она не имеет ярко выраженных провластных или оппозиционных ориентаций.

2. Семантика оппозиции толерантность/интолерантность в газете «Аравот».

«Аравот» публикуется с 1994 г. Официальный сайт читателю доступен на армянском, английском, русском языках. Редактор печатного варианта – Арам Абраамян, онлайн редактор – Анна Израелян. Публикации многожанровы – вести, репортажи, редакторские статьи, корреспонденции, статьи и т.д. Имеет устойчивый состав авторов, которые специализированы в определенной области. Главное достоинство газеты, по мнению А. Абраамяна, состоит в том, что они заставляют людей думать [6].

В контексте политики, которую ведет «Аравот», попытаемся рассмотреть некоторые стороны толерантности/интолерантности на примере публикаций газеты (а также официального сайта), вышедших в течение одного месяца (июль 2015 г.). С этой целью мы выделили характеризующие смысловой облик газеты три основных семантических звена: автор – герой публикации – редактор.

А) Границы толерантности/интолерантности автора и героя.

В связи с понятием «толерантность» польский теоретик Я. Подгорецкий выделяет два ее оппозиционных варианта – минималистический и максималистский. В случае с минималистическим, толерантности свойственны:

1) генерализация непринятых элементов, состоящая в распространении их на всю идейную, мировоззренческо-конфессиональную сферу другого человека и даже на его личность;

2) болезненная непереносимость такого положения вещей и даже психологические «страдания» по этому поводу с громадной эмоциональной и негативной вовлеченностью (ненависть, зависть, злость и т.д.);

3) игнорирование положительных элементов в доктрине и личности ближнего;

4) активное стремление к устранению <...> целиком раздражающей ситуации безотносительно личным ценностям, которые представляют наши ближние».

В максималистском варианте также наличествует факт неприятия взглядов другого, однако в данном случае на первый план выходят следующие черты толерантного отношения:

1) к обнаружению общих положительных ценностей, а не поиску и абсолютизации негативных моментов (у Другого-Д.П.);

2) воздержанию от обобщения отрицательных элементов и их переноса на всю группу;

3) трактовке непохожести с должным уважением, особенно к представляющим эту непохожесть людям;

4) развитию диалога и разных форм общежития и сотрудничества во имя общих и высших ценностей» [9].

Изучение материалов газеты «Аравот» под таким углом зрения дает повод для любопытных наблюдений. В частности, заметна непредвзятость **автора** в жанре **новостей**. Конечно, он имеет свое субъективное отношение к разворачивающимся событиям, однако выступает с нейтральной позиции.

Толерантность автора наиболее очевидна в корреспонденциях на социальную тему. Авторы статей приводят факты, дают возможность высказаться заинтересованным сторонам и, как правило, выводы оставляют читателям (Р. Минасян «Меня никто не демобилизовал», 2.07.2015; Л. Будагян «Жители Суренавана днями не могут искупать своих детей», 9.07.2015; А. Матевосян «Езидское население Аревадашта не имеют воды, газа и покидают деревню», 23.07.2015 и др.).

Проявления толерантности можно встретить и в публикациях под рубрикой «**Культура**». Авторы обращаются к различным культурным фестивалям Армении, с положительными эмоциями передают впечатления, полученные от книг, музыкальных и театральных представлений:

«Обращаясь к представлению "Аршил Горки", отметим, что постановка осуществлена по самым высоким исполнительным критериям современного балета и <...> может быть отнесена к авангардистским экспериментам сценического искусства», – пишет в заключительной части статьи Самвел Даниелян («Арамот», 14.07.2015).

Немало в газете и публикаций, содержащих оттенки **интолерантности автора**. По жанру это в основном аналитические статьи, по тематике – политическая, а иногда и – социально-экономическая сферы. Июнь и июль 2015 г. в Армении ознаменовались мощными демонстрациями армянской молодежи против повышения тарифов на электроэнергию, отклики на которых присутствуют в многочисленных публикациях «Аравота». Как бы аналитики газеты (Эмма Габриелян, Воскан Ереванци и другие) не пытались выступать с непредвзятой оценкой событий, тем не менее они иногда резки и интолерантны: «Молодые представители протестующих, взявшие на себя ответственность после 28-го июня, **не располагают длительным временем**, – пишет аналитик. – **Они должны определиться** в своих дальнейших действиях <...> Мощную энергетику проспекта Баграмяна, светлое и блестящее **не должно потускнеть, маргинализироваться. Это недопустимо** (Эмма Габриелян «Не предать светлое Баграмяна», «Арамот», 9.07.2015; подчеркнуто нами – Д. П.).

Любопытным свидетельством интолерантной позиции авторов являются и юмористические намеки, риторические вопросы, которые благодаря своей внутренней конфликтности пытаются завоевать внимание читателя: «АЭС и комиссия Назаряна обыгрывают спектакль» («Арамот», 7.07.2015), «С завтрашнего дня электроэнергия дорожает, в правительстве же не знают, кому и из каких источников будут платить субсидии» (31.07.2015), «Садоян разгорячился и стал орать» (31.07.2015) и другие.

Интересную картину представляют в материалах газеты рамки проявления толерантности и интолерантности **героев**. Герой имеет свою позицию, и его мнение зачастую не совпадает с восприятием автора. По сему, в одной и той же публикации могут «столкнуться» толерантность автора и интолерантность героя или наоборот.

Герои «Аравота» – представители разных слоев общества со всеобщей озабоченностью настоящим и завтрашним днем. В газете велико число тех публикаций, в которых позиция автора пассивна: он попросту излагает мнение героя (героев), следит за их течением, а иногда материал заканчивает его словом (см.: А. Симонян «Если оставим мандаты, то их возьмут другие», «Арамот», 9.07.2015; Л. Будагян «Сколько нестабилен парламент, столь стабильна страна», 18.07.2015; Н. Григорян «Как развеять тяжелую атмосферу», 24.07.2015 и другие). Такой подход – также определенный жест толерантности в отношении героя.

Проявления толерантности/интолерантности существенно зависят от статуса героев, занятия, профессии. В частности, те герои, которые пред-

стают как эксперты или гости, по большей части говорят в толерантном тоне. Слово же оппозиционных политических деятелей, активных участников демонстраций, жертв социальной несправедливости по большей части агрессивно и интолерантно. Так, в статье «Тихое насилие» подарок Евангелия начальником полиции своему другу Карен Арутюнян считает завуалированным насилием: «Должны были подвергнуть насилию жеста, во избежание реального насилия. Начальник полиции **не должен выходить за рамки права**» (<http://www.arawot.am/2015/07/14/592940>).

Б) Толерантность в редакторских статьях газеты «Аравот»

В контексте толерантности/интолерантности отдельного внимания достойны ежедневные редакторские статьи редактора газеты А. Абрамяна. Они представляют собой отклики на происходящие в стране важные события, раздумья вокруг текущих событий, вопросов, заставляющих читателя думать. Они сотканы по принципу толерантности.

Прежде всего, исповедуя уравновешенную позицию, редактор подчеркивает важность фактора взаимопонимания в человеческих отношениях: «Тихим голосом, сдержанно, не обижая никого, высказать свое мнение и не менять его в зависимости от ситуации – это самое сложное» («Мы не бережем друг друга», «Аравот», 07.07.2015) или «Думается, мы – журналисты, также должны быть наиболее доброжелательны ко всем людям, ни к кому не должны иметь предвзятого отношения. Вне зависимости от того, кто и где работает» («Будем воздавать по делам», «Аравот», 22.07.2015).

С целью обыгрывания своих мыслей автор зачастую обращается к внутреннему диалогу, создавая образ своего внутреннего «я». Ставя вопросы и отвечая на них, автор делает свое слово наиболее целостным (например, «Искусство становления», «20.07.2015; «25-летняя жвачка», 10.07.2015; «В Армении нет партий», 24.07.2015 и др.). Вместе с тем, не менее важно желание редактора войти в искренний диалог с читателем – с внешним адресатом: то, что считается важнейшим средством достижения толерантности: «Для того, чтобы эффективно участвовать в формировании толерантности, сами СМИ должны овладевать принципиально новым инструментарием профессиональной деятельности, обеспечивающим организацию массового диалога между всеми участниками социальных процессов» [3].

Еще одно наблюдение: существенная часть номеров «Аравота» имеют продуманную последовательность публикаций, которые либо идейно дополняют друг друга, либо носят противоположный характер. В этом многоголосье редакторские статьи выполняют роль контрапунктов. Думается, такой подход играет важную роль при определении границ толерантности/интолерантности в газете «Аравот».

Заключение

Толерантность как выражение социального общежития играет большую роль в общении и, в частности, в области медиа. В рамках этого понятия деятельность средств массовой информации может принять крайние или умеренные проявления. Ежедневная газета «Аравот» тяготеет ко второму направлению. Путем анализа трех основных звеньев (автор – герой публикации – редактор) определяющих ее облик, показаны с нескольких сторон проявления понятий толерантность/интолерантность.

Толерантность/интолерантность автора выражены в контексте изменений жанрового разнообразия и тематических обобщений. Иная картина в случае с героем. Он независим от автора, имеет собственные подходы: толерантный автор может представить интолерантного героя. Крайне важны статус последнего, его занятие, профессия.

Особенная роль отводится редактору. Посредством редакторских статей он с успехом обыгрывает и сопоставляет многоголосье смысловой конструкции газеты, что и позволяет вести, свободную от крайностей, политику вольного слова.

Список литературы

1. Власова, И. В. Толерантность в философии: генезис, виды, формы / И. В. Власова. – URL: vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V54/24.pdf
2. Гречко, П. О границах толерантности / П. Гречко. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/ogran.php
3. Дзялошинский, И. М. Роль СМИ в формировании образа «Другого» / И. М. Дзялошинский. – URL: <http://www.dzyalosh.ru, lmd2000@ya.ru>
4. Дзялошинский, И. М. Толерантность и мультикультурализм – ценностные ориентиры СМИ / И. М. Дзялошинский. – URL: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=3431>
5. Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В. К. Мальковой. – М. : ИЭА РАН, 2002. – С. 122–123.
6. Кешишян, А. Сторонники и посторонние о двадцатилетнем «Аравоте» / А. Кешишян. – URL: 168.am/2014/07/28/391679.html
7. Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3028.html>
8. Новикова, Т. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ / Т. Новикова. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu>
9. Подгорецкий, Й. Толерантность: понятие и концепция / Й. Подгорецкий. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-ponyatie-i-kontseptsiya>
10. Сидоров, В. Толерантность в журналистике: за пределами иллюзий... / В. Сидоров. – URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/6/si6.html>
11. Хомяков, М. Б. Толерантность и ее границы / М. Б. Хомяков. – URL: <file://C:/Users/acer/Downloads/tolerantnost-i-ee-granitsy.pdf>

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИННОВАЦИИ В ЭТНОТЕМАТИЧЕСКИХ РУБРИКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Сегодня, в условиях «максимизированного» этнокультурного развития народов России, можно наблюдать кардинальные изменения в деятельности региональных периодических изданий, причем они заметны не только в линии их общественного поведения, но также в их повседневной тематической, авторской и аудиторной политике.

Эти изменения по основным формально-содержательным признакам вполне согласуются с теми газетными векторами-рубриками, которые появляются в республиканской печати, как в традиционной, так и в новомодной, за последние пятнадцать-двадцать лет, например: в газете «Известия Мордовии» – «Наше наследие», «Имена и судьбы», «Нации», «Тропой памяти»; в газете «Советская Чувашия» – «Память и культура», «Уроки истории», «Личность и время»; в газете «Известия Татарстана» – «Национальный вопрос», «Летопись», «История республики в судьбах людей» и др.

Естественно, появление подобных – нетипичных по прежним временам – рубрик в региональной периодике неизбежно приводит к глубокой инвентаризации и даже организационной ревизии следующих направлений журналистской деятельности:

- во-первых, проблемно-тематического спектра публицистических выступлений, потребовавшего решительного отказа от схематических подходов и шаблонных сюжетов в освещении этнических процессов и не менее решительного ввода в это поле новых идей и нового материала;

- во-вторых, качественного состава авторского контингента, испытывавшего необходимость в притоке свежих сил (особенно из числа гуманитарной и технической интеллигенции), отличавшихся незашоренными воззрениями на этнические процессы;

- в-третьих, технологических средств воздействия на массовую аудиторию, нуждавшихся в коренном обновлении на основе использования современных научных достижений в области социологии, психологии, культурологи и, собственно, журналистики.

При этом наиболее ярко выраженными в периодической печати становились перемены, осуществленные, прежде всего, в проблемно-тематическом блоке журналистской деятельности, которые в оперативном порядке приводились в соответствие с преобладавшими в пореформенный период в Средне-Волжском регионе социально-культурными за-

просами его полиэтнического населения. В частности, традиционные для партийно-советской печати идеолого-публицистические сюжеты и акценты, в виде «нерушимой дружбы народов страны», «старшего брата – русского народа», «бескорыстной взаимопомощи наций», закономерно вытеснялись информационными инновациями, не свойственными доперестроечной сервильной прессе, которая не рисковала публично предъявлять их общественному мнению в силу внешней цензуры и внутренней самоцензуры.

К информационным инновациям в современной периодической печати региона, связанным с экстенсивным и интенсивным обслуживанием самых разнообразных сторон этнического возрождения, можно отнести следующие:

1. Этнически организационная идеологема в региональной печати – включение в работу в массовом сознании и поведении защитных (по отношению к этносу) механизмов социально-политического свойства в виде национально ориентированных партий, движений, объединений (съездов, конгрессов, симпозиумов), на что в доперестроечные времена в прессе накладывали табу.

В конце 80-х – начале 90-х гг. ситуация резко меняется, и во многом с помощью тех же самых печатных средств, активно индуцирующих всплеск национального самосознания, в Средне-Волжском регионе начинают быстро возникать одно за другим различные общественные культурно-просветительские движения и объединения. Несмотря на сдержанное, а порой и негативное отношение со стороны властей, получают: в Татарстане – Татарский общественный центр, который вскоре, благодаря широкой известности, формируется в крупную организацию с программой общенационального характера, культурное общество им. Ш. Марджани, союз татарской молодежи «Азатлык», центр исламской культуры «Иман»; в Мордовии – общество национальной культуры «Масторава», на базе которого быстро оформляются другие структуры – Фонд спасения эрзянского языка им. А. П. Рябова, общество родного слова «Вайгель», ассоциации мокшанских и эрзянских женщин «Мокшава» и «Эрзява»; в Чувашии – Партия чувашского национального возрождения, культурно-просветительное общество им. И. Я. Яковлева. Как писали газеты, ключевым пунктом в их программных установках и привязанных к ним формах деятельности было создание социально-экономических условий для сохранения собственной культуры, языка, национальной самобытности народов, а политико-властные вопросы затрагивались во вторую очередь и носили преимущественно общедемократический характер. Это имело принципиальное значение, так как любая иная ориентация могла привести к обострению межнациональных отношений в регионе.

Используя организаторскую функцию прессы, общественные движения и объединения этнического характера постепенно выходят на са-

мые высокие – межрегиональный, общероссийский и мировой – уровни национальной интеграции, что свидетельствует о новом понимании путей решения этнических проблем, которое получает выход в практику. Во всех республиках Поволжья проходят народные съезды, которые становятся важным консолидирующим фактором в сфере межнациональных отношений и национального развития. Они, в частности, способствуют налаживанию постоянного диалога между национальными организациями и государственными учреждениями и ускоряют формирование официальных структур, ответственных за выработку и реализацию национальной политики в регионах.

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве газетных этнопубликаций стремление народов Поволжья к этническому самосохранению никоим образом не интерпретировалось как движение, идущее вразрез с общемировой тенденцией. Как верно было замечено специалистами по этническим вопросам, «обострение национального чувства, национальное сопротивление интернационализации есть глобальное явление, присущее любому обществу» [22, 67]. Это естественный, объективный процесс, вызванный ответной реакцией на интернационализацию общественной жизни, и региональная печать не могла остаться от него в стороне. Газетно-журнальные публикации на эту тему способствовали возрождению этнических культур, противодействовали тенденции унификации этносов, связанной с размыванием их ценностно-духовного содержания, убеждали читателей в том, что этническая культура является одним из важнейших факторов развития людского сообщества.

2. Этнически культурационная идеология – возделывание в благоприятных (демократических) условиях общественного развития национальной почвы с целью сохранения на ней старых и «произрастания» новых материальных и духовных культурных ценностей, определяющих, в конечном счете, самобытность любого этноса, а также создание средствами публицистики собирательного портрета нации – «трудолюбивого», «музыкального», «поэтичного», «талантливое» народа [7; 13].

Проблем в этой сфере этнокультуры существует достаточно много, и о них регулярно напоминает массовой аудитории региональная периодическая печать, например: «Возрождение народных промыслов в нашей республике ведется пока недостаточно активно. Великолепное национальное ткачество, вышивка – на грани исчезновения. В скором времени невозможно будет восстановить технологию изготовления тканых и вышитых изделий, поскольку мастериц остаются единицы. О других же национальных промыслах – берестяной и лыковой утвари, художественной резьбе по дереву и вовсе знает лишь узкий круг специалистов-этнографов.

В целях активного использования ценностей культурного наследия татарского народа необходимо создать своеобразный научно-методиче-

ский центр. Он мог бы систематически проводить профессиональные консультации по вопросам искусства и традиций бытовой культуры, а также предоставлять работникам промыслов, мастерам-модельерам и художникам-дизайнерам интересующие их материалы» [16].

Другой пример постановки средствами публицистики этнокультурной проблемы – газета «Советская Мордовия» из номера в номер рассказывала о планах, замыслах и результатах проходившей в 1992 г. в Саранске Всероссийской научно-практической конференции «Традиционное и новое в культуре народов России». Организаторы форума высказывали на страницах периодического издания свои мысли, оценки, суждения о насущных проблемах современного развития этнической культуры населяющих страну народов. Проводилась также мысль об уникальности любой национальной культуры, о наличии в ней огромного пласта общечеловеческих ценностей [5].

Характерно, что подобные мероприятия – симпозиумы, научно-практические конференции, встречи за «круглым столом» – состоялись в Татарстане и Чувашии. Если судить по газетным отчетам, все они касались этнокультурных вопросов: к примеру, в Казани – «Фольклорное наследие татарского народа и самодеятельное творчество», «Языки, духовная культура и история тюрков: история и современность»; в Чебоксарах – «Проблемы этнокультурного развития чувашского народа в программе возрождения народов России», «Сохранение и развитие культуры и искусства в Чувашской Республике».

Как свидетельствует пресса, эти мероприятия находили всестороннюю поддержку у руководства республик. Высказанные на них инициативы встречали понимание и заинтересованное участие высших органов власти регионов, вследствие чего предложениям комплексного характера часто придавался статус государственных программ. Например, по сообщению прессы, «в Татарстане был создан региональный центр «Наследие», в задачу которого входила охрана и использование памятников истории и культуры.

3. Этнически онтологическая идеологема – обоснование с развернутой в виде дискуссии аргументацией «за» (утверждение) и «против» (отрицание) древнейшего происхождения этнонимов «мордва», «татары», «чуваши», что само по себе является не только научно-гуманитарной, но и социально-культурной проблемой, так как эти этнонимы дали названия титульным нациям трех Поволжских республик, а также консолидирование в единое целое татарской, мордовской, чувашской национальностей в связи с дисперсным их расселением по различным регионам России [4, 31; 11; 12; 18].

Именно в период национального возрождения на страницах республиканской печати в качестве публицистического Ноу-хау появляется информация о мордве, татарах и чувашах, проживающих за пределами

собственных государственных образований, и как раз тогда вводится в теоретический и эмпирический обиход такое унифицированное понятие, как «диаспора».

В этой связи газета «Советская Чувашия» выражает большое сожаление по поводу того, что почти миллионное чувашское население, проживающее в иноэтнической, а нередко – в полиэтнической культурной среде, хотя и говорит по-чувашски, но читать и писать на родном языке не может, к тому же имеет самые скромные представления об истории и культуре своего народа, не знает П. Хузангая, Н. Павлову, Я. Ухсая, поскольку связи у представителей диаспоры с республикой прерваны [23].

В этом плане интересна еще одна публикация, подготовленная в Оренбургской области и нашедшая место на страницах газеты «Советская Мордовия». В ней говорится, что почти ни один эрзянин и мокшанин здесь не умеет читать на родном языке, национальные издания являются музейной редкостью, мордовские языки сохранились и функционируют только на бытовом уровне [1; 19].

Показательно, что первыми в Мордовии, кто заговорил о положении диаспоры, стали журналисты республиканских газет «Мокшень правда» и «Эрзянь правда». С 1991 г. эти национальные печатные издания стали общемордовскими и теперь их читают на всей территории Российской Федерации. Редакции установили тесные связи с представителями национальной диаспоры на местах. Их материалы – письма, заметки, корреспонденции – довольно часто появляются в печати, что позволяет, во-первых, значительно улучшить содержание газет, во-вторых, увеличить число подписчиков на эти издания.

Многие газетные публикации свидетельствуют о начале практической работы по возрождению национальной диаспоры. Например, в Уфе организован чувашский фольклорно-этнографический ансамбль «Нарспи», который заслужил общественное признание – получил звание народного коллектива.

Газета «Советская Татария», проявляя интерес к жизни соплеменников в других регионах Российской Федерации и даже за рубежом, открыла специальную рубрику «Пульс татарской диаспоры». Редакция организовала экспедиции по местам компактного проживания татар. Первый очерк, опубликованный в газете, был из Магнитогорска и назывался «У подножия горы Магнитной». Корреспондент подробно рассказал в материале, как живут татары на Урале, как хранят культуру предков и родной язык [15].

В конце 90-х гг. с целью увеличения объема этнозначимой информации создается периодическая печать и для самой диаспоры. В это время в Саранске увидела свет газета «Масторава», в Казани – «Татар иле» («Татарские края») – общетатарский печатный орган, издаваемый на русском и татарском языках. А чувашская республиканская газета «Хыпар»

(«Вести») стала выпускать приложение-вкладыш «Чаваш тенчи» («Чувашский мир»). Основная тематика этих печатных изданий сводилась к вопросам истории, культурного наследия, современной жизни мордовского, татарского, чувашского народов. Неоценимую роль в мобилизации национальных чувств, в координации усилий различных социальных и территориальных групп по формированию национальных организационных структур на местах играют появившиеся в ряде областей и республик Российской Федерации мордовские, татарские, чувашские периодические издания. Их уже насчитываются десятки. В настоящее время выходят чувашские газеты: «Урал сасси» («Голос Урала») в Башкортостане, «Канаш» («Совет») в Ульяновске, «Самар ен» («Самарский край») в Самаре, журнал «Шурампус» («Заря») в Казани. Значительно меньше мордовских газет – это «Лисьмапря» («Родник») в Бугурусланском районе Оренбургской области, «Масторава» в Самаре. Кроме того, в ряде районов компактного проживания мокшан и эрзян регулярно выпускаются специальные (национальные) полосы местных газет. Из татарских газет выходят «Кызыл тан» («Красная заря») в Уфе, «Вақыт» («Время») в Чебоксарах, «Омет» («Надежда») в Ульяновске, «Бердэмлек» («Единство») в Самаре, «Идель» («Волга») в Астрахани, «Туган як» («Родная сторона») в Нижнем Новгороде.

Важность издания национальной печатной периодики за пределами республик Поволжья не нуждается в доказательстве. Обзор ее содержания, будь то тема семьи, обучения родному языку, приобщения к религии или истории народа, показывает, что именно сохранение, возрождение самобытной национальной культуры является залогом выживания и развития этноса. Кроме того, газеты в диаспоре обеспечивают гласность в деятельности национально-культурных центров, способствуют стабилизации межнациональных отношений.

4. Этнически историческая идеология – написание средствами публицистики с максимальной полнотой «генеалогического древа» мордовского, татарского, чувашского народов с обязательным включением в их публицистическое летописание замалчиваемых ранее «белых пятен» истории, а также активная популяризация в массовом сознании исторического прошлого каждого этноса, достижений его виднейших представителей, стоявших у истоков его культуры, науки, образования.

При летописании «белых пятен» жизнедеятельности этносов Среднего Поволжья практически все редакции региональных газет используют такую содержательно-инновационную форму, как публикация исторических документов, которые ранее имели гриф «секретно». В частности, многие газеты в начале 90-х гг. во всех подробностях обнародовали кричащие факты о голоде в Поволжье в 1921 г., которые долго скрывались от общественности. Между тем по силе и территориальному охвату эта трагедия не имела аналогов в России за всю ее историю.

Газета «Советская Чувашия» проводит собственное расследование о трагическом периоде советской истории. На ее страницах был напечатан отрывок из доклада комиссии по оказанию помощи голодающим в Чувашской автономной области от 9 ноября 1921 г. В нем говорится: «Размеры голода необъятны, нужды населения неописуемы...» [17].

Периодическая печать, анализируя события того времени, старается дать научное осмысление исследуемой проблемы. Потребность в таких публикациях очень велика. По мнению журналистов, трагедию можно было пережить с меньшими потерями и потрясениями, если бы на республике Поволжья не возлагалось бремя продолжать выполнять и перевыполнять продразверстку. Например, в одном из отчетов можно прочитывать такие строки: «Саранский уезд, хотя и выполнил налог на хлеба, но надо прямо сказать, что это выполнение основано только на умелом и сильном принуждении, фактически население уже в данное время голодает и питается только суррогатами» [14; 21, 254]. Продразверстка была тяжелым бременем для крестьян. Неплательщики подвергались двухнедельному аресту, а злостные неплательщики передавались ревтрибуналу, который перемалывал своими жерновами десятки и сотни жизней невинных людей. И люди бежали с родных мест, спасая свою жизнь.

5. Этнически реставрационная идеология – воссоздание средствами публицистики истинной истории каждого народа, прогрессивных и регрессивных ее периодов, в том числе трагических страниц, связанных с репрессированием деятелей национальной культуры, восстановление ментальных свойств национального самосознания этносов на основе удержания в массовом сознании «исторической памяти» народа, возмещение причиненного властью ущерба народам Поволжья в области культуры, искусства, науки, образования.

В частности, газеты «Эрзянь правда» и «Мокшень правда» публикуют яркие материалы о жизни и судьбе А. П. Рябова, который являлся одним из тех, кто стоял у истоков просвещения мордовского народа после Октябрьской революции. Ему принадлежит более двадцати работ, среди них – «Эрзянский букварь», по которому школьники в конце 20-х – начале 30-х гг. изучали родной язык.

Судьба А.П. Рябова была типичной для ученых и других представителей национальной интеллигенции того времени – к сентябрю 1937 г. в Саранске не осталось ни одного профессора [20, 243–244]. Таким образом, изымался цвет мордовской нации. Республика оказалась без своих ученых, поэтов, прозаиков, журналистов, врачей, инженеров, агрономов, крупных хозяйственных работников.

Проблема реабилитации незаконно репрессированных находит широкое отражение в республиканской прессе. В статье «Запомни их имена», опубликованной в «Советской Чувашии», рассказывается о бывших

секретарях Чувашского обкома ВЛКСМ В. Д. Димитриеве, Р. А. Матвееве, П. И. Иванове, А. С. Симокине, пострадавших в годы культа личности Сталина [3].

Газеты содержат десятки материалов о тех, кто в 30-е г. прошлого века насильно был оторван от активной жизни или погиб в тюрьме [2; 6]. Большинство героев газетных публикаций – люди честные, добросовестные, боровшиеся за процветание родины, своего народа. Редакции сделали большое дело – они вернули из забвения многие имена необоснованно репрессированных.

Отношение к человеку как к «винтику» исторического процесса привело к гибели множества ни в чем неповинных людей. Только в Татарстане во второй половине 1937 г. через особое совещание при НКВД (так называемую «тройку») прошло 2856 арестованных, из которых 613 человек были приговорены к расстрелу по необоснованному обвинению во враждебной деятельности, остальные осуждены к разным срокам заключения. Серьезной «чистке» были подвергнуты Союз татарских пролетарских писателей и Татгосиздат. Были закрыты Восточный институт в Казани, Общество татароведения. Ставился даже вопрос о ликвидации Татарской АССР, как это было предложено Госпланом СССР в 1928 г. [8].

Газетой «Советская Татария», другими периодическими изданиями республики были открыты специальные рубрики «Память», «Реабилитация», «Судьбы», «История в лицах», «Книга памяти», где публиковались статьи, очерки о репрессированных [9; 10]. Они возвращают истории и ныне живущим поколениям многие забытые имена, заставляют задуматься о масштабе нравственных и интеллектуальных потерь, которые народы Поволжья понесли в результате репрессий.

Публикуя все новые материалы о пережитых трагедиях невинных людей, газеты республик Поволжья строчка за строчкой создают книгу народной памяти о жертвах сталинского произвола. Здесь можно найти информацию о том, как «строили социализм», как разрушали, ломали, стирали с лица земли уникальные архитектурные памятники, храмы, монастыри, как разгоняли монахов, объявляли преступниками, контрреволюционерами и сажали в тюрьмы священников, и о многом другом, причем имена, фамилии, даты, цифры – все подлинные.

Постоянное присутствие названных публицистических идеологем в периодической печати, глубокая аналитическая их разработка, последовательное их «проталкивание» в духовно-практическую сферу жизнедеятельности Поволжского региона являются наглядным доказательством того, что местная пресса вполне освоила генеральную проблематику этнического возрождения и приобрела в этих рубриках немало ценного творческого опыта.

Список литературы

1. Демин, В. Кажо – значит беда / В. Демин // Сов. Мордовия. – 1992. – 16 апр.
2. Иванова, Е. Через тайгу в ГУЛАГ на свидание / Е. Иванова // Сов. Чувашия. – 1992. – 31 мая.
3. Изоркин, А. Запомни их имена / А. Изоркин // Сов. Чувашия. – 1988. – 27 окт.
4. Исхаков, Д. Современное татарское национальное движение: подъем и кризис / Д. Исхаков // Татарстан. – 1993. – № 8.
5. Кириченко, Т. Реанимация культуры? / Т. Кириченко // Сов. Мордовия. – 1992. – 21 мая.
6. Кузьмин, Б. Как выявляли «врагов народа» / Б. Кузьмин // Сов. Чувашия. – 1997. – 7 авг.
7. Кулагина, С. Умелец из Лаишева / С. Кулагина // Респ. Татарстан. – 1997. – 1 мая.
8. Кушнер, А. Г. Из опыта руководства партии административным районированием СССР / А. Г. Кушнер // Вопр. истории КПСС. – 1983. – № 12. – С. 62–72.
9. Литвин А. Из обманутого поколения / А. Литвин // Сов. Татария. – 1992. – 15, 22 февр.
10. Макушкин, И. Приговор: 15 лет тюремного заключения / И. Макушкин // Мокшень правда. – 1989. – 14 марта.
11. Малютин, С. О наших национальных проблемах и национально-демократическом движении / С. Малютин // Сов. Чувашия. – 1989. – 6 сент.
12. Невелев, Д. Татарская диаспора не теряет себя / Д. Невелев // Изв. Татарстана. – 1993. – 29 дек.
13. Николаев, П. Чувашский обряд «учук» / П. Николаев // Сов. Чувашия. – 1993. – 20 янв.
14. Отчет о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета. Май–декабрь. 1920. – Пенза, 1921. – С. 32, 39.
15. Сабиров, А. У подножия горы Магнитной / А. Сабиров // Сов. Татария. – 1989. – 23 июля.
16. Сусллова, С. Возродить традиции / С. Сусллова // Сов. Татария. – 1988. – 5 июля.
17. Терентьева, А. Предвидя беду, загодя готовились к ней / А. Терентьева // Сов. Чувашия. – 1992. – 21 апр.
18. Тингаев, В. Из жизни мордвы в Оренбургской области / В. Тингаев // Мокшень правда. – 1994. – 22 сент.
19. Тингаев, В. Оренбургский областень мокшэрзятнень эряфснон колга / В. Тингаев // Мокшень правда. – 1994. – 22 сент.
20. ЦГА РМ, ф. Р-175, оп. 1, д. 285.
21. ЦГА РМ, ф. Р-20, оп. 4, д. 166.
22. Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия // Коммунист. – 1989. – № 15.
23. Юхма, М. Родное слово – радость и печаль / М. Юхма // Сов. Чувашия. – 1989. – 20 мая.

ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА В АСПЕКТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МЕДИАДИСКУРСА*

Изучение проблемы конструирования межкультурных отношений в средствах массовой информации обнаруживает новые формы, требующие анализа. Опорный тезис настоящей статьи состоит в том, что внимание журналистов к нюансам этнической культуры дает основу для стабилизационных процессов межнационального характера.

В современном медиапространстве одним из направлений, акцентирующим вопросы истории, географии, философии, искусства, туризма, этики, культуры, является трэвел-журналистика. И. В. Показаньева пишет, что «именно это направление журналистики влияет на национальную самоидентификацию людей, преобразует информацию из одного культурного контекста в другой, формирует у аудитории определенный образ различных культур...» [5]. Она же в другой статье отмечает, что современная информационная картина мира создается посредством системы взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, вполне характеризующих какую-либо территорию географически (место, ландшафт, регион, страну) [6]. Данный подход позволяет аудитории дифференцировать репрезентируемые территории на «друзей» и «врагов». И. В. Показаньева, обстоятельно изучающая особенности трэвел-журналистики (телевизионной), акцентирует функционирование этого направления в контексте международной коммуникации. Наш научный интерес вызван проблемой развития внутрироссийского медиатуризма. Преимущественно это явление положительно проявляется при изображении в СМИ многих городов и регионов России (например, на телевидении: «Россия. Гений места» («Россия 1»); в печати: «Мелихово. Дом, где родилась "Чайка"» («Русский репортер». № 12. 2014), «Тонкая красная линия. Что Крым подарил мировой культуре» («Русский репортер». 2014. № 11), «Чем хорош Арзамас?» («Русский репортер». 2015. № 16), «Чем хорош Ангарск?» («Русский репортер». 2015. № 14)). Однако в случае с пребыванием журналистов на Северном Кавказе трэвел-публикации не всегда несут однозначную информацию. Важность изучения этого аспекта обусловлена многонациональностью нашей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

страны и разнообразием традиционных культур ее народов. Поэтому вопрос о том, как представлены в современной периодической печати республики Северного Кавказа, чья культура имеет свои отличительные особенности, и в сознании массового читателя уже выработалось к ним негативное отношение (отголоски событий 1990-х г., информация о террористических актах с участием уроженцев Чечни, Ингушетии, Дагестана и прочее), представляется актуальным.

Рассмотрим опубликованный в журнале «Огонек» аналитический материал Натальи Радуловой «Купе с видами на Кавказ». Журналист делится с читателем впечатлением от поездки на первом с советских времен туристическом поезде «Чайный экспресс», курсирующим по республикам Северного Кавказа. Наряду с комплиментарными фрагментами, представляющими собой высказывания пассажиров (в лиде о них написано: «... которые боялись, но ехали») поезда («... знаете, мы очень довольны. Вот вчера отбились от своих, заблудились немного, и ничего, никто нас не съел, трусих» [7, 38], «... так все замечательно, так все хорошо. Я уже предвкушаю, как буду дома своим рассказывать – столько впечатлений» [7, 39]), и комментариями административных лиц («Мы показываем Кавказ от моря и до моря. <...> У пассажиров есть уникальная возможность за небольшой промежуток времени познакомиться с многообразием культуры проживающих здесь народов» [7, 38], «задача Федерального агентства по туризму: сломать стереотипы о регионе как о нетуристической зоне и доказать, что это "абсолютно безопасное место с огромным количеством культурных и природных достопримечательностей"» [7, 39]) обращают на себя внимание некоторые этнокультурные детали публикации, которые в недостаточной степени отражают специфику описываемого региона. Так, отмечая неудобства поезда, Н. Радулова констатирует, что «с едой тоже не очень получилось», подкрепляя свои слова ранее данным организаторами тура обещанием: «Вас ждут незабываемые развлечения, концерты с национальным колоритом и, конечно, ужины – настоящие праздники для гурманов» [7, 38]. И тут же опровергает его: «... но вряд ли можно назвать национальными блюдами гречку и суп с перловкой, которые, к примеру, подавали в Ингушетии. В Чечне на ужин тоже был суп – да и того не дождались. Только в Дагестане блюда приносили быстро, одно за другим, все настоящие, кавказские. Путешественники на каждое набрасывались, как в последний раз, небезосновательно опасаясь, что больше ничего не будет. А мясо все несли и несли, и в итоге граждане пустились в пляс – даже китайцы на радостях затанцевали лезгинку» [6, 38–39]. Вопрос вызывает первая часть приведенной цитаты: одной из основных традиций Ингушетии и Чечни, как и Дагестана, является гостеприимство. Например, для ингушей, как пишет этнопсихолог-кавказовед О. С. Павлова, это «общественная добродетель, по которой оцениваются лучшие народные качества. Умение достойно принять гос-

тя, оказать ему соответствующие почести и уважение, святое отношение к гостю внушалось детям с младенческих лет» [4, 196]. Этническую компетентность показывает и журналист Т. Бажанов в этнографической заметке «Страна башен», опубликованной в журнале «Traveler»: «Местные жители очень гостеприимны: если вдруг окажется, что у вас нет денег, вас обязательно пригласят в дом, *сытно накормят* (курсив наш – Е. Р.) и уложат спать» [2, 34]. При этом Т. Бажанов описывает национальное ингушское блюдо – мясо с галушками: «Галушки напоминают маленькие пельмени без начинки. К ним подают кусок мяса, бульон и мелко толченный чеснок» [2, 34]. В журнальной публикации М. Ахмадова «Предания, исполненные благородства» («Дружба народов») акцентируется та же черта у чеченцев: «Щедрость, особенно полно проявляется в угощении, которое ставится перед гостем. Щедрость хозяина – поставить перед гостем все, что он имеет... У чеченцев существовал обычай, согласно которому для гостя забивали последнюю овцу или быка, что не имели – просили у соседей и любыми способами старались угодить гостю» [1, 179]. Последовательно развивая мысль о коммуникативности и толерантности в современных стабилизационных межэтнических условиях, М. Ахмадов особо выделяет отношение чеченцев к человеку другой национальности: «Наибольшее уважение чеченцы оказывали прибывшему издалека гостю, тем более гостю другой национальности. "Гость не из нашего края" – так называли прибывшего издалека человека. Охрана и удовлетворение его потребностей становилось делом не только хозяина, но и всего селения. Потому что ущерб нанесенный гостю из другой страны, ложился позором на все село» [1, 179]. Приведенные выдержки из разных источников ставят под сомнение изображаемый Н. Радуловой прием гостей: либо блюда описаны недостаточно тщательно, тогда это свидетельство этнической некомпетентности журналиста, либо пассажиров туристического поезда намеренно привели в такое место общественного питания, где не специализируются на национальной кухне, но в публикации не приводятся характеристики этого кафе (столовой, ресторана). В силу этих обстоятельств складывается во многом негативный образ Чечни и Ингушетии, потому как другой подробной этнокультурной информации об этих республиках в публикации Н. Радуловой нет. Обращает на себя внимание и подпись к одной из фотографий, сопровождающей текст: «Самые вкусные лепешки – в Дагестане» [7, 39]. Употребление превосходной степени прилагательного «вкусные», учитывая контекст журналистского материала, говорит о том, что из всех лепешек, которые удалось попробовать в посещаемых республиках, в Дагестане они самые вкусные. Но в меню обедов в Чечне и Ингушетии, как следует из текста же публикации, национальные лепешки не входили. Невольно напрашивается вывод: предлагаемая читателю информация, касающаяся приема гостей, не является полноценной.

Еще одна деталь требует этнокультурного разбора. Журналист пишет: «... лезгинку во время тура танцевали постоянно. Похоже, кавказцы ее применяют в любой непонятной ситуации» [7, 39]. И в качестве иллюстрации своего суждения приводит весьма неудачный пример: «В туалете уже полторы минуты сидит какая-то женщина, и сотня разгневанных дам стучит ей в дверь: "Выходите, имейте совесть"? Мансур, врубай музыку! Журналисты ноют: "Хватит нам показывать краеведческие музеи, отпустите в город, мы людей хотим увидеть"? Бахтияр, неси барабаны! Радулова возмущается, что уже три дня не была в бане? Асса!» [7, 39]. Главная мысль этого фрагмента (и она вынесена в качестве подписи к одной из фотографий) – «В любой непонятной ситуации принимающая сторона танцует лезгинку». И с данным бытовым примером эта фраза приобретает отрицательную коннотацию. Между тем, этот национальный танец, как и любой другой, содержит в себе особый этнокультурный код. Так, о лезгинке, выступая автором публикации в журнале «Нана», пишет художественный руководитель чеченского ансамбля «Вайнах» Д. Музакаев, обращая внимание на то, что законы танца едины с основами национальной психологии, нормами морально-этического поведения: «... танец был всегда и везде повсеместен и уместен. И, как свидетельствуют историки, даже в самых экстремальных ситуациях, перед лицом смерти, чеченские воины просили дать им возможность станцевать, поскольку танец вводил их в состояние экстаза настолько, что после этого им было легче принять смерть. Ведь танец был не просто развлечением, но и способом выброса энергии» [3, 40]. Или: «Чеченский танец имеет свою мифологию, свои традиции, нарушать которые не позволялось никому», «У нас, чеченцев, практически любое мероприятие заканчивается традиционной лезгинкой» [3, 40].

Не так давно в средствах массовой информации очень много говорилось и писалось об участившихся случаях исполнения лезгинки молодыми представителями Северного Кавказа в городах центральной части России, о том, что к лезгинке у жителей этих городов выработалось негативное отношение. Учитывая этот фактор и контекст упоминания национального танца народов Северного Кавказа в материале Н. Радуловой, можно сказать о недостаточной степени озабоченности журналиста о межэтнической ситуации в стране, тогда как институт СМИ призван аккумулировать положительное межнациональное взаимодействие, содействовать развитию диалога культур. И журналистика располагает инструментарием, способным обеспечить эти процессы. В анализируемой публикации, вероятно, можно было бы более обстоятельно подойти к расшифровке (для читателя) того, чем в действительности является лезгинка для чеченцев, ингушей, народов Дагестана и жителей других республик, которые посетили пассажиры «Чайного экспресса», привести более наглядные примеры увиденного (завершение застолья, посещенные праздники, если таковые были в рамках тура).

Важно отметить ироничную тональность рассматриваемого материала, к которой неоднократно прибегает журналист. Например, в той части, где автор рассказывает о проводимых экскурсиях. И если информация о директоре турфирмы в Черкесске Марии Гацаловой в основном нейтральна (за исключением следующей ремарки, выделяем ее курсивом: «Директор турфирмы Мария Гацалова, которая работает в Черкесске с 1981 г., тоже первым делом стала вспоминать прежние времена. <...> Мария проводит экскурсии сама – *текст ее речей с 81-го года, похоже, так и не менялся*» [7, 39]), то при описании экскурсии в Чечне ирония очевидна. Н. Радулова пишет: «А вот чеченские экскурсоводы оказались людьми молодыми, пока еще не такими опытными. Они очень старались, но то и дело сбивались, радовали своих слушателей фразами: "Эту улицу обделали дагестанским камнем", "Во время войны храм был разрушен по самые купола" и "В Чечне встречается исчезающий вид террористов". Иногда, начав речь, экскурсоводы не знали, как ее закончить, но жизнерадостно улыбались: "Короче, вы меня поняли, да?" И все улыбались им в ответ – все мы поняли» [7, 39]. Отрицательным примером журналист иллюстрирует и такую черту кавказцев, как доброжелательность: «Когда одна из туристок попросила у водителя пакет для мусора, тот чуть не подскочил на своем сиденье: "Дорогая, выбрасывай в окно куда хочешь! Все для тебя! Не хочешь в окно? Люк открой!"» [7, 39].

Контекст и оценки, которые дает журналист в своей публикации, формируют своеобразный ценностный ориентир у читательской аудитории. Приведенные, в ценностном отношении дезориентирующие читателя, примеры в определенной степени компенсируются заключительными абзацами материала: «Кавказ отвык от таких многочисленных туристических групп. Но все когда-нибудь наладится – в советское время получалось ведь. Зато ты видишь средневековые башни Таргима, опускаешь руки в приток Терека, наблюдаешь, как над тобой парит орел, и понимаешь, что все это – тоже твоя страна. И как же, думаешь, было бы хорошо, чтобы этот край увидели и другие россияне. "Вы там расскажите, что у нас хорошо, спокойно, не стреляют! – снова, уже на прощание, просит Вели Юсуфов [экскурсовод – наше прим. – Е. Р.]. – Так и скажите: дорогие, приезжайте, Вели ждет, Кавказ ждет. Скажете, да?"» [7, 39].

Публикация Н. Радуловой неоднозначна по содержащимся в ней характеристикам, из которых складывается образ Северного Кавказа, региона, вызывающего к себе такое же неоднозначное отношение общества. Нам видится, что формированию более полной информационной картины мира будет способствовать внимание к этнокультурным деталям, содействующим объективному пониманию народов Северного Кавказа.

Список литературы

1. Ахмадов, М. Предания, исполненные благородства / М. Ахмадов // Дружба народов. – 2009. – № 5. – С. 169–190.
2. Бажанов, Т. Страна башен / Т. Бажанов // Traveler. – 2015. – Июнь–август. – С. 34.
3. Музакаев, Д. Чеченский народный танец / Д. Музакаев // Нана. – 2009. – № 11. – С. 38–43.
4. Павлова, О. С. Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета / О. С. Павлова. – М. : Форум, 2012. – 384 с.
5. Показаньева, И. В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства / И. В. Показаньева // Медиаскоп. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 28.07.2015).
6. Показаньева, И. В. Об использовании концепта «Другой» на телевидении / И. В. Показаньева // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 3. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/9061> (дата обращения: 28.07.2015).
7. Радулова, Н. Купе с видами на Кавказ / Н. Радулова // Огонек. – 2015. – № 20. – С. 38–39.

Е. Н. Сердобинцева

(г. Пенза, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В настоящее время проблема трансформации жанров и жанровой системы в целом стоит очень остро. Для этого есть объективные причины, например увеличение объема потоков информации. Ее потребителю бывает нелегко найти что-то нужное, не то что анализировать или восхищаться художественным слогом. Отсюда возрастает нагрузка на группу информационных жанров, которые свои функции начинают распространять на аналитику и на художественно-публицистические тексты. Границы жанра размываются, ломаются, происходит смешение жанровых черт. И уже говорят репортаж (интервью, отчет и т.д.) с элементами другого жанра. Придумываются новые названия разновидностям жанра, например статье, очерку.

Рассмотрим положение дел в жанре рецензии. Обязательный элемент рецензии – анализ, поэтому ее относят к аналитической группе журналистских жанров [2, 304]. Базовыми признаками рецензии являются наличие в ней информации о произведении, оценка его, анализ формы и содержания, определение места объекта анализа в творчестве автора, в общекультурном наследии и т.п. Это обязательные структурные элементы, которые должны присутствовать в тексте, чтобы можно было узнать

жанр рецензии вне зависимости от ее типологического положения. Отзыв, как младший брат рецензии, не всегда содержит анализ, но в нем обязательна оценка: «выражение своего отношения к поступкам героев, изображаемым событиям, своего мнения о том, как относится к своим героям автор» [1, 75].

Почему-то отзыв как название жанра не популярен у современных журналистов и критиков от журналистики, поэтому часто рецензией называется именно отзыв. Например, популярный московский театральный критик Е. Кретьева пишет в основном отзывы, но материалы существуют как рецензия. Так свежая публикация «Страсти не удалась» о премьере оперы «Кармен» в Большом театре («Московский комсомолец» № 26861 от 17 июля 2015) содержит лишь оценку работы режиссера и актеров. Вместо определения положения спектакля в ряду подобных, в ряду других произведений анализируемого режиссера, в ряду культурных ценностей и т.п. указывается лишь ситуация возникновения спектакля, в которой содержится причина результата: *«Большой театр – в поиске»*. Еще упоминается *«додинская «Пиковая дама», являющая собой «классический пример радикальной «режиссеры»*. «Кармен» в отличие от нее представляет собой *«обратный подход к оперной партитуре»*. Общим в двух спектаклях является то, что *«они равно далеко, хоть и с разных сторон, дистанцированы от музыки»*.

В материале нет наглядности, не показаны особенности оперы А. Бородина, кроме, пожалуй, одной сцены, «за столиком». Читатель может свободно фантазировать относительно происходящего на сцене, соотнося все с упомянутой режиссерской постановкой. Далее происходит разбор отдельных режиссерских приемов с вопросами «зачем?» и «почему?» сотворил это А. Бородин. Для анализа такого подхода недостаточно, да и аргументации маловато. Оценка (отрицательная) есть, значит перед нами отзыв.

Е. Кретьева часто использует слова и выражения вроде бы понятные, но не имеющие широкого распространения среди читательских масс «Московского комсомольца» («женатые люди со средним образованием в возрасте 45 и старше», в основном «пенсионеры со средним доходом»): *радикальной «режиссеры», в пацифистски-неброской постановке; далеко, хоть и с разных сторон, дистанцированы от музыки; бережность и пьетет; энергии и пассионарности*. Их обильное использование создает впечатление, что целевая аудитория газеты – этакая интеллигентная элита общества, которая легко играет иностранными и придуманными Гумилевым словечками. На ту же аудиторию указывает сравнение мизансцены с семейной сценой, *«в которой скупой муж сердится на жену за то, что она спустила его зарплату на покупку кружевного белья»*.

То, что Е. Кретьева хорошо разбирается в театральном и музыкальном направлениях искусства, не вызывает сомнений. К ее мнению прислушиваются, ее отзывы ждут. Они были бы уместны в театральном или

музыкальном специализированном издании. И здесь возникает скорее вопрос к редактору издания: почему не учитываются интересы целевой аудитории при публикации критики, почему происходит жанровая подмена материалов в газете?

Еще один излюбленный прием современных журналистов – смешение жанров в одном материале. Хорошо еще, если все это называют материалом, а не статьей. Образчиком такого материала можно считать публикацию А. Шаровской «Большие гастроли» («Любимая газета–Пенза» № 23 от 17 июня 2015).

К рецензии в данном материале автор отнесла часть под названием «Переночевала...». Не буду разбирать заголовок рецензии, все-таки прослеживается связь с названием спектакля «Ночь с незнакомцем», которому посвящен материал. Начинается «рецензия» с конца спектакля, с того, как его приняла пензенская публика: *«весьма тепло», с «овациями и горой искренних букетов»*. Затем речь идет о каком-то монстре, сюжете, который *«поглотил внимание, гармонично устроившись в лаконичных декорация»*. Далее следует странная и непонятная фраза: *«И уже в них – ясные, звучащие диалоги»*. Ну что ж, хоть и задом наперед, но читателю дается представление о ситуации.

Надо отдать должное автору, рассказывающему содержание спектакля: *«История предлагается нехитрая: муж, задолжав состоятельному человеку большую сумму, решил откупиться, предложив тому ночь с собственной женой»* (не останавливаясь на путанице относительно принадлежности жены). Далее описывается интрига, которая вязнет вместе с автором в терпкой патоке любовных вздыханий, захлебывается горькими переживаниями от неудавшейся жизни и заканчивается банальным восклицанием: *«Если бы все было так просто и в жизни...»*.

В конце так называемой рецензии делается вывод: *«Нет, пожалуй, здесь не слова и даже не игра актеров дело сделали... Это общий результат, который и создал созвучие переживаний, перелив живую эмоциональность со страниц пьесы в чувства зрителя»*. После его прочтения возникают вопросы: – какое дело сделано? и – если существует живая эмоциональность, значит, есть и мертвая? Непонятно, что происходит с чувствами, в которые вливается *«живая эмоциональность»*. Под занавес автор говорит, что *«даже те, кто пришел в театр на работу, получили удивительное удовольствие!»*.

В данной публикации нет ни анализа, ни оценки. Она не может быть даже отзывом. Ни в один из жанров не вписывается данный материал. Но следует ли говорить о трансформации жанра в рассмотренных случаях? Думаю, нет. В первом случае происходит подмена жанра. А во втором – на первый план выходит безграмотность журналиста и редактора: нет целевой установки при подготовке материала. Во-первых, не следует забывать, для кого ты пишешь, во-вторых, зачем ты пишешь. Ответ

на данные вопросы (если, конечно, это не выплеск собственных впечатлений и эмоций от них) поможет правильно выбрать журналистский жанр и наполнить его соответствующим материалом.

Явление трансформации жанров существует, однако следует отделять насущную необходимость такого процесса от лени и незнания журналистов.

Список литературы

1. Развивайте дар слова : факультативный курс «Теория и практика сочинений разных жанров (VII–VIII кл.)» : пособие для учащихся / сост. Т. А. Ладыженская, Т. С. Зепалова. – М. : Просвещение, 1986.
2. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000.

Я. В. Солдаткина

(г. Москва, Россия)

НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СЕТИ: ФОРМАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Современная отечественная научная журналистика представляет собой достаточно интересный для исследования феномен, поскольку, с нашей точки зрения, наглядно иллюстрирует ряд изменений, которые претерпела журналистика в постсоветский и новейший периоды. Научная журналистика – специфическое тематическое журналистское направление, которое сочетает как информационные (новости науки, ученого сообщества), так и познавательно-просветительские функции (ознакомление реципиентов с научными достижениями, адаптация научного знания для рядового потребителя). В советское время научная журналистика в целом пользовалась государственной поддержкой и была достаточно востребована обществом: «научная картина мира» была необходимым компонентом мировоззрения советского человека, а научные достижения участвовали в формировании чувства гордости за страну. С другой стороны, пропагандистские кампании в СМИ захватывали и сферу научной журналистики (напр., «кибернетика – лженаука», травля академика А. Д. Сахарова за правозащитную деятельность и др.). Своего рода символом окончания советской эпохи для научного контента в СМИ можно считать курс телевизионных лекций проф. Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре»: в нем один из создателей русской семиотики (научное направление, название которого в СССР было под запретом) занимался популяризацией истории дореволюционной дворянской культуры, вос-

становливал историческую память и преемственность, способствуя гуманитаризации и гуманизации культурного пространства.

Лишившись государственного «заказа», научная журналистика неуклонно вытеснялась на периферию медиапространства: на современном телевидении, занятом интертейментом, ей практически не осталось места (кроме, напр., новостных сообщений о лауреатах престижных научных премий). Телеканал «Культура» фактически остался единственным каналом, где системно представлены материалы научно-познавательного характера, существенная часть которых произведена не журналистами канала, но закуплена за границей. В ситуации, когда научная журналистика, проигравшая конкурентную борьбу с развлекательным контентом, утратила свое значение и свою привлекательность для широкого круга реципиентов, она вынуждена более четко ориентироваться на адресата, использовать актуальные каналы передачи информации.

На данный момент наиболее активно развивается сфера сетевой научной журналистики. По данным на 2011 г., научно-популярных сайтов в поисковой базе Яндекса насчитывалось около 7 тыс. [4], не считая сетевых версий «бумажных» журналов научно-популярного характера («Наука и жизнь», «Дилетант» и др.). Подобная диспропорция отражает общие медиатенденции в России: поиск альтернативных по отношению к центральному телевидению площадок, рассчитанных не на развлечение массового зрителя, но на информацию и аналитику общекультурного и научно-популярного характера, адресованную «целевой аудитории» как специалистов, так и дилетантов (порталы: Постнаука – интернет-журнал о науке <http://postnauka.ru/>; N+1: научные статьи, новости, открытия <https://nplus1.ru/>; Перпетум – интернет-журнал о новой движущей силе Москвы: молодых ученых, изобретателях и инноваторах <http://pptm.ru/> и др.). Принципиальное отличие подобных сетевых ресурсов состоит в широком участии в их деятельности энтузиастов (ученых и активистов, интересующихся наукой). С одной стороны, журналистское качество, своевременность обновления контента, зачастую даже его объективность и научная достоверность оказываются уязвимы. Но, с другой, именно Интернет создает «возможности для участия в социальных процессах больших и малых сообществ, находящихся вне государства и его администрации» [1, 109].

«Альтернативный характер» сетевой научной журналистики проявляется как в семантическом, так и в формально-стилевом аспектах. В первую очередь мы хотели бы упомянуть сетевой проект «Диссернет», посвященный проверке на плагиат диссертаций известных политических и общественных деятелей, а также диссертаций, защищенных в диссертационных советах, уже уличенных в использовании и научном одобрении плагиата. Чисто научная функция проекта – повышение качества отечественной науки – существенно дополнена журналистской составляющей: в лице известного журналиста С. Пархоменко деятельности «Диссернета»

оказывается информационная поддержка (напр., [6]). Разоблачительные публикации «Диссернета» становятся основанием для статей электронных СМИ (напр., [3]). В этих случаях научная тематика осложняется политическим содержанием, что облегчает ее актуализацию для СМИ, но фактически нивелирует познавательные функции научной журналистики. В какой-то степени такого рода материалы видоизменяют традиции пропагандистских кампаний еще советского времени.

Иначе «альтернативность» сетевой научно-познавательной журналистики проявляется в рамках недавно созданного сетевого проекта «Арзамас» <http://arzamas.academy/>. Принципиальное отличие этого проекта от аналогичных сетевых научно-популярных ресурсов, которые также предлагают своей аудитории курсы видеолекций (Постнаука <http://postnauka.ru/video>, Теория и практика <http://theoryandpractice.ru/> videos и др.) состоит не только в сложном мультимедийном оформлении лекций – каждый курс лекций снабжен дополнительными справочными материалами (разделы «даты», «шпаргалка», «воспоминания», «словарь» и др.), иллюстрирован картинками, аудио- и видео-файлами), для развлечения реципиентов используются также тесты и викторины. Создатели портала – бывшие и действующие журналисты, которые не только значительно разнообразили научно-познавательный лекционный контент за счет современных мультимедиа, освоенных сетевой журналистикой, но и позиционируют свой проект именно как «журналистский». Приведем цитату А. Уржанова, директора видеодепартамента «Арзамаса» из интервью «команды проекта» электронному журналу «Воздух.Афиша»: «Как человек, который все-таки чуть-чуть продолжает на стороне заниматься той профессией, которой вроде больше нельзя заниматься, хочу заметить, что «Арзамас» – это, конечно, на сто процентов журналистика. Просто по сумме подходов, по технологии. И это не имеет никакого отношения к внутренней эмиграции советского образца, потому что ни один специалист по внутренней эмиграции не стал бы первым делом в начале 2015 г. выкладывать курс лекций про Крым. Понятно, что обычно на этом внутренней эмиграция заканчивается и начинается предварительное заключение. В общем, я тут никакого профессионального бегства не вижу» [5].

Главный редактор проекта Ф. Дзядко высказывается более осторожно: «Быть чисто медиа неинтересно, быть университетом еще рано. И то, и другое – векторы развития, которые мы держим в голове» [2]. Но, сознательно отказавшись от инфоповодов, определяющих для классических журналистских проектов (Филипп Дзядко: «Понятно, что это самый простой ход: вот сегодняшняя новость, а вот племя майя вытворяло что-то очень похожее тысячу лет назад. Но это какое-то насилие над материалом. Аналогии и так будут сами собой возникать: вот история про то, как пуритане уничтожали волшебный шекспировский театр, а в соседнем окне у тебя открыта новость про «Театр.doc» [5]), журналисты «Арзамаса» не просто пропагандируют научное гуманитарное знание, они созда-

ют и противовес развлекательному сетевому контенту, и, что не менее важно, политически ангажированной журналистике, от которой основатели проекта отказались, как подразумевается, по профессиональным соображениям. Можно сказать, что проект «Арзамас» представляет собой современную мультимедийную трансформацию отечественной научно-познавательной журналистики.

Другим значимым направлением трансформации научного журналистского дискурса становятся социальные сети. Конкуренция, которую социальные сети составляют и традиционным СМИ, и новым медиа, уже осмыслена самими журналистами, причем зачастую отрицательно [7]. Но в случае с научным контентом социальные сети становятся необходимым и подчас единственным каналом информирования сообщества о мероприятиях и научных достижениях. Частотна ситуация, когда ученые вынуждены публиковать на своих страничках в социальных сетях сканы или pdf-версии статей из малотиражных и труднодоступных научных сборников. Но в журналистском плане показательны примеры, когда ученые, журналисты и энтузиасты наполняют свои страницы анонсами научных мероприятий (напр., научный журналист, редактор федерального портала «Наука и технологии России» Татьяна Пичугина – информацией о «Школе научной журналистики» <https://www.facebook.com/tpichugina/posts/10203064344648194?pnref=story>), публикуют научные статьи и неформальные отчеты о научных конференциях (напр., редактор издания «Знания-Сила» Ольга Балла: <https://www.facebook.com/olga.balla?fref=ts>). Регулярность обновления, приверженность научному контенту, актуальность информации позволяет говорить о том, что в существенно преобразованном виде, но научная журналистика достаточно успешно осваивает СМК, поскольку возможности социальных сетей позволяют через систему взаимных друзей и групп по интересам доносить специфический научный контент до не менее специфичных адресатов. Отчасти сходные функции выполняют в социальных сетях и различные научные группы и сообщества кафедр, факультетов и научных объединений федеральных и региональных вузов, хотя рассматривать подобные сообщества в рамках журналистского контента не совсем корректно.

На современном этапе научная и научно-познавательная журналистика наиболее ярко и разнообразно представлена именно в Сети: на порталах и сайтах научной тематики, в социальных сетях. Подобные медиаформы существенно преобразуют традиционные журналистские жанры и способы подачи материала, адаптируя их как под сетевые форматы, так и под специфические запросы «продвинутой» сетевой аудитории, обращающейся к научно-познавательному контенту в противовес общим тенденциям к интертейменту или политизации медиапространства, а также вынужденной искать в Сети информацию, не распространяемую по традиционным информационным каналам.

Список литературы

1. Вартанова, Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е. Л. Вартанова. – М. : МедиаМир, 2013. – 280 с.
2. Дзядко, Ф. Быть чистым медиа неинтересно, университетом еще рано / Ф. Дзядко. – URL: Colta.ru <http://www.colta.ru/articles/media/6395> (дата обращения: 22.06.2015).
3. «Диссернет» нашел плагиат в диссертации бывшего зампреда Московской области Сергея Кошмана // Портал «Йод». – URL: <http://yodnews.ru/news/2015/06/05/koshman> (дата обращения: 22.06.2015).
4. Макарова, Е. Е. Популяризация науки и новые информационные технологии / Е. Е. Макарова // Медиаскоп. – 2011. – № 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/966#3> (дата обращения: 22.06.2015).
5. Мунипов, А. «Это как «Афиша», только про Новгород XII века»: как делается проект «Арзамас» / А. Мунипов // «Воздух.Афиша». – URL: <http://vozduh.afisha.ru/technology/eto-kak-afisha-tolko-pro-novgorod-xii-veka-kak-delaetsya-proekt-arzamas/> (дата обращения: 22.06.2015).
6. Пархоменко, С. «Диссернет»: выигран прецедентный суд / С. Пархоменко. – URL: http://www.dissernet.org/publications/echo_peshkov.htm (дата обращения: 22.06.2015).
7. Познер, В. В. Об интернете и журналистике / В. В. Познер // Познер Onlain. – URL: <http://pozneronline.ru/2013/03/4368/> (дата обращения: 22.06.2015).

О. В. Третьякова

(г. Архангельск, Россия)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА: ЦЕННОСТНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В литературе можно встретить различные подходы к трактовке понятия «правовая культура». Согласно философскому подходу правовая культура характеризуется как идейно-правовое состояние общества: «...высокое место права в жизни общества, осуществление его верховенства и соответствующее этому положение дел во всем “юридическом хозяйстве” страны» [2, 95]. В традициях западной социологии права (Г. Тард, А. Кетле, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Луман и др.) категория «правовая культура» включает в себя не только результат, но и способ деятельности людей, проявляет себя в их образе мышления, нормах и стандартах поведения [8, 105].

Согласно социально-антропологическому подходу правовые явления рассматриваются сквозь призму человека, т.е. суть этого подхода состоит в выявлении человеческой составляющей в праве и правового качества в человеке [10, 17–18]. Исследователи выделяют также структурный, функциональный и информационно-семиотический подход, согласно которому под правовой культурой следует понимать правовую информа-

цию, которая накапливается, сохраняется и передается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем [4, 50–56].

Аксиологический подход к определению правовой культуры тесно связан с социокультурным подходом к праву, определяющим право как духовно-культурное явление, взаимосвязанное с моралью и с конкретно-историческими особенностями развития того или иного общества. Далеко не все, созданное человеком, автоматически входит в культуру. Институт инквизиции, внесудебные приговоры, реакционные законы не могут принадлежать к культуре, это «антикультура». Для того чтобы отнести что-то к культуре, необходим ценностный критерий [9, 59]. Многие демократические и гуманистические завоевания в области права рассматриваются сегодня как культурные завоевания человечества. К ним относятся процессуальные принципы «нет преступления без закона», «нет наказания без приговора суда», гласность судопроизводства, право каждого на защиту, состязательность судебных процессов и другие правовые ценности. Особенно велико значение некоторых социальных ценностей, которые с течением времени стали правовыми: свобода, равенство, справедливость, безопасность, ответственность. Правовые принципы, как и все другие, представляют собой ценности в той мере, в какой они связаны с человеческой личностью и обеспечивают, прежде всего, права человека, человеческое достоинство и достойные человека условия существования.

Поскольку правовая культура является частью культуры, а культура с точки зрения аксиологии понимается как сформировавшаяся на основе восприятия система ценностей, правовую культуру можно рассматривать как систему правовых ценностей.

В общей теории права существует аксиологическое теоретическое направление или правовая аксиология. Создание основ аксиологии права связано с именами неокантианца В. Виндельбанда, представителя исторической школы права Ф. К. Савиньи, основателя теории «чистого права» Г. Кельзена и других. Активное развитие получила российская ценностно-правовая традиция, сформировавшаяся к концу XIX в. и нашедшая свое выражение в работах И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, В. Соловьева, Б. Н. Чичерина и др.

В. Г. Графский отмечает, что советские юристы долгое время тщательно избегали применения ценностного подхода, считая аксиологию наукой буржуазной и потому лишенной научно-познавательного и практического значения. Как только философы выделили сферу духовных ценностей как сферу должного с такими терминами и категориями, как «идеи, цели, идеалы, нормы», а в социальной психологии появилась конструкция «ценностные ориентации», стало понятно, что эти ориентации присущи не только социальной жизни в целом, но и конкретным областям общественного сознания и практики (мораль, право, искусство, политика) [3, 90].

Современная аксиология права (работы С. С. Алексеева, В. С. Нерсисянца, Н. Неновски, В. А. Туманова, В. Г. Графского, Л. С. Мамута, В. В. Лапаевой, Л. Е. Лаптевой и других ученых) включает в свой предмет изучение и исследование правовых ценностей, оценок в сфере права, ценностных аспектов правовых норм и т.д. Хотя в сфере права имеются и ценности-идеалы (правовые идеалы), в ней преобладают ценности-обязанности (правовые нормы), которые являются деонтическими ценностями и отличаются четко выраженным императивным характером. В отличие от остальных деонтических ценностей они закрепляются формально и охраняются государством и его органами. Ценности иногда труднее идентифицировать, чем правовые нормы, и их анализ во многом зависит от интерпретаций исследователей.

Правовые ценности, получая свое первое проявление в массовом правосознании, закрепляются в законах и других правовых актах, а затем объективируются и проявляются в правовом поведении людей, в реальной правовой практике. Таким образом, они являются, можно сказать, основным «строительным материалом» правовой культуры общества и личности.

Важным методологическим принципом является разделение правовой культуры общества и правовой культуры личности. Рассматривая правовую культуру как качественное состояние правовой жизни и дел в «юридическом хозяйстве» страны, мы констатируем лишь внешнюю сторону данного явления, в то время как у него есть и внутреннее содержание – правовая культура личности. В научной литературе встречается указание и на третий вид правовой культуры – корпоративную или правовую культуру социальной группы, характеризующуюся определенным уровнем правосознания, а также уровнем реального осуществления требований действующего права.

Правовая культура личности – это степень и характер правового развития личности, которые предполагают ее позитивное правовое сознание в действии и находят выражение в уровне ее правомерной деятельности. Правовая культура личности формируется под совокупным влиянием личных потребностей и интересов, социального положения, результатов воспитания и образования, особенностей мировосприятия, исповедуемой религии, самооценки, наконец, индивидуальных психофизиологических особенностей. К слагаемым правовой культуры личности относятся:

- 1) правовая информированность;
- 2) уважение к закону;
- 3) правомерное поведение;
- 4) чувство личной ответственности за свои поступки и внутреннее убеждение в важности исполнения человеком лежащих на нем обязанностей;

5) уважение достоинства других лиц, выступающих в качестве равных участников правового общения;

6) уверенность в том, что только свобода всех людей в обществе есть одна из надежных гарантий свободы каждого.

Е. В. Аграновская утверждает, что правовая культура личности состоит из идеологического и социально-психологического компонентов. К правовой идеологии она относит систематизированное, научно обоснованное осознание явлений правовой жизни, а к правовой психологии – несистематизированную, эмоциональную реакцию на правовые явления, их осознание и оценку на эмпирическом уровне [1, 24]. На наш взгляд, двух компонентов для описания структуры правовой культуры личности недостаточно. Это фактически структура правового сознания с ее рациональным (правовая идеология) и эмоциональным (правовая психология) компонентами. Любой человек, однако, должен не только знать и уважать правовые предписания, но и выполнять их. Именно поэтому среди компонентов правовой культуры личности, на наш взгляд, есть еще активная составляющая – правовое поведение.

Исследователи отмечают, что знание нормативных положений не является гарантией от их нарушений, более того, правовая информация может оказывать разное, порой дисфункциональное воздействие на процесс реализации права. Это зависит от ценностных ориентаций и установок личности, в формировании которых участвуют и средства массовой информации.

Интенсификация процессов медиатизации правовой жизни общества (возрастания объема и роли процессов распространения и получения правовой информации через масс-медиа) вызывает необходимость обратить более пристальное внимание на анализ содержательных характеристик правовой культуры журналистов, являющейся вполне самостоятельной частью их политической культуры. Общетеоретические и педагогические аспекты политической культуры журналиста нашли непосредственное отражение в работах российских теоретиков журналистики С. Г. Корконосенко, Е. П. Прохорова, В. А. Сидорова, И. Н. Блохина, Л. Л. Реснянской и других. Вместе с тем исследование правовой культуры журналиста пока находится на периферии научного интереса.

Теоретико-методологический подход, рассматривающий политическое сознание как субкатегорию по отношению к политической культуре и как ее предпосылку, а политическую деятельность как форму ее проявления, дает возможность считать политическое сознание и политическую деятельность журналиста компонентами его политической культуры. Логика этого подхода позволяет подобным образом структурировать и другие формы культуры. В частности, правовое сознание и правовую деятельность можно рассматривать в качестве компонентов правовой культуры журналиста.

При сборе и распространении информации журналистам и редакторам необходимо знать о нормах гражданского и уголовного законодательства, при служебных отношениях в коллективе – о нормах трудового и административного права, в ходе хозяйственной деятельности редакции – о бюджетном и налоговом праве. Следовательно, для эффективной и безопасной профессиональной деятельности сотрудники СМИ должны иметь представление о правовой системе Российской Федерации, об источниках правовой информации и способах работы с ними; знать основы уголовного, гражданского, трудового и административного права; изучить специальное законодательство, регулирующее массово-информационную деятельность, и т.п.

Знание права и механизма его применения в журналистике значительно облегчает профессиональную деятельность сотрудника СМИ, предотвращает нарушения законодательства, которые наносят ущерб не только журналисту и редакции, героям статей и репортажей, но и тысячам читателей и зрителей. Правоотношения в информационной сфере являются конфликтными хотя бы потому, что журналистам необходимо донести до аудитории то, что представители власти хотят скрыть, используя институт аккредитации, пресс-службы, цензуру и другие средства ограничения доступа к информации. Знание правовых норм может помочь журналистам выполнять свои служебные обязанности и предотвращать ущемление права граждан на информацию.

Известно, что информации как некоего «очищенного», объективного знания не существует, читатель или зритель всегда получает интерпретированную информацию, пропущенную через призму авторского восприятия и систему его ценностей. Умение видеть жизнь и ее проявления «под знаком высших ценностей» составляет одну из важнейших профессиональных способностей журналиста [6, 77]. Журналист всегда оценивает происшедшее на основе своих ценностных представлений и на основе этого формирует эмоциональный уровень правосознания, ценностные ориентации своей аудитории. Если текст не несет никаких ценностных установок – он не может быть интересен и полезен массовой аудитории.

Таким образом, освещение в СМИ правовой жизни общества всегда имеет аксиологический аспект. В журналистских текстах о позитивных правовых фактах и явлениях правовые ценности могут присутствовать эксплицитно и даже пропагандироваться. В публикациях и сюжетах о происшествиях и преступлениях ценностный смысл часто не выражен прямо, но присутствует в подтексте или авторской оценке события. Эта оценка основана на ценностной системе, которой придерживается журналист, и на ценностях, которые входят в правовую культуру общества.

Высшими ценностями для работающих в правовой журналистике сотрудников СМИ являются, на наш взгляд, признание верховенства закона и уважение к праву, которые обязывают его культивировать у по-

требителей информации стереотип законопослушного поведения. От того, как журналист понимает право, как относится к нему, готов ли сам соблюдать правовые нормы в повседневной жизни, во многом зависит интенция его публикаций и передач. О развитом правосознании и правовой культуре журналиста можно говорить только в том случае, когда он на практике руководствуется требованиями и принципиальными положениями права (соблюдение невмешательства в частную жизнь, неразглашение специально охраняемых законом тайн, конфиденциальность источника информации, анонимность жертв преступлений и др.), когда право является для него социальной и личностной ценностью.

Журналист является субъектом-носителем правовой культуры своего социального слоя, правовой культуры, выработанной им в процессе обучения и профессиональной деятельности (или же носителем свойственного современному российскому обществу правового нигилизма). Существует, однако, и обратная связь: журналист является субъектом формирования правовой культуры общества, поскольку в своем творчестве он не механически отражает правовые реалии, а отбирает и интерпретирует правовые факты и оказывает преобразующее воздействие на практику. Не обладая развитым правосознанием и высоким уровнем правовой культуры, журналисты не могут способствовать формированию правосознания и правовой культуры общества.

Современные средства массовой информации часто распространяют так называемую преступную субкультуру или преступную мораль — через демонстрацию насилия и жестокости, через трансляцию «блатных» песен, пропагандирующих воровскую романтику, например, в радиопередаче «Калина красная», в телепередачах «В нашу гавань заходили корабли» или «Три аккорда», на почти круглосуточном радиоканале «Шансон» на FM-частоте. Криминализация общественной жизни происходит и при помощи Интернета: существуют сайты, содержащие данные о тюрьмах и зонах, советы «бывалых» тем, кто может лишиться свободы, правила поведения в местах заключения; биографии «воров в законе», рисунки татуировок с объяснением их смысла, словари тюремного жаргона и т.п.

Журналисты печатных СМИ, желая показать, что они «в теме», часто неуместно используют в публикациях на криминальные темы арготические лексемы [7, 80], создавая колорит уголовной среды, навязывая читателю уголовную мораль, формируя установки на противоправное поведение. С подачи прессы в обыденной речи широко употребляются арготические по происхождению слова беспредел, заказать, завязать, заказуха, отморозок, разборка, крыша, тусовка, авторитет, вор в законе, пахан, кидала, кликуха, наезд, стрелка и др.

Таким образом, в общественном мнении культивируются нормы и ценности криминальной среды, идет размывание, деформация традиционных ценностных установок и жизненных представлений людей. Про-

никновение отдельных элементов преступной субкультуры через СМИ в сознание и образ жизни вполне законопослушных граждан говорит об определенных тенденциях в сфере правосознания и правовой культуры и всего общества, и журналистов.

Новые медиа – цифровые информационные технологии и их соединение в Сетевой среде – кардинально трансформировали мир журналистики. Они меняют контент, который носит теперь визуальный и интерактивный характер, однако достоверность и этичность информации при этом остается под большим вопросом. Происходит деформация профессиональных стандартов журналистики: «Перенос из Интернета в журналистику легкого отношения к факту и моменту опубликования может произойти незаметно, и мы столкнемся с фейсбучиванием журналистики и других сфер общественного взаимодействия» [5].

Это опасение, высказанное, отметим, работающим в Сети журналистом, позволяет еще раз убедиться в необходимости разработки человекоцентрированного подхода к изучению средств массовой коммуникации, изучения личности современного журналиста, его ценностных ориентаций, которые он несет своей аудитории.

Таким образом, формирование правовой культуры общества и личности зависит от того, каким образом и насколько полно отражают и интерпретируют события правовой жизни средства массовой информации. Процессы медиатизации правовой жизни, подразумевающие взаимопроникновение правовой культуры и массово-информационного пространства, сделали журналиста важным актором формирования правовой культуры современного российского общества. В связи с этим разработка концепции правовой культуры журналиста как знания, уважения и практического применения норм права в интересах эффективной и безопасной профессиональной деятельности является не только важной теоретической проблемой, но и актуальной задачей, успешное решение которой имеет большое прикладное значение.

Список литературы

1. Аграновская, Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности / Е. В. Аграновская. – М., 1988.
2. Алексеев, С. С. Государство и право. Начальный курс / С. С. Алексеев. – М., 1993.
3. Графский, В. Г. Власть законов: история идеи и современность / В. Г. Графский // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 2000. – С. 31–95.
4. Клейменова, Е. В. Правовая культура и ее стандарты в Конституциях Российской Федерации / Е. В. Клейменова, К. А. Моралева // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 50–56.
5. Обмирщение журналистики. Как цензура и Фейсбук раскачивают лодку профессионализма. – URL: <http://www.openspace.ru/media/projects/19888/details/33033/> (дата обращения: 23.12.2014).

6. Пронина, Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. – М., 2002.
7. Рацибурская, Л. В. Жаргонный словарь печатных СМИ / Л. В. Рацибурская // Социальные коммуникации. – 2011. – № 1. – С. 78–82.
8. Теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – М., 1997.
9. Тугаринов, В. П. Природа, цивилизация, человек / В. П. Тугаринов. – М., 1978.
10. Социальная антропология права современного общества / И. Л. Честнов [и др.]. – СПб., 2006.

Х. С. Трусова

(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГАСТИКИ В МЕДИАТЕКСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Современная стратегия государственной национальной политики нацелена на сохранение многообразия культуры народов, населяющих Российскую Федерацию. Институты общества призваны способствовать гармонизации межнациональных отношений и формированию идеи единства народов России. Журналистика обладает эффективными репрезентативными ресурсами, содействующими развитию диалога культур.

Основным методом, применяемым при анализе журналистских материалов в контексте конструирования межнациональных отношений, является этнолого-культурологический подход, согласно которому журналистика рассматривается в совокупном функционировании с такими категориями, как этнология, этнография и культурология [10, 42]. В настоящей статье мы акцентируем присутствие в журналистике этнографического и культурологического компонента национальной кухни, т.е. рассматриваем медиатекст с точки зрения коммуникативной функции еды, поскольку «пища в процессе исторического развития общества и конкретно в области регионоведения, этнографии, антропологии, межкультурного и межличностного человеческого общения не только играет выдающуюся роль, но и относится в важному разделу материальной культуры человечества» [5, 9]. Учитывая современные направления журналистики, наиболее активным с точки зрения репрезентации этнокультуры является travel-журналистика, призванная давать информацию о путешествиях через призму истории, географии, культуры [7]. Молодым, начинающим динамично развиваться, но не изученным исследователями направлением, является food-журналистика. Это тематический медиасегмент, посвященный гастрономии. Изучению этого аспекта будут посвящены наши последующие статьи. Здесь же мы обозначим проблемную

область отражения в журналистских публикациях особенностей национальной кухни и актуализируем изучение этой проблемы.

Специалист в области межкультурной коммуникации Г. Г. Молчанова выводит гасику, науку, о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, об этикете приема пищи, о культурных и коммуникативных функций снадобий и угощений, о традициях, связанных с потреблением пищи [4], в один ряд с литературой, религией, моралью, подчеркивая не меньшую значимость первой области. Ученый аргументирует свою позицию следующими пунктами: 1) еда обнаруживает, проявляет, отражает нравы народа, проживающего в данном регионе; 2) еда – показатель общего уровня цивилизованности народа региона, его таланта, оригинальности и особенностей национального мышления, уровня приспособляемости к природным условиям среды обитания; 3) национальная кухня региона – один из критериев определения психического склада нации, отражающегося в господствующих кулинарных вкусах и пищевых пристрастиях [5, 9]. Поэтому не случайно многие исследователи в своих научных трудах обращаются к национальной кухне как одному из характерных признаков менталитета народа. Например, Л. А. Волова в учебном пособии «Этногенез и культурные традиции народов Северного Кавказа» пишет, что «важнейшей сельскохозяйственной культурой у адыгов было просо, хотя высевались и пшеница, и полба. Поэтому основным продуктом питания – "хлебом" адыгов – <...> была паста. Из пшена варили похлебка "хант-хупс", а из просяной муки пекли лепешки» [2, 33] или «горцы отличались воздержанностью в употреблении хмельных напитков» [2, 33]. О. С. Павлова, в монографии, посвященной изучению социально-психологического портрета ингушского этноса, также уделяет внимание традиционной пище, в которой «на протяжении веков использовались и используются мясомолочные и мучные блюда. Самым предпочтительным видом мяса является баранина. Употребляется в пищу также мясо крупного рогатого скота, курятина. Самое популярное традиционное мясное блюдо – это дулх хьалтIам – вареное мясо с галушками и соусом. Мясному соусу (приправе, подливе) берхIа в ингушской кулинарии придается большое значение. Соус – это не просто мясной бульон. Он содержит в себе специи, душистые травы, лук, яйца, муку, мелко тертый картофель. Его подают в пиале. Его не принято есть ложкой, а в него макают мучные изделия, например, галушки или лепешки, а при повседневной трапезе очень часто и белый хлеб. <> Существует специфика ингушской кухни, связанная с требованиями ислама. Так, в пищу принято употреблять только халяльное мясо, т.е. разрешенное по исламу» [6, 187]. Подробно рассматривая свадебный обряд, автор книги отмечает: «Невесту сначала заводят на кухню или в комнату свекрови, которая угощает невесту медом, желая сладкой жизни» [6, 185]. В пособии Н. В. Данилевского «Кавказ и его горские жители в нынешнем положении» в разделе «Нравы горских кавказских жителей» также отдельным тематическим

блоком описывается пища горских народов, например в контексте отличительной для кавказских этносов традиции гостеприимства: «Во время пиров для гостей выставляют множество мяса, дичины и домашних птиц; убивают быка, ставят на стол целых баранов» [3, 39]. В рассматриваемом нами аспекте фундаментальным трудом является серия книг, издаваемых Институтом этнологии и антропологии РАН, «Народы и культуры». Важно отметить монографию Е. К. Рева, где, в частности, затрагиваются вопросы коммуникативной функции еды в контексте изучения особенностей репрезентации этнокультуры народов Северного Кавказа в периодической печати [9].

При изучении нашей темы следует подчеркнуть, что журналистика, реализуя культууроформирующую функцию [1; 8], усиливает роль культуры (в том числе и национальной) в обществе и укрепляя ее свойства: «репрезентация этнокультуры акцентирует ее социальность, то есть посредством отражения в тексте национальных духовных доминант этнической группы повышается эффективность процесса межкультурной коммуникации, а понимание этнокультурной природы этноса ведет к стабилизации межнационального диалога; журналистика «обеспечивает» культуре преэминентность, выступая письменным (устным) источником ее передачи последующим поколениям; семиотическая природа культуры, не всегда понятная в процессе бытового общения, акцентируется посредством этнокультурной представленности в журналистике; авторский комментарий расшифровывает символичность национальных поведенческих особенностей, ритуалов, обычаев, межличностного взаимодействия членов этнической группы» [10, 47].

По нашему мнению, философия еды и ее репрезентация в медиатексте – перспективное направление, требующее подробного изучения, которое найдет отражение в наших последующих публикациях.

Список литературы

1. Ахмадулин, Е. В. Основы теории журналистики : учеб. пособие / Е. В. Ахмадулин. – М. ; Ростов н/Д : МарТ, 2008. – 320 с.
2. Волова, Л. А. Этногенез и культурные традиции народов Северного Кавказа : учеб. пособие / Л. А. Волова. – 2-е изд., перераб. – Пятигорск : ПГЛУ, 2008. – 210 с.
3. Данилевский, Н. В. Кавказ и его горские жители в нынешнем положении / Н. В. Данилевский. – Нальчик : ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. – 44 с.
4. Коноплева, Н. Многоликая ложка / Н. Коноплева // Наука. – 2002. – № 11. – С. 128–129.
5. Молчанова, Г. Г. Традиции гасистики как отражение национальной и региональной идентичности / Г. Г. Молчанова // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 9–19.
6. Павлова, О. С. Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета / О. С. Павлова. – М. : Форум, 2012. – 384 с.

7. Показаньева, И. В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства / И. В. Показаньева // Медиаскоп. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 18.08.2015).
8. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие / Е. П. Прохоров. – 7-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 351 с.
9. Рева, Е. К. Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: межнациональный аспект / Е. К. Рева. – Пенза : ПГУ, 2014. – 300 с.
10. Рева, Е. К. Основные принципы взаимодействия этнологии, культурологи и журналистики: теоретический аспект / Е. К. Рева // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 3. – С. 42–48.

И. А. Хамзах

(г. Багдад, Ирак)

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ИРАКСКОМ ЖУРНАЛЕ «АЛЬ-ТАКАФА АЛЬ-АДЖНАБИЯ» («ИНОСТРАННАЯ КУЛЬТУРА»)

Русская литература занимает важное и очень высокое место в мировой литературе, поэтому иракцы, как и другие народы мира, начали переводить русские произведения на арабский язык. Начало процесса переводов относится к двадцатым годам XX в., и с той поры Ирак внес свой значительный и очень ценный вклад в область перевода русских произведений. Естественно было создать специализированный журнал иностранной литературы, который был бы занят исключительно переводами произведений литературы на арабский язык. Таким и стал журнал «аль-Такафа аль-Аджнабия» («Иностранная культура»), который сделал художественную литературу разных стран, в том числе и русскую, своей центральной темой и характеризуется в арабских странах как первый своеобразный опыт профессиональной переводческой деятельности, широко открывшей дверь в область сравнительного литературоведения. Можно сказать, что этот журнал установил прочную связь арабских стран с современным литературным миром.

Первый выпуск этого журнала состоялся в 1980 г., и он издается по сей день. Через несколько номеров стало ясно, что этот журнал имеет специфические черты: его материалы всегда новы и почерпнуты из достоверных источников. Еще одно важное его качество – стремление к точности переводов. Известно, что вообще в арабской литературе довольно свободно относились к вопросу о точности перевода, и очень часто переводчики значительно отклонялись от текста первоисточника. Однако журнал «аль-Такафа аль-Аджнабия» в этом отношении может быть назван примером строгости выдерживания требования избегать искаже-

ния текста оригинала. Почти в каждом номере этого журнала, мы читаем статьи о проблемах перевода, которые поставлены здесь на уровень методологии.

Уделял внимание журнал и литературным направлениям. Так, в русской литературе внимание оказывалось характеристике романтизма и реализма.

Еще об одной особенности направления журнала необходимо сказать особо – рассмотрении литературных явлений в широком культурологическом аспекте. Журнал всегда внимательно следит за всем, что происходит в области культуры. Основная цель журнала – ознакомление арабского читателя с достижениями других народов в области культуры, литературы и искусства и тем самым стремление развивать и обогащать арабскую культуру, пополняя библиотеку арабского читателя. Заботы о теории и практике развития культуры положены в основу названия журнала. Именно так и появился журнал «аль-Такафа аль-Аджнабия» («Иностранная культура»). Не случайно издание стало пользоваться интересом у широкой аудитории читателей, писателей и переводчиков. Прибегая к своеобразной стилистике и образности арабского языка, скажем, что журнал открыл большое и широкое окно арабскому читателю на горизонты мировой культуры. Переводы с русского языка зачастую сопровождаются значительными по объему пояснительными статьями, резюме или комментариями, которые знакомили арабского читателя с биографиями переводимых авторов и основными темами его творчества. Так, в переводе Саык аль-Джалыда в журнале был напечатан известный труд В. Вересаева, но с несколько измененным названием «Каким был Пушкин в жизни». (1987, № 2), а позднее Кадым Саад аль-Дин под названием «Александр Пушкин» собрал материал о поэте и опубликовал его на арабском языке (1999, № 3). «Шинель» Гоголя из цикла «Лекции Набокова» перевел Наджи альХадиси (1997, №. 1). Юсиф Абдул Масих Сарва перевел ст. П. Никитина «Тургенев и драма человеческой слабости» (1984, № 3), отрывки из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1988, №. 3) и ст. С. Загалина «Толстой и человеческое присутствие» (1980, № 3). Под названием «Многоголосие в романе Достоевского» публиковался известный труд М. Бахтина (переводчик д-р Джамиль Насеф. – 1980. № 4). В разные годы печатались материалы о Чехове, Б. Пастернаке и др.

Читатель всегда интересовался не только собственно русской литературой, но и русской культурой в целом. Русская литература привлекала богатством идейного содержания, своим гуманистическим характером. По авторитетному мнению исследователя, «популярность русской литературы в странах Востока объясняется близостью ее художественного мира и гуманистического содержания социальным запросам, духовным поискам и эстетическим взглядам литераторов этих стран, искавших в это время пути развития своих собственных литератур» [1, 7].

Интерес к русской литературе ясно проявляется в журнале «аль-Такафа аль-Аджнабия» («Иностранная культура») публикациями различных литературных материалов и особенно дневников русских писателей. Иракские переводчики стремятся к всестороннему освещению литературных явлений и явлений культуры. Даются характеристики эпохи, в которую жил писатель, сообщается о культурных пристрастиях того или иного автора и с постоянной обязательностью затрагиваются вопросы о том, чем именно может быть интересен переводимый писатель или его произведение арабскому читателю. Рассмотрение русской литературы в ее истории и существованию данного произведения в конкретно-историческом времени выгодно отличает позицию редакции журнала. Наконец сама литература представлена разножанрово: переводятся пьесы, рассказы, повести, романы, особенно романы русской классической литературы.

Представлена в журнале и русская литературная критика. Читателям журнала известны имена Белинского, Добролюбова, Писарева.

Появляются и статьи, посвященные языку писателя. Литературный перевод – это эффективный способ обновления и развития нашего сознания, и в таком понимании переводчик должен быть осведомлен о характере развития языка, с которого он переводит [2, 20].

Мы заметили, что стиль переводчиков отличается друг от друга. Лучший перевод – это перевод который заставляет нас забыть, что мы читаем переведенный текст. Переводчики – это творцы подобно писателям, и, как сказал Пушкин о переводчиках, «они почтовые лошади просвещения и посланники человеческой души» [3].

Список литературы

1. Русская классическая литература в странах Востока / сб. ст. – М. : Наука. – 1982.
2. Д-р Халосы Сафаа. Искусство перевода. – Багдад, 1958.
3. Большая книга афоризмов / сос. К. Душенко. – М. : Эксмо, 2004.

И. Ф. Шувалов

(г. Пенза, Россия)

УНИВЕРБАТЫ СУФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Универбаты – это наименования, образованные путем универбации (или универбализации), при которой путем «стяжения» нескольких слов (как правило – двух) в одно, получается новое, эквивалентное им по значению [3, 577]. Такие слова называются еще и универбами.

Термин «универбат» («универб») не однозначен. Он употребляется в довольно узком значении, при котором универбатом считается одно-

словное наименование, образованное из атрибутивного словосочетания «прилагательное + существительное» с помощью суффикса **-к(а)** типа *районная газета* – **районка** [4, 135]. При широком понимании термина универбатом считаются наименования, образованные путем аббревиации, сложения (*нефтяная скважина* – **нефтескважина**), субстантивации (*сборная команда* – **сборная**) и суффиксации, в том числе и с помощью нулевого суффикса (*чрезвычайная ситуация* – **чрезвычайка**, *цифровое ТВ* – «**цифра**») [3, 577]. Мы в своей статье будем рассматривать универбаты, образованные только по модели Пр. + Сущ. с помощью разных суффиксов (и нулевых!), как самые частотные и бросающиеся в глаза на страницах газет.

Материалом для статьи послужили наблюдения над языком таких центральных изданий, как «Аргументы и факты» (далее «АИФ»), «Комсомольская правда» – «толстушка» (далее «КП») и некоторых других, а также региональных газет – «Пензенская правда» («ПП»), «Улица Московская» («УМ») и иных. Наблюдения велись на протяжении более двух десятилетий (конец XX и начало XXI вв.). В картотеке автора около тысячи, в основном неповторяющихся, наименований.

Универбаты, образуемые на модели Пр. + Сущ. с помощью суффиксов, довольно часто встречаются на газетной полосе и не представляют тематического единства. Так, например, лингвист Л. В. Шалина выделяет шесть наиболее распространенных тематических групп универбов на **-к(а)**. Это наименования: 1) территорий, помещений и учреждений: *Лермонтовка, учебка*; 2) средств передвижения: *маршрутка*; 3) периодических изданий и корреспонденций: *молодежка, электронка*; 4) одежды: *дубленка*; 5) лиц женского пола: *обнаженка*; 6) универбов-квантификаторов: *двушка, трехтонка* [4, 136]. «Их список можно продолжить», – отмечает Л. В. Шалина.

На самом деле, наш материал позволяет выделить еще следующие группы универбатов, обозначающих:

- а) сооружения: *высотка, канатка, панелька*;
- б) отрасли производства, хозяйства: *оборонка, нефтянка, социалка*;
- в) названия как результат действия: *обналичка, напряженка, упрощенка, озвучка, прослушка, сберегайка*;
- г) документы: *платежка, кредитка*;
- д) продукты и пищевые изделия: *молочка, ликерка, кондитерка*;
- е) игрушки: *стрелялка, бомбилка*;
- ж) и другие.

Среди универбатов-наименований предметов, кроме образований с суффиксом **-к(а)**, встречаются слова и с суффиксами: **-ушк(а)**: *двушка, однушка, духовушка, легковушка*; **-яшк(а)**: *себяшка, потеряшка, вкусняшка*; **-ешк(а)**: *трешка* (квартира).

С суффиксом **-к(а)** все чаще образуются универбаты и от сочетаний прилагательного с абстрактным именем существительным: *гуманитарная*

помощь – гуманитарка; безысходное положение – безысходка; альтернативная служба – альтернативка, преподавательская работа – преподаваловка. Они обозначают отвлеченные понятия.

Например: *С лучезарным временем пока **напряженка** («АИФ», 9-2013; первая цифра обозначает номер издания, вторая – год); Для предприятий, работавших по **упрощенке**, ставка социальных налогов ... выросла («АИФ», 11-2012); ... некоторым командам стоит искусственным путем организовать себе такую **безысходку** («АИФ», 31-2007).*

Универбаты образуются и с суффиксом **-як(ак)-**, например: *Зачем мигать какому-нибудь чудаку на джипе **дальняком** и предупреждать («УМ», 10-2009): Англия стонет от **договорняков** («КП», 23-30.10, 2013) – договорных матчей в футболе.*

Отметим, что с этим суффиксом образуются универбаты-существительные мужского рода. А все другие слова с суффиксами на **-ка** (их абсолютное большинство!) являются существительными женского рода.

Помимо вышеназванных суффиксов, в образовании универбатов участвуют и суффиксы **-овк-**, **-ловк-**, **-лк-**.

Например: *В те годы членство в партии ... было почти **обязаловкой** («АИФ», 24-2015); «Большая двадцатка» занималась **мелочевкой** («АИФ», 41-2009); Из компьютерных игр допускаются только игры развивающей направленности, никаких **«стрелялок»** и **«бомбилок»** («КП», 17-25.05, 2008).*

Образование всех названных выше универбатов идет по одной схеме: определяемое слово-имя существительное опускается, а к основе, полной или усеченной, имени прилагательного, в том числе и отглагольного, присоединяется тот или иной суффикс: *высшая мера наказания – **вышка**, Нобелевская премия – **Нобелевка**, договорной матч – **договорняк**, упрощенное налогообложение – **упрощенка**, обязательное условие – **обязаловка**, незамерзающая жидкость – **незамерзайка**.*

Кроме суффиксальных образований, к универбатам относятся и такие словоформы, которые представляют собой усеченную основу определяемого прилагательного, т.е. слова, созданные с помощью нулевого суффикса, типа **пластик** (пластиковая карта), **стратег** (стратегический бомбардировщик), **цифра** (цифровое телевидение).

*Я не согласен, что новое поколение – прямо так уж **инфантилы** («КП», 24.06-01.07, 2015); Ведь **большегрузы** будут гнать без присмотра («АИФ», 40-2010); ... переход на **«цифру»** будет еще круче ... Количество телепередач ... увеличится в разы («УМ», 31-2008).*

Ведущий специалист в области словообразования Е. А. Земская относит к универбатам и такие единицы, которые используются «для сокращения длинных официальных наименований. Ср. *работники оборонной промышленности* – **«оборонщики»**. Так, людей, работающих в **«силовых структурах»**, именуют **«силовики»**; в различных отраслях производства – **«отраслевики»**, помещая обычно подобные слова в кавычки» (1, 105).

Такие универбаты образуются также суффиксальным способом, но по другой схеме, чем рассматриваемые нами, и обозначают не наименования «предметов», а лиц, которые в данной статье не анализируются.

Е. А. Земская отмечает, что «универбаты служат не только средством компрессии речи, но и средством экспрессии. Так, – приводит она пример, – Учредительное собрание пренебрежительно именуется учредилка (по типу *забегаловка*, *тошилолка*) [1, 119].

Универбаты являются принадлежностью разговорного языка. Среди них много слов, относящихся к профессиональной речи (*оружейка*, *ливневка*, *взлетка*, *встречка*, *бетонка*, *кисломолочка*, *незамерзайка*, *неотложка*, *прослушка*), к канцелярской речи (*наличка*, *социалка*, *управляйка*, *коммуналка*, *обналичка*, *оборонка*, *минималка*, *платежка*). Некоторые универбаты стоят ближе к просторечной лексике (*истеричка*, *разведенка*, *обнаженка*, *брошенка*, *дурка* («дурдом»); другие, вероятно, пришли из уголовного жаргона (*вышка* – *высшая мера наказания*, *уголовка* – *уголовное преступление*, *колючка* – *колючая проволока*) и т.д. Одно несомненно: абсолютное большинство универбатов – это принадлежность разговорного стиля.

Однако не все здесь однозначно. Широкое проникновение универбатов в периодику, в публичную устную речь делают их заметными и употребительными в языке СМИ. Особенно это касается так называемых ключевых слов эпохи, т.е. слов-универбатов, которые находятся в фокусе социального внимания. В настоящий отрезок времени (десятилетия XXІ в.) к ним можно отнести такие слова-универбаты, как *социалка*, *коммуналка*, *нефтянка*, *оборонка*, *минималка*, *гуманитарка*, *наряженка* и некоторые другие. Постоянное употребление таких слов в разных языковых сферах нейтрализует их разговорную стилистическую принадлежность и делает их официальными наименованиями предметов и явлений, что дает им возможность в скором времени войти в литературный язык. И если раньше на страницах газет они заключались в кавычки как экспрессивные новообразования, то в настоящее время со многими из них этого не происходит. Более того, они употребляются в пределах одной публикации как синонимы и даже выносятся в заголовки.

Например: *На очистке ливневок ... работают четыре бригады... В Пензе есть улицы, на которых вообще отсутствует ливневая канализация* (Материал: «А если ливень?» – «АИФ»-Пенза, 12-2015). *Однако наличие лицензии – не единственное требование к «управляйке»*. *Кстати, без лицензии ... ни одна управляющая компания не вправе оказывать услуги* (Материал: «ЕГЭ для ЖКХ» – «АИФ»-Пенза, 12-2015).

Кто греет руки на оборонке? («АИФ», 15-2012); *Как прожить без налички?* («АИФ», 15-2012); *Первичка подорожала* («АИФ», 24-2014); *Платежки пошли* («АИФ», 15-2014).

Как и обычные слова, универбаты могут быть многозначными. Так, «коммуналка» может обозначать и ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство) и платежи за ЖКХ.

Например: *За долги по «коммуналке» расплатился банк («КП»-Пенза, 28.09.2006). Оплачивать «коммуналку» на почте – не только удобно, но и выгодно* (Заголовков, «КП», 17-24 ноября 2009).

Образование универбатов приводит к появлению омонимов. Например, слово «вышка» в предложении «... в апреле озвучивалась идея разделить «вышку» на два дивизиона» («Биржевая газета», 35 – 2006) означает «высшую лигу» в хоккее. В жаргоне тюремщиков это слово обозначает «высшую меру наказания», а в литературном языке – у него свои значения [2, 123].

Судьба универбатов различна. Они быстро возникают и легко уходят из языка [1, 119]. Количество их фиксаций увеличивается год от года [4, 137]. И если такие универбаты, как «дублинка», «маршрутка», «самоволка» и некоторые другие уже вошли в «Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [2:181, 343, 694], а, например, «электронка», «коммуналка», «районка» скорее всего тоже будут зафиксированы в подобных изданиях, то такие образования, как «обручалка» (обручальное кольцо), «кучевка» (кучевые облака), «ликерка» (сорт вин) и многие другие – по нашему мнению, вряд ли. Они так и останутся окказиональными новообразованиями, основная роль которых – эмоционально-экспрессивная, призванная дать новое, свежее наименование тому, что уже есть в языке, и тем самым воздействовать на читателя, привлечь его внимание.

Широкое употребление рассмотренных нами универбатов в языке СМИ последних десятилетий очевидно. «В этом факте обнаруживается общая особенность языка нашего времени: перемещение явлений периферийных, маргинальных в центр системы, что свидетельствует о высокой динамичности системы в функциональном аспекте» [1, 118].

Список литературы

1. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца столетия (1995–1995). – М., 1996. – С. 90–140.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.
3. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. – 703 с.
4. Шалина, Л. В. Функционирование слов-универбов в периодической печати (на материале центральных и региональных газет) / Л. В. Шалина // Функционирование региональных СМИ в современных условиях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2006. – С. 134–139.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖУРНАЛИСТА И АУДИТОРИИ

Телевизионный текст специфичен в силу своей природы – значительная смысловая нагрузка ложится на изображение. Поскольку традиционно в теории журналистики определяют ее главную цель в информировании индивида, человек в кадре и экран служат для аудитории своеобразным окном в мир. Но, включив телевизор, человек вступает в отношение с искусственно организованной средой существования. Он не столько воспринимает информацию, сколько сопереживает поведению «лиц на экране», с которыми себя идентифицирует; что-то принимает или отвергает, вступая во внутреннюю дискуссию с предлагаемыми ему мнениями, суждениями, оценками; формирует определенное отношение к дикторам и комментаторам как к партнерам по реальному общению, требуя от них уважения, эмоциональной теплоты, «похожести» на себя или на свой идеал («авторитет»). Таким образом, человек «проживает» часть своей жизни в этой искусственной среде. И от его восприятия зависит, насколько творцам этой среды удалось учесть и закодировать все аспекты процесса общения [1].

Именно журналист выходит на первый план в процессе взаимодействия телевизионного информационного продукта и аудитории, поскольку он не только автор, но и носитель его вербальной части. При этом речь становится важнейшим критерием оценки собственно журналистского текста и частью коммуникации. Она включает в себя сразу несколько составляющих: дикцию, темп, тембр, интонацию, тон, умение «держаться» паузу.

Дикция – важный компонент журналистского телевизионного произведения. Журналиста с плохой дикцией попросту не выпустят в эфир. Но, к сожалению, такое утверждение в наше время выглядит, по крайней мере, слишком оптимистично. Картавость! Она прочно обосновалась в телевизионном эфире. Создается впечатление, что на отечественном телевидении, особенно на каналах с государственным участием, специально набирают в штат журналистов и ведущих с «фефектом фикции». Смешной эпизод в советском фильме «По семейным обстоятельствам», в котором исправляющий речь логопед не выговаривает половины звуков, украсил комедию. А что прикажете делать бедному зрителю, когда его слух «спотыкается» практически на каждом слове? Смысл ускользает, время идет, сюжет закончился. И где эти самые смыслы? Что там было? Вернуться и прочесть текст вновь, как в газете, невозможно. Но тем, кто осуществляет эту самую вещательную политику, до таких очевидных

проявлений непрофессионализма нет дела. Тем более, до аудитории, потребляющей контент. Интересно, теоретики, исследователи языка телевидения заметили, что за этими интернациональными понятиями «контент», «потребители продукта» в действительности теряются цели и задачи журналистики как таковой? Нам все нужно делать на иностранный манер, про который А. С. Пушкин давно сказал, что «на чужой манер хлеб русский не родится»!

Мини-опросы архангельской аудитории показали следующее (в опросе приняли мужчины и женщины, всего сто двадцать человек, в равных пропорциях). Свыше шестидесяти процентов отрицательно относятся к дефектам речи журналистов и считают, что таким людям не место на телевидении. Яркий пример – ведущая телеканала «5» (Санкт-Петербург) Ника Стрижак, которая не произносит «р». У нее нашлись и поклонники, и противники. Правда, опрошенным не был задан вопрос, насколько полно воспринимается та информация, которую ведущая должна донести до аудитории. Восприятие телепередачи массовой аудиторией часто определяется эмоционально-оценочным отношением к ведущему. В обобщенном сознании это проявляется в феномене «популярности ведущего»: зрителя привлекает (или отторгает) не столько информационная сторона сообщения, сколько личность телекоммуникатора. Но скажите на милость, какая популярность или обаяние (влияние) личности у студентов кафедры журналистики С(А)ФУ, которые работают в штате ГТРК «Поморье»? И не просто снимают сюжеты, озвучивают их в эфире, начитывают текст за кадром?.. Разве что у них в качестве «козырной карты» имеется тот самый «фефект фикции». А куда денешься – образчики на ведущих отечественных каналах

Профессиональная деятельность выдвигает ряд специфических требований к психическим и личностным качествам журналиста/ведущего, определяет его когнитивно-коммуникативный стиль. Но поскольку мы говорим о взаимодействии автора и зрителя через телевизионный текст, то не можем обойти вниманием следующее: темп речи, господствующий на отечественном телевидении. В девяностых годах появился и продолжает мирно существовать Вадим Глускер (НТВ), буквально захлебывающийся в собственном потоке слов (к тому же еще и неопрятный: вечно небритый). За ним – глухо вещающая Ирада Зейналова: сначала в телевизионных сюжетах, затем как ведущая итоговой воскресной программы «Время» (Первый канал). Голос имеет огромное значение для зрителя. Именно по нему могут узнать журналиста – это его своеобразная визитная карточка. Она у обоих, безусловно, есть. Но не слишком ли утомительна?

Специалисты обозначают нормальный темп русской речи – примерно два слова в секунду, т.е. 120 слов в минуту. Темп журналистской речи может быть слишком быстрый или слишком медленный – это две

крайности. Ни та, ни другая не будут адекватно восприняты зрителем. Также важно отметить, что в определенных ситуациях журналисту важно темп речи менять. Чтобы интонационно подчеркнуть какие-либо факты, на чем-либо сконцентрировать внимание, используются такие психологические факторы, как слуховое и эмоциональное восприятие, а также ассоциативность. Но как его будешь менять, если глаза журналиста обращены не на объектив камеры, тем самым на зрителя, а на телесуфлер, который судорожно читают, не замечая знаков препинания, т.е. указаний на то, что нужна смысловая пауза. И сколько раз вынужденно (не хватает воздуха или закончилась на экране строка) делают ее, многострадальную, в середине слова или перед словом, завершающим предложение.

Любой журналист должен уметь подстраивать свой голос под ситуацию и уметь с ним обращаться. Но это в том случае, когда адекватно оценивают его возможности, способности, образованность и общую культуру. Даже на одноименном канале не все так благостно, как представляется на первый взгляд. Как только в эфире появляется Лада Аристархова, хочется выключить звук, избавляясь от ее невыносимой трескотни. Но, оказалось, что ситуация не безнадежна. Когда проходил Международный конкурс имени П. И. Чайковского, Л. Аристархова интервьюировала музыкантов-знаменитостей в Большом зале Московской консерватории. Удивительно – говорила, спокойно, внятно, даже с каким-то достоинством. Кто-то, видимо, обратил внимание на ее раздражающий темп речи! Но, самое приятное, – конкурс закончился, а Лада к прежним привычкам не вернулась.

Вот так бы обратили внимание на уровень подготовки журналистов на всех каналах, на которых много говорят об объявленных Президентом России годах литературы, русского языка, истории, книги, культуры; о едином диктанте, о чиновниках, которые не могут написать грамотный текст. Вероятно, в любой профессии есть свои издержки. Наша главная беда состоит в том, что в журналистике, особенно в телевизионной, укрываясь за оператором, режиссером, звукорежиссером, спокойно, безбедно, бесстыдно может существовать тот, кого называют уже не журналистом, а коммуникатором. Мы хорошо знаем, что в языке просто так ничего не появляется, даже заимствования из чужого языка.

И все же в заключение отзыв молодого архангелогородца: «Аркадий Мамонтов – лучший журналист. Его фильмы и материалы всегда насыщены информацией, при этом он всегда четко и ясно все разъясняет. Прекрасный голос, тембр, ритм. Жаль, что у нас мало таких на телевидении».

Список литературы

1. Матвеева, Л. В. Коммуникативный акт в условиях опосредования / Л. В. Матвеева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 4. – С. 14–19.

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОЙ МАНЕРЫ В. А. ГИЛЯРОВСКОГО НА РАННИХ ЭТАПАХ РЕПОРТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Гиляровский, вошедший в историю русской литературы прежде всего как талантливый журналист и публицист, значительную часть своей творческой энергии реализовал, работая последовательно в трех московских газетах: «Московский листок», «Русские ведомости» и «Русское слово». Отчеты о спортивных и общественных событиях, зарисовки театральных постановок, описания разнообразных городских происшествий – это составляет весомую долю его творческого наследия.

К сожалению, этот обширный и, несомненно, важный период журналистской деятельности Гиляровского на сегодняшний день не имеет достаточно полного освещения в научной литературе. Это не в последнюю очередь связано с тем, что большая часть его материалов публиковалась в газете анонимно, в колонке ежедневных происшествий. Б. И. Есин справедливо отмечал: «Несмотря на то, что Гиляровский проработал в «Русском слове» более десяти лет (с 1901 по 1913), у нас до сих пор нет более или менее полной картины сотрудничества журналиста в газете Сытина, характеристики тематики и жанрового своеобразия его материалов. Многие публикации не выявлены и никем не собраны» [3, 6]. Эти слова не утратили актуальности и сегодня.

В повседневной публицистике, как традиционно принято считать, довольно сложно в полной мере проявить авторскую индивидуальность. Особенно если речь идет о будничной, «черновой» репортерской работе – а именно ей большей частью занимался Гиляровский во время своего сотрудничества с московскими изданиями. «Я вел городские происшествия и в случае катастрофы, эпидемии или лесных пожаров командировался специальным корреспондентом» [2, 83] – вспоминал об этом периоде Гиляровский. Он не выбирал себе темы сам – он писал по заданию редакторов. И вместе с тем, если это было возможно, никогда не ограничивался безликой подачей материала, простым перечислением фактов.

Репортажи, чья принадлежность перу Гиляровского несомненна, поскольку они подписаны либо собственным его именем, либо одним из доподлинно известных псевдонимов, представляют собой в свете концепции художественного натурализма довольно любопытное явление как в содержательном аспекте, так и с точки зрения стиля и языка.

Важно не упустить из виду, что основной темой Гиляровского были чрезвычайные происшествия разного рода, которые необходимо было описать и предоставить на обозрение широкой публики. «На мне лежала

обязанность вести хронику происшествий,— должен знать все, что случилось в городе и окрестностях, и не прозевать ни одного убийства, ни одного большого пожара или крушения поезда» [1, 24].

Таковы почти все наиболее известные и обширные репортажи Гиляровского: «Страшная катастрофа на Курской железной дороге», «Катастрофа на фабрике Хлудова», «Катастрофа на Ходынском поле», «Ураган» и т.д. Схожесть названий говорит сама за себя. Лишь немногие из репортажей посвящены событиям более мирным, которые привлекают внимание за счет своей исключительности или общественной значимости: «Солнечное затмение над Москвой», «Ловля собак в Москве», «Подземные работы в Москве».

Наиболее плодотворным представляется рассмотрение содержательного аспекта репортажей В. А. Гиляровского, посвященных различным трагическим событиям: стихийным бедствиям, катастрофам на производстве, уголовным преступлениям и т.п. Данный выбор продиктован, во-первых, особым значением, которое этим материалам придавал сам Гиляровский, во-вторых, тем, что подобная тематика сопровождала его на всем протяжении журналистской деятельности, впервые прозвучав еще в коротких заметках на страницах «Московского листка» в 1881 г.

Репортаж, взятый нами для рассмотрения, не имеет заглавия, зато имеет подпись — «Вл. Г-й». Он был опубликован в № 57 «Московского листка» 8 октября 1881 г., в разделе «По городам и селам. Из Троицкого посада» с уточняющим замечанием «От нашего корреспондента». Это одна из самых ранних публикаций Гиляровского, подписанная его именем.

Речь идет о преступлении, которое совершила крестьянка Елена Алексеева, наемная работница, топором смертельно ранив своего хозяина и нанеся серьезные травмы его жене и детям. Однако Гиляровский не сразу раскрывает обстоятельства убийства. «Все в посаде теперь крайне заинтересованы страшным злодейством, виновником которого была крестьянка Елена Алексеева, а жертвами крестьянин Семен Филиппов, огородник, его жена и малолетний сын» [3, 49] — так начинается репортаж. Уже в этой вступительной фразе видны некоторые особенности публицистики конца XIX. Она призвана заинтриговать, создать соответствующий эмоциональный фон, побудить к дальнейшему прочтению. Читатель уже понимает, что произошло нечто ужасное, но о том, что именно случилось, ему предстоит пока только догадываться. Гиляровский не раскрывает всех тайн до тех пор, пока не ознакомит читателя с обстановкой и деталями происшествия: «Чтоб подробнее и яснее объяснить факт, опишем место действия. Это обыкновенная небогатая крестьянская изба, в 2 сажени длины, полторы ширины и сажень с небольшим высоты. Направо, при входе в дверь, широкая кровать, сделанная из досок на козлах, дальше от нее до переднего угла идут широкие лавки и стол. Налево — русская печь с местом для спанья, между ним и потолком — пространство

не более 3/4 аршина, далее, за печкой, дверь и перегородка кухни, куда и выходит устье печи...» [3, 49] и т.д. При этом он старательно избегает даже слова «убийство», заменяя его неконкретными, обтекаемыми оборотами: «страшным злодейством», «злодейство было совершено», «задумавшая страшное дело»...

И только когда читатель проникся атмосферой последующего события, представил себе место, время действия и всех его участников, Гиляровский дает эмоциональную и детальную картину страшного преступления, полную экспрессивно-оценочной лексики и личностных переживаний: «Уверившись вполне, что все спят крепко, она зажигает свечу, берет топор, которым днем рубила капусту, потихоньку подкрадывается к Филиппову, спящему беззаботно на печи, и ударом топора наносит ему рану в голову... Видя, что рана не смертельна, она продолжает наносить удары... В это время жена огородника, должно быть, разбуженная стоном мужа, просыпается и вскакивает с постели...» [3, 50].

Разумеется, автор не видел и не мог видеть всего этого. Между тем, едва ли можно предположить, чтобы Гиляровский с его склонностью к точному отображению событий, внимательностью и даже некоторой дошностью попросту выдумал все эти подробности. Однако он воссоздает картину произошедшего, не ссылаясь при этом ни на участников, ни на возможных свидетелей преступления. Это не попытка утаить источники информации. Это – дань традиции.

Уже на примере этой сравнительно небольшой публикации можно заметить, что репортаж Гиляровского на начальном этапе его творческого пути создается практически по театральным канонам: описание места и времени действия, представление персонажей с краткой характеристикой, затем собственно описание произошедшего. По большому счету, здесь вполне выделяемы даже некоторые сюжетные элементы, хотя публицистические жанры в силу своей специфики сюжета обычно лишены. Завязка: «...крестьянка Елена Алексеева, работавшая на огороде у Филиппова поденно (рубили с гряд капусту), вечером, рассчитываясь с ним, увидела у него деньги...» [3, 49]; развитие действия: «Когда все рабочие ушли, она осталась ночевать у хозяев... Елене Алексеевой постлали между столом и перегородкой, на полу. Хорошо поужинав, наработавшись день, – а сам Филиппов даже немного подвыпивши, – все заснули крепким, спокойным сном...» [3, 49]; кульминация – сцена «жестокое злодеяния»; развязка: «Составлен был немедленно акт, и раненные отправлены в больницу» [3, 51]. Материал выстроен таким образом, что даже собственно репортажный элемент в классическом его понимании предстает как обширный эпилог, начиная со слов «Сегодня в 10 часов утра я был в больнице...» и заканчивая «В настоящее время она под арестом, и не только сохраняет полное присутствие духа, но даже дерзко отвечает на вопросы» [3, 51–52].

Как видим, Гиляровский, только начиная пробовать себя на журналистском поприще, стремится в полной мере соответствовать устоявшемуся на тот момент образу всезнающего, эмоционального репортера, не упускающего ни одной детали. Хотя даже здесь, в ранних публикациях, его отличает отсутствие чрезмерной витиеватости.

Подвод итогов, укажем, что В. А. Гиляровский, развивая и совершенствуя свой писательский талант на журналистском поприще, никогда не позволял себе недобросовестно относиться к своему делу. Поэтому даже короткие отчеты в его исполнении всегда достоверны, точны, информативны. Кроме того, Гиляровский, дав в газету первоначальный отчет о каком-либо происшествии, затем часто возвращался к этой теме, создавая уже большой, тщательно выстроенный в композиционном плане репортаж, с продуманной идейной и стилевой составляющей.

Список литературы

1. Гиляровский, В. А. На жизненной дороге / В. А. Гиляровский. – Вологда : Вологодское книжное изд-во, 1959. – 238 с.
2. Гиляровский, Вл. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни / Вл. Гиляровский. – Вологда : Вологодское книжное издательство, 1958. – 256 с.
3. Есин, Б. И. Репортажи В. А. Гиляровского / Б. И. Есин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 112 с.

К. Ямамото

(г. Хамада, Япония)

«РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС» В ЯПОНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX в.

С тех пор как христианство вошло в Японию в XIV в., японская власть в основном считала верующих опасными. А с конца XIX в. она относилась и социалистов к числу врагов государства. В конце XIX в. – начале XX в. христианство и социализм были «друзьями» как пострадавшие от государственной власти. Но их дружественные отношения постепенно расстроились. В социалистической печати начала XX в. можно преследовать этот процесс.

Для японских социалистов в начале XX в. «религиозный вопрос» имел очень важное значение. Периодическая печать показывает, что для них тогдашние религиозные авторитеты представлялись врагами против гуманности и справедливости. На самом деле, многие японские социалисты крестились. Но они в конце концов стали принципиальными критиками христианства в целом, потому что стали замечать, что само христианство или христиане являются инструментом государственной власти.

Более того, они критиковали японскую «теократию», которая базируется на «синтоизме» (традиционная религия в Японии). В этой статье мы утверждаем, что японские социалисты считали религиозные деяния препятствием социальной реформе, хотя они неоднозначно оценивали роль религии.

В начале XX в. общественное мнение Японии склонилось к дзингоизму. Тогда подготовливали почву для войны против России. Передовые социалисты-журналисты Сюсуй Котоку (1871–1911) и Тосихико Сакай (1871–1933) возражали против воинствующего течения в массовой газете «Ерозу техо» («Утренняя газета обо всех»). Но редакционный комитет этой газеты поддержал войну против России. Осознав отсутствие места, Котоку и Сакай ушли в отставку. И они начали готовить новую организацию и печатный орган для пропаганды антивоенных взглядов и социалистической реформы. Таким образом, они создали антивоенную и социалистическую организацию «Хэйминся» («Общество простого народа»). И 15 ноября 1903 г. первая в Японии еженедельная социалистическая газета «Хэймин симбун» («Народная газета») была издана.

После ее издания, противостоя репрессивным мерам правительства, до 1910 г. социалисты продолжали публицистическую деятельность. В том же году многих социалистов заключили в тюрьмы. Тогда Котоку и его соратники (11 чел.) были арестованы по подозрению в заговоре против императора. Хотя доказательств было недостаточно, в январе 1911 г. они были казнены. После этой казни движение социалистов зашло в тупик. Они начали не политическую, а именно литературную критику, чтобы выжить в течение «зимы».

27 июня 1904 г. в английской газете «The Times» была опубликована статья Л. Н. Толстого (1828–1910) о русско-японской войне с примечанием «No Rights Reserved». И в Японии в «Хэймин симбун» № 39 (7 августа 1904 г.) эта статья была опубликована [2, 121–122]. С религиозной точки зрения Толстой резко критиковал войну, отмечая зло войны и ее вредное влияние на человечество. Статья Толстого вызвала большой резонанс в японском обществе [2, 131].

Котоку, хотя испытывал симпатию к последовательному пацифизму русского писателя, в передовой статье «Заметки об антивоенных взглядах старца Толстого» («Хэймин симбун», № 40, 14 авг. 1904 г.) критиковал Толстого. Критика относилась к религиозному характеру учения писателя. Котоку сказал: «Когда старец говорит о причинах войны и способах спасения от войны, <...> короче говоря, по его мнению, причины войны сводятся к потере религии у каждого человека. Согласно этому, спасение людей будет только в собственном раскаянии и подчинении божьей воле» [3, 35]. Для социалистов, находивших причины войны в экономической конкуренции, учение Толстого являлось искажением или утаиванием сущности войны.

5 марта 1905 г. (в то время русско-японская война уже шла) передовая статья газеты «Текуген» («Прямые слова») касалась истории политических отношений и религии в Японии. Анонимный автор сказал: «Мы хорошо знаем, что корень зла России находится в теократии. Но в русско-японской войне и у нас раскрывается тенденция к сговору политики и религии» [3, 54].

После реставрации Мэйдзи (1868) под знаменем «отделения религии от государства» новое японское правительство предприняло меры уничтожить влияние религиозных сил, тем более буддистов. Однако анонимный автор отметил, что сущностью японской государственности все-таки является теократия, как в России. Японское правительство отрицало религиозность «синтоизма». Но, пользуясь духовной щелью у японского народа, с помощью народного образования оно внедрило у своих подданных 3 принципа: «верование», «верность государю» и «патриотизм». Таким образом, анонимный автор указал на то, что после реставрации японское государство постоянно стремилось к теократической государственности, духовным ядром которой является синтоизм [3, 54–59].

10 марта 1906 г. в газете «Син Киген» («Новый век») христианский социалист Исоё Абэ (1865–1949) опубликовал передовую статью «Социализм и христианство». Сначала он указал на сходство социализма и христианства. По его мнению, они похожи в «любви к слабым», «терпимости» и «стремлении к равенству». Но Абэ сказал, что современное христианство противоречит социализму [3, 94]. В то время в Европе, тем более в Германии, христианство оказывалось формальным и консервативным. Германский император часто притеснял социалистов с помощью христианской церкви [3, 95]. Как христианин, в конце статьи он выразил надежду на преобразование общества посредством сотрудничества социалистов с христианами [3, 96–97]. Но между строчками выявлено неприятие действительности.

21 марта 1907 г. в газете «Никкан Хэймин симбун» («Ежедневная народная газета») № 54 анонимный автор написал статью «Японское христианство. Часть I». В ней автор подвергнул японское христианство резкой критике. Он писал: «Мы без колебаний решительно утверждаем, что японское христианство резко изменилось под влиянием русско-японской войны. Теперь оно носит явно государственный оттенок. И оно уже перестало быть мировой религией. Теперь оно страновится почти украшением господ, а не народной религией» [3, 203].

По его мнению, в Японии на долгое время христиане были «извергами». После реставрации, по мере того как синтоистические принципы глубоко проникали в японское общество, христиане подвергались сильному гнету. Тем более, в 1887 г., когда японскому правительству не удалось исправить неравные договоры, заключенные с европейскими и американскими державами раньше реставрации, в Японии консервативное

направление становилось сильным. Для данного направления символически обнародование «Рескрипта императора об образовании» и распространение теории духовного образования [3, 204].

Автор отметил, что в 1904 г., когда наступило время русско-японской войны, у многих японских христиан не было энергии для борьбы против угнетения. Они прекращали поднимать знамя космополитизма, потому что для фанатических националистов космополиты представлялись адскими врагами. Таким образом, христиане изменили свое направление. Восхваляя японское государство и войну, они начали атаковать социалистов, ведущих антивоенное направление [3, 204].

При таких обстоятельствах японское государство признало необходимость примириться с христианами. Во время русско-японской войны в мире распространялась теория «желтой опасности», моментом зарождения которой была реакция кайзера Вильгельма II на китайско-японскую войну (1894–1895) и Ихэтуаньское восстание (1900) [4, 144]. Согласно данной теории, для Европы Япония представлялась восточным врагом. В связи с этим японское правительство должно было создать свой образ «прохристианской» страны, потому что Россия была христианским государством; было возможно, что европейские и американские страны сочувствуют не Японии, а России. Так что японское правительство приняло меры для примирения с христианством, чтобы убрать образ языческой страны. Более того, японские дипломаты везде утверждали, что Япония – почти «христианская страна» [3, 205–206]. Таким образом, японские христиане и японское правительство подошли друг к другу, чтобы первые смыли «позор изверга», а вторые угасили репутацию «ереси». По словам анонимного автора, главные духовные лица стали настоящими политиками и дипломатами Японии [3, 206].

В следующем номере (№ 55) была опубликована статья «Японское христианство. Часть II». Она является прощальным приветом автора христианам. Он писал: «После возникновения русско-японской войны японское христианство полностью стало восхвалителем империализма и пользователем войны. Более того, оно стало инициатором эмиграционной политики. Его клеймили позором государственной религии. Для христианства это поздравительно или нет?» [3, 207].

По словам анонимного автора, усиление одной религии под покровительством государства – это признак разложения [3, 207]. С его точки зрения, японское христианство уже является рабом или инструментом японского государства. И оно является религией для господствующего слоя. Значит, оно работает для расширения японского государства, роста выгоды господствующих классов, сохранения нынешнего порядка. Автор заключил статью следующими словами: «Возможно, это поздравительно для самого христианства. Но это поздравительно для человечества? Я предлагаю вам, чистым христианам, поразмышлять об этом» [3, 209–210].

Таким образом, социалистические газеты показывают нам процесс разложения японского христианства. В 1908 г., когда газета «Ниппон Хэймин симбун» («Японская народная газета») была ликвидирована, печать социалистического направления фактически исчезла в Японии. Как указано выше, после казни Котоку и др. в 1912 г. несколько социалистов начали издавать неполитические журналы. Но после убийства анархиста Сакаэ Осуги (1885–1923) государственной властью такое время тоже закончилось. В 1920-е гг. несколько остальных социалистов и анархистов попыталось прибегнуть к террористической борьбе против японского теократического государства [1, 66–80]. Но эта борьба была не что иное, как бесплодная деятельность.

Список литературы

1. Моригава Тэцуро Гэндай ансацуси: коккакэнреку то тэроризуму (История убийств: государственная власть и терроризм). – Токио : Санъицу, 1971. – 253 с.
2. Тэйкоку о утэ: Хэйминся 100 сюнэн кокусай симподжиуму (Бей империи: сборник докладов Международного симпозиума, посвященного 100-летию с создания Хэйминся) / под ред. Умэмори Наююки. – Токио : Ронсося, 2005. – 202 с.
3. Хэймин симбун ронсэцу сю (Собрание передовых статей «Простонародной газеты») / под ред. Хаяси Сигеру и Нисиды Нагатоси. – Токио : Иванами, 1961. – 322 с.
4. Kohn, Hans. The Twentieth Century: The Challenge to the West and Its Response / Hans Kohn. – New York : The Macmillan Company, 1957. – 300 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акти Абдулхамит – координатор русско-турецкого сотрудничества Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Арехина Дарья Владимировна – аспирант кафедры журналистики Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Баасансүрэн Тугалхуу – доктор журналистики, профессор, заведующий кафедрой журналистики университета «Улаанбаатар Эрдэм», заслуженный деятель культуры Монголии (г. Улан-Батор, Монголия).

Баканов Роман Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия).

Вакурова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Государственного университета управления (г. Москва, Россия).

Грабельников Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия).

Гришанина Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Института «Высшая школы журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Данюк Александр Николаевич – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 58 (г. Пенза, Россия).

Демченко Адольф Андреевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Дубровская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Замотина Евгения Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Зверева Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия).

Зуева Галина Сергеевна – ассистент кафедры журналистики Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Иванов Анатолий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия).

Кузнецов Иван Сергеевич – студент института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия).

Кэнсо Ямамото – научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии университета префектуры Симанэ (г. Хамада, Япония).

Михайлова Татьяна Денисовна – бакалавр журналистики, корреспондент «Радио России из Пензы» (г. Пенза, Россия).

Морозова Ольга Сергеевна – студентка Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия).

Московкин Лев Израилевич – специальный корреспондент газеты «Московская правда» (г. Москва, Россия).

Мочалина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Лысюк Анастасия Александровна – студентка Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

Накано Юкио – кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры славянских языков и литератур Токийского университета (г. Токио, Япония).

Островская Татьяна Николаевна – доцент кафедры уголовного права Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Петросян Давид Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории журналистики Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Поляева Надежда Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры средств массовой информации Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

Потапов Павел Федорович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Россия).

Рева Екатерина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Сердобинцева Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Солдаткина Янина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия).

Третьякова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с обще-

ственностью Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия).

Трусова Христинья Сергеевна – студентка 4-го курса историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Хамзах Ибтисам Ахмед – преподаватель Багдадского университета (г. Багдад, Ирак).

Щеблыкин Иван Павлович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Щетинина Галина Николаевна – старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия).

Шувалов Иван Федорович – кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Юсяев Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Пензенского артиллерийского инженерного института (г. Пенза, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
<i>Акти А.</i> ОБРАЗ ТУРЦИИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ «GEO», «TRAVELER».....	4
<i>Арехина Д. В.</i> ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ КАК ПРИЕМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ МАЛЫХ НАРОДОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «РЕДКИЕ ЛЮДИ»).....	9
<i>Баасансүрэн Т.</i> ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ»).....	12
<i>Баканов Р. П.</i> ТЕЛЕВИЗИОННАЯ КРИТИКА В ПЕРЕДАЧАХ РАДИО	18
<i>Вакурова Н. В., Московкин Л. И.</i> РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА: ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА	22
<i>Грабельников А. А.</i> ПРИМЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	25
<i>Гришанина А. Н.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖУРНАЛИСТИКИ В МАТЕРИАЛАХ О СОХРАНЕНИИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ	30
<i>Данюк А. Н., Щерблюкин И. П.</i> О «БЫТОВОМ ЯВЛЕНИИ» В. Г. КОРОЛЕНКО	33
<i>Демченко А. А.</i> ПЕРЕЛОМНЫЙ 1856 Г. В СУДЬБЕ НЕКРАСОВСКОГО ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОМУ»	36
<i>Замотина Е. И., Дубровская Т. В.</i> КОРПУС РОССИЙСКИХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИММИГРАЦИИ.....	39
<i>Зверева Е. А.</i> ЖУРНАЛИСТИКА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	45
<i>Зуева Г. С.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ	47

<i>Иванов А. И.</i> О ПРАВДЕ РЕАЛЬНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ	49
<i>Кузнецов И. С., Морозова О. С.</i> АНОНИМНЫЙ АККАУНТ КАК ГЕНЕРАТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ	54
<i>Поляева Н. К., Лысюк А. А.</i> ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА	57
<i>Михайлова Т. Д.</i> ИМАГОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ЖУРНАЛИСТСКИЙ АСПЕКТ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)	61
<i>Мочалина Н. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» В РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХІ в.	63
<i>Накано Ю.</i> САМИЗДАТ КАК МЕТАФОРА ИНТЕРНЕТА	66
<i>Островская Т. Н.</i> ОСВЕЩЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ СОБЫТИЙ КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА	70
<i>Петросян Д. В.</i> ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В АРМЯНСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «АРАВОТ»).....	75
<i>Потапов П. Ф.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИННОВАЦИИ В ЭТНОТЕМАТИЧЕСКИХ РУБРИКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ.....	81
<i>Рева Е. К.</i> ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА В АСПЕКТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МЕДИАДИСКУРСА	90
<i>Сердобинцева Е. Н.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	95
<i>Солдаткина Я. В.</i> НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СЕТИ: ФОРМАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ	98
<i>Третьякова О. В.</i> ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА: ЦЕННОСТНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	102
<i>Трусова Х. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГАСТИКИ В МЕДИАТЕКСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	109

<i>Хамзах И. А.</i> РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ИРАКСКОМ ЖУРНАЛЕ «АЛЬ-ТАКАФА АЛЬ-АДЖНАБИЯ» («ИНОСТРАННАЯ КУЛЬТУРА»)	112
<i>Шувалов И. Ф.</i> УНИВЕРБАТЫ СУФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ	114
<i>Щетинина Г. Н.</i> ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖУРНАЛИСТА И АУДИТОРИИ	119
<i>Юсаяев А. С.</i> ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОЙ МАНЕРЫ В. А. ГИЛЯРОВСКОГО НА РАННИХ ЭТАПАХ РЕПОРТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	122
<i>Ямамото К.</i> «РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС» В ЯПОНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX в.	125
Сведения об авторах.....	130

Научное издание

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей
III Международной
научно-практической конференции

г. Пенза, 24–26 сентября 2015 г.

П о д р е д а к ц и е й
доцента **Рева** Екатерины Константиновны

*Статьи печатаются в авторской редакции.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.*

Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 23.09.2015. Формат 60×84¹/₁₆.

Усл. печ. л. 7,9.

Заказ № 736.1. Тираж 100.

Пенза, Красная, 40, Издательство ПГУ
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru